

Жан-Батист-Бартелеми Лессепс

ЛЕССЕПСОВО ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КАМЧАТКЕ и южной стороне Сибири в течение 1787 и 1788 годов

Перевод с английского издания:

J. Johnson, St. Paul's Church-Yard, Лондон, 1790 года

и французского издания 1790 года.

Предисловие

Эта книга — всего лишь дневник моих путешествий. Я не стремился предвосхитить суждение моего читателя и не претендовал на его снисходительность, уверяя его, что вовсе не собирался писать никакой книги. И надеюсь, что мой рассказ не будет менее интересным, когда станет известно, что единственным побуждением к его написанию была необходимость заполнить свободное время, и что моё тщеславие не простиралось дальше того, чтобы правдиво описать моим друзьям трудности, с которыми мне пришлось столкнуться, и рассказать о наблюдениях, которые я сделал на своем пути. Нетрудно будет заметить, что я писал урывками, часто небрежно, а иногда тщательно — как позволяли обстоятельства, или в зависимости от того, насколько сильные впечатления производило на меня то, что в тот момент меня окружало.

Сознавая свою неопытность, я считал своим долгом не упускать ни малейшей возможности удовлетворить своё любопытство, как будто предвидел, что меня призовут к ответу за потраченное время и знания, которые я имел возможность приобрести. Боюсь только, что скрупулёзная точность, в рамки которой я себя заключил, не придала моему повествованию большого изящества и разнообразия.

События, относящиеся лично ко мне, настолько связаны с предметом моих заметок, что я не заботился о том, чтобы скрывать это. Поэтому меня вполне можно упрекнуть в том, что я слишком много говорил о себе, но это — надо признать — главный грех всех путешественников в моём возрасте.

Кроме того, я готов обвинить себя в частых повторениях, которых избежало бы более опытное перо. В некоторых вопросах, особенно в отношении путешествий, едва ли можно избежать однообразия стиля. Чтобы нарисовать одни и те же предметы, нам приходится использовать одни и те же цвета; следовательно, похожие выражения периодически повторяются.

Задержка с публикацией этого дневника требует некоторого объяснения. Несомненно, я мог бы выпустить его в свет раньше, и это был мой долг, но чувство признательности не позволяло мне делать этого до возвращения графа де Лаперуза. «Что значит моё путешествие? — спрашивал я себя. — Для публики это всего лишь довесок к важной экспедиции этого джентльмена, а для меня же это почётное свидетельство его доверия». Эти соображения побуждали меня в первую очередь предоставить отчёт моему капитану. В этом был также и мой собственный интерес. Как бы я был счастлив, если бы, разрешив опубликовать мои приключения в качестве дополнения к его путешествиям, он соизволил сделать меня своим соратником! Признаюсь, этот апофеоз моего честолюбия был единственной причиной моего промедления.

Увы, после года нетерпеливого ожидания оказалось, что желаемое всё ещё далеко! С момента моего приезда не прошло и дня, чтобы я не вспоминал об «Астролябии» и «Буссоли». Как часто, пересекая в воображении моря, которые им предстояло проплыть, я пытался проследить их продвижение от порта до порта, вычислить их задержки и измерить все перемены их курса!

Когда в момент прощания на Камчатке офицеры наших судов скорбно обнимали меня, как безнадёжно потерянного, кто мог сказать, что я вернусь на родину, а многие из них никогда больше не увидят её, и что я сам пролью слезы над их судьбой!

В сущности, я едва успел обнять мою семью и поздравить себя с успехом моей миссии, как донесение о наших несчастьях на Островах Мореплавателей¹ наполнило моё сердце скорбью и печалью. Виконта де Лангля, этого храброго моряка и верного товарища, друга нашего командира, человека, которого я любил и уважал, как своего отца, больше нет! Моё перо отказывается описать его трагическую кончину, но моё чувство благодарности говорит мне, что воспоминание о его добродетелях будет вечно жить в моем сердце.

Читатель, кто бы ты ни был, прости это невольное излияние моего горя. Если бы ты знал того, кого оплакиваю я, ты бы смешал свои слезы с моими и, как и я, молил бы небо, чтобы ради нашего утешения и во славу Франции командир экспедиции и те из наших храбрых Аргонавтов, которых она сохранила, могли скорее вернуться домой. Ах! Если бы, пока я пишу, попутный ветер наполнил их паруса и направил к нашим берегам! — Да будет услышана эта молитва моего сердца! Пусть день, в который эти строки будут напечатаны, будет днём их возвращения!

¹ Прежнее название островов Самоа. — прим. перев.

Содержание

Глава I.....	4
<i>Петропавловская Гавань</i>	
Глава II.....	9
<i>Паратунка – Апачи</i>	
Глава III	22
<i>Большерецк</i>	
Глава IV.....	47
<i>Апачи – Толбачик</i>	
Глава V	59
<i>Козырёвск – Нижнекамчатск</i>	
Глава VI.....	68
<i>Щека – Карага</i>	
Глава VII	75
<i>Гавенки</i>	
Глава VIII	80
<i>Пусторецк</i>	
Глава IX.....	86
<i>Каменное</i>	
Глава X	98
<i>Парень</i>	
Глава XI.....	106
<i>Гижига</i>	
Глава XII	118
<i>Гарманда – Иреть</i>	
Глава XIII.....	134
<i>Ямск – Иня</i>	
Глава XIV.....	144
<i>Охотск</i>	
Глава XV	159
<i>Медвежья Голова – Юдомский крест</i>	
Глава XVI.....	166
<i>Юдома – Ярманская</i>	
Глава XVII	177
<i>Якутск – Киренск</i>	
Глава XVIII.....	184
<i>Иркутск – Париж</i>	
Приложения.....	198

Глава I

Я получаю депеши и схожу на берег – Отправление фрегатов – Невозможность добраться до Охотска до открытия санного пути – Описание Петропавловской гавани – Природа – Климат – Реки Авачинской бухты.

Когда мне исполнилось двадцать пять лет, я вступил в самый памятный период моей жизни. Сколь бы долгой и счастливой ни будет ещё моя карьера, я сомневаюсь, что мне суждено когда-нибудь побывать в столь же славной экспедиции, как та, в которой в настоящее время участвуют два французских фрегата: «Буссоль» и «Астролябия». Первым командует граф де Лаперуз, начальник экспедиции, а вторым — виконт де Лангль¹.

Это кругосветное путешествие вызывало живейший интерес, все с нетерпением и любопытством ждали известий от этих прославленных мореплавателей из стран и морей, куда послала их Франция и вся Европа.

Для меня было лестно получить от графа де Лаперуза привилегию сопровождать его более двух лет, и ещё более я был обязан ему за честь доставить его донесения во Францию по суше! Чем больше я размышляю об этом ещё одном свидетельстве его доверия, тем больше чувствую, чего требует такое поручение и насколько я не был к нему пригоден; я могу только приписать его предпочтение необходимости выбора для этого путешествия человека, который жил в России и мог говорить на её языке.

6 сентября 1787 года королевские фрегаты вошли в порт Петропавловская гавань² в Авачинской бухте на южной оконечности полуострова Камчатка. 29-го числа мне было приказано сойти с борта «Астролябии», и в тот же день граф де Лаперуз сообщил мне свой приказ и вручил донесения, которые мне предстояло доставить во Францию. Его забота обо мне не ограничилась обеспечить меня самыми необходимым для безопасности и удобства моего путешествия; он дал мне также заботливые отеческие советы, которые никогда не изгладятся из моего сердца. Виконт де Лэнгль был так же добр и присоединился к нему, оказав мне ряд полезных услуг.

Позвольте мне здесь воздать должное верному спутнику опасностей и славы графу Лаперузу за то, что он всегда был мне советником, другом и отцом.

Вечером я простился с моим командиром и его достойным коллегой. Судите сами, как я страдал, когда провожал их к ожидавшим их шлюпкам! Я не мог ни говорить, ни расстаться с ними; они по очереди обнимали меня, а мои слезы

¹ Если бы моё перо было достойно того, о чём оно повествует, какие замечательные вещи я мог бы рассказать об этих знаменитых людях, созданных для того, чтобы совершать самые великие дела с величайшим искусством! Но их подвиги и общественное уважение давно поставили их выше всех моих похвал.

² В 1849 году город стал называться *Петропавловский порт* и только в 1924 году – собственно *Петропавловском-Камчатским* – прим. перев.

выдавали моё душевное состояние. Моя скорбь о том, что я оставляю их, не поддаётся описанию. Офицеры, находившиеся на берегу, тоже попрощались со мной: они были взволнованы, молились о моей безопасности, всячески утешали меня и старались помочь, как только могли. Из их объятий я был передан в руки полковника Козлова-Угренина¹, коменданта Охотска, которому граф де Лаперуз рекомендовал меня скорее как своего сына, чем как офицера, которому поручены его депеши.

С этого момента я был всецело обязан этому русскому коменданту. Тогда я ещё не знал всех достоинств его характера, непрестанно склонного к добрым поступкам, которыми я с тех пор имел столько поводов восхищаться². Он отнёсся к моим чувствам с предельной вниманием. Я заметил слезу сочувствия и в его глазах, когда шлюпки отчалили, и мы следили за ними, покуда они не скрылись из глаз, после чего он проводил меня до своего дома и не жалел сил, чтобы отвлечь меня от грустных размышлений. Трудно представить, что я испытывал в эту минуту, для этого необходимо оказаться в моем положении и остаться одному в этих едва открытых местах, в четырёх тысячах лье от моей родной земли. Даже без этого огромного расстояния мрачный вид страны, где я очутился, достаточно ясно предсказывал, что мне придётся вынести во время моего долгого и опасного пути. Но вскоре приём, оказанный мне жителями города, и любезность господина Козлова и других русских офицеров мало-помалу сделали меня менее чувствительным к отъезду моих соотечественников.

Утром 30 сентября, при благоприятном ветре, фрегаты подняли паруса и уже через несколько часов исчезли за горизонтом. С этим ветром они продолжали плыть ещё несколько дней. Я высказал в душе самые искренние пожелания всем моим друзьям на борту — последний печальный знак моей благодарности и привязанности.

Граф де Лаперуз одобрял мою самостоятельность, но в то же время настоятельно рекомендовал мне оставаться под опекой господина Козлова, что вполне соответствовало моим желаниям. Комендант обещал проводить меня до Охотска, где находилась его резиденция, и куда он должен был немедленно отправиться. Я был рад, что отдан в такие хорошие руки, и не постеснялся беспрекословно принять его предложение.

¹ Григорий Алексеевич Козлов-Угренин (1738-?) — полковник, комендант Охотска и Камчатки в 1784–1789 гг. Участник первой турецкой войны 1768-1774 гг. — *прим. перев.*

² Он не только одарил каждого участника экспедиции, но и пожелал снабдить провизией наши корабли. Несмотря на трудности, связанные с разведением на полуострове крупного рогатого скота, он доставил за свой счёт семерых быков, и никакие уговоры не могли заставить его согласиться на какой-либо эквивалент, он даже сожалел, что не может раздобыть большего количества.

Его намерение состояло в том, чтобы добраться до Большерецка¹ и подождать там, пока не установится санный путь, который бы существенно облегчил наше путешествие в Охотск. Переход по морю тоже был не менее опасен; кроме того, для этого не было ни одного судна ни в Петропавловской гавани, ни в Большерецке².

Господину Козлову нужно было уладить свои дела, которые, вместе с приготовлениями к отъезду, задержали нас ещё на шесть дней и дали мне время убедиться, что фрегаты вряд ли вернутся. Я также воспользовался этой возможностью, чтобы начать свои наблюдения и записывать в дневник всё, что со мной произошло. В частности, я осмотрел Авачинскую бухту и Петропавловскую гавань, чтобы составить о них правильное представление.

Бухта эта была подробно описана капитаном Куком, и я нашёл его рассказ весьма точным. С тех пор она претерпела некоторые изменения, за которыми, как говорят, последуют многие другие, особенно в отношении Петропавловского порта. Вполне возможно, что уже следующий корабль, который прибудет сюда, ожидая увидеть только пять или шесть домов, удивится виду целого города, построенного, правда, из дерева, но вполне защищённого.

Таков, по крайней мере, был план, который, как я узнал косвенно, был составлен господином Козловым, чьи взгляды столь же велики и благоприятны для служения Её Величеству. Выполнение этого плана будет способствовать не в малой степени увеличению известности порта, который уже прославился благодаря иностранным судам, заходившим сюда, а также из-за его удачного расположения для торговли³.

Чтобы понять необходимость и оценить полезность этого проекта, нет ничего лучшего, чем иметь представление о размерах и форме Авачинской

¹ Большерецк или Большерецкий острог — бывшее селение на зап. побережье полуострова Камчатка. Основан в 1703 году. С 1739 по 1783 — административный центр Камчатки. Прекратил существование в 1928 году. — *прим. перев.*

² Охотское море достаточно безопасно для путешествий только летом, этого правила придерживались все местные мореплаватели.

³ Согласно рассказам мореплавателей, это самый удобный порт в этой части Азии, и он должен быть главным торговым центром страны. Это было бы тем более выгодно, что суда, часто посещающие другие порты, обыкновенно считают за удачу, если им удаётся избежать кораблекрушения от штормов и непогоды; и по этой причине императрица прямо запретила там всякое плавание после 26 сентября.

В то же время я узнал одно обстоятельство, которое подтверждает сказанное мною и, по-видимому, послужило поводом для первоначального плана этих улучшений.

В 1786 году некий английский корабль, принадлежащий месье Ланцу, торговцу из Макао, стал на якорь в порту Петропавловска. Капитан Питерс, командовавший этим судном, сделал русским коммерческое предложение, о котором я расскажу ниже. По договору, заключённому им с русским купцом по фамилии Шелихов, он обязался вести торговлю с этой частью Российского государства и потребовал товаров на сумму восемьдесят тысяч рублей. Эти товары, вероятно, состояли бы из мехов, которые англичане рассчитывали сбыть в Китае, откуда они привезли бы взамен товары и другие предметы, нужные русским. Шелихов немедленно отправился в Петербург, чтобы испросить согласия своей государыни, которое он и получил; но пока он пытался выполнить условия контракта со своей стороны, он узнал, что английское судно затонуло у берегов острова Медного при возвращении на Камчатку из северо-западной части Америки, куда оно, вероятно, отплыло, чтобы доставить свой груз, который оно рассчитывало продать в Петропавловской гавани. Известно, что спаслись только двое членов экипажа — португалец и бенгальский негр, которые провели зиму на острове Медном, откуда русское судно доставило их в Нижнекамчатск. Мы встретились с ними в Большерецке, и господин Козлов намеревался отправить их на следующий год в Петербург.

бухты и Петропавловского порта. Существует уже много их подробных описаний, поэтому я ограничусь тем, что может служить иллюстрацией проекта господина Козлова.

Петропавловская гавань, как известно, расположена к северу от входа в бухту, а на юге отделена от неё узким перешейком суши, на котором построен острог¹, или деревня Камчатка. На возвышенности к востоку, в самой внутренней точке залива, находится дом местного коменданта², у которого остановился г-н Козлов на время своего пребывания здесь. Рядом с этим домом, почти в том же ряду, стоит дом командира гарнизона, а чуть выше, к северу — дом сержанта. Эти трое составляют всё «знатное» население порта. Напротив входа в порт, на склоне возвышенности, с которой видно длинное озеро, находятся развалины госпиталя, упомянутого капитаном Куком³. Под ними, ближе к берегу, находится здание, служащее гарнизону арсеналом и постоянно охраняемое караулом. Таково было состояние, в котором мы нашли Петропавловский порт.

Судя по предлагаемому проекту, он, очевидно, станет интересным местом. Вход в гавань будет закрыт или, по крайней мере, окружён укреплениями, которые будут служить одновременно и защитой с внешней стороны будущего города, который должен быть построен главным образом на месте старого госпиталя, то есть между портом и озером. Артиллерия также должна быть установлена на перешейке, которая отделяет залив от озера, чтобы защитить другую часть города. Короче говоря, по этому плану вход в бухту должен был быть защищён достаточно сильной батареей на наименее возвышенной точке левого берега, чтобы суда, входящие в бухту, не могли избежать пушечного обстрела из-за волноломов справа. В настоящее время на вершине скалы стоит батарея из шести или восьми пушек, недавно воздвигнутая для приветствия наших фрегатов.

Частью плана является увеличение гарнизона, состоящего в настоящее время только из сорока казаков. По своему образу жизни и одежде они похожи на камчадалов, за исключением того, что во время службы у них есть сабля,

¹ Слово «острог» на самом деле означает поселение, окружённое частоколом. Оно происходит, я полагаю, от укреплений, наспех сооружаемых русскими для защиты от туземцев, которые, несомненно, не всегда мирились с вторжением на их земли. Острогами теперь называются почти все деревни в этой части страны.

² Его звали Хабаров, и он имел чин прапорщика.

³ Неподалёку от этого места, под деревом, было погребено тело капитана Кларка [Чарльз Кларк (1741–1779), капитан-командор, исследователь Берингова моря, участник четырёх кругосветных плаваний. — *прим. перев.*]. Надпись, которую англичане поместили на его могиле, была сделана на дереве и долго бы не сохранилась. Граф де Лаперуз, желая, чтобы имя этого мореплавателя сохранилось на века, заменил её надписью на медной пластине.

Нет нужды упоминать, что в то же самое время он поинтересовался, где похоронен знаменитый французский астроном де ла Кройер [Людовик Делиль де ла Кроер (1685—1741), профессор астрономии, академик Петербургской Академии наук — *прим. перев.*]. Он попросил господина Козлова воздвигнуть на том месте надгробие и поместить на нём эпитафию, которую он оставил выгравированной на меди и описывающую достоинства и обстоятельства смерти нашего соотечественника. Я видел, как его просьба была исполнена после ухода фрегатов.

огнестрельное оружие и патронная сумка; и, конечно, у них другие черты лица и язык.

Что касается поселения камчадалов, которое составляет значительную часть этой деревни и расположено, как я уже сказал, на узком выступе суши, который закрывает вход в порт, то в настоящее время оно состоит из тридцати-сорока жилищ, включая зимние и летние, называемых избы и балаганы. Общее число жителей не превышает ста человек мужчин, женщин и детей. В плане увеличить их до более чем четырёхсот.

К этим подробностям, касающимся Петропавловской гавани и её предполагаемых улучшений, я добавлю несколько замечаний о характере почвы, климата и рек. Берега Авачинского залива труднодоступны из-за высоких гор, некоторые из которых покрыты лесом, а другие являются вулканами¹. Растительность местных долин поразила меня. Трава почти в человеческий рост, а полевые цветы, такие как дикие розы и другие, перемежающиеся с ними, распространяли чудный аромат.

Сильные дожди идут, как правило, весной и осенью, а осенью и зимой также дуют сильные ветра. Зима иногда бывает дождливой; но, несмотря на её продолжительность она, как меня уверяли, не очень сурова, по крайней мере здесь на юге Камчатки². Снег выпадает в октябре, и оттепелей не бывает до апреля или мая; но даже в июле снег лежит на вершинах высоких гор и особенно вулканов. Лето довольно тёплое; в середине лета бывает жарко. Грозы бывают редко и никогда не наносят вреда. Таков климат почти всей этой части полуострова.

Две реки несут свои воды в Авачинскую бухту — та, которой названа бухта, и Паратунка. Обе они изобилуют рыбой и всевозможными видами водоплавающих птиц, но они настолько пугливые, что к ним невозможно подойти ближе, чем на пятьдесят ярдов. Судоходство по этим рекам после 26 ноября невозможно, к этому времени они всегда замерзают; а в середине зимы и сам залив покрывается льдом, который сохраняется, если ветер дует с моря; но полностью тает, как только он начинает дуть с суши. Гавань Петропавловска обычно покрывается льдом в январе месяце.

¹ Примерно в пятнадцати-двадцати верстах от порта находится вулкан, который посетили натуралисты, сопровождавшие графа де Лаперуза, и о котором будет рассказано в его путешествии. Жители рассказывали, что вулкан часто дымит, но извержения, которые раньше были частыми, не случались уже много лет.

² Ужасные холода, на которые жаловались англичане, наверное, имели место, и я сделаю вид, что согласен с ними. Они, правда, утверждают, что местные жители не смеют выходить из своих подземных жилищ-юрт в течение всей зимы, опасаясь замёрзнуть. Я не замечал такого, по крайней мере, в южной части полуострова, но, возможно, буду иметь случай наблюдать в другом месте. Признаюсь, однако, что холод, который я испытал во время моего пребывания там и который, возможно, можно сравнить с зимой 1779 года, показался мне очень похожим на тот, что бывает в Санкт-Петербурге. Англичане, возможно, имели в виду нечто другое — эти ужасные снежные ураганы, настолько свирепые, что невозможно ни выйти из своего убежища, ни двигаться вперёд, если вы находитесь в пути. Я испытал это не раз, как будет видно в дальнейшем.

Я, конечно, должен рассказать здесь что-нибудь о нравах и обычаях камчадалов, об их домах или, вернее, хижинах, которые они называют избы и балаганы; но я отложу это до приезда в Большерецк, где у меня будет больше свободного времени и больше возможностей описать их подробнее.

Глава II

Отъезд из Петропавловска – Прибытие в Паратунку – Описание этого острога – Камчадалские жилища – Балаганы – Избы – Тойон острога – Прибытие в Коряки – Прибытие в Начикинские бани – Описание бань – Способы анализа горячих вод – Результат наших экспериментов – Способ охоты на соболя – Отъезд из Начиков и подробности нашего путешествия – Прибытие в Апачи.

Мы выехали из Петропавловской гавани 7 октября. Наш отряд состоял из господ Козлова, Шмалева¹, Ворохова², Ивашкина³, меня и свиты коменданта, состоявшей из четырёх сержантов и такого же количества солдат.

¹ Господин Шмалев – главный инспектор Камчатки, или, как его называют в России, капитан-исправник; это тот самый человек, которого англичане имели столько оснований хвалить, и добрые услуги, оказанные им нам, делают его равным образом достойным нашего уважения. [Василий Иванович Шмалев был «командиром» Камчатки и комендантом Петропавловской гавани в 1779—1799 годах. Ему довелось встречать и провожать корабли таких великих мореплавателей как Д. Кук, Ж.-Ф. Лаперуз и Г.А. Сарычев. – прим. перев.]

² Секретарь Шмалева. Имеет офицерское звание и занимается гражданскими делами.

³ Господин Ивашкин [Петр Матвеевич (1723-1806) – прапорщик Преображенского полка, крестник Петра I, был обвинён в заговоре против Елизаветы Петровны – прим. перев.] – тот самый несчастный джентльмен, о котором упоминают англичане и который во всех отношениях заслуживает похвал. Простого перечисления его несчастий достаточно, чтобы возбудить сострадание любого читателя; надо было видеть его, чтобы понять, чем вызван такой интерес к его горестной участи.

Ему не было и двадцати лет, когда императрица Елизавета сделала его сержантом своей Преображенской гвардии. Он уже пользовался некоторым доверием при дворе, а свободный доступ к государыне, который давала ему его должность, открывал для его честолюбия самую блестящую карьеру; как вдруг его не только опозорили и лишили всех его лучших надежд, но и поступили с ним, как с величайшим преступником: его «кнутовали», что является самым суровым и унижительным наказанием, практикуемым в России, вырвали ноздри и сослали пожизненно на Камчатку. Англичане рассказывали нам, как он страдал в течение более двадцати лет от жестокости, с которой к нему относились; ему отказывали даже в самом необходимом, и он наверняка умер бы от голода и нищеты или впал в отчаяние, если бы не его ум и физическая выносливость. Необходимость обеспечить себе пропитание вынудила его не без отвращения породниться с камчадалами и целиком перенять их образ жизни. Он одевается так же, как они, и с помощью охоты и рыбной ловли может не только прокормить себя, но и имеет некоторый излишек, от продажи которого имеет те небольшие удобства, которые хоть как-то скрашивают его жалкое существование. Он проживает в Верхне-Камчатске. Русские ничего не знают о причине его столь сурового наказания; они склонны приписывать его недоразумению или каким-нибудь его неосторожным словам, ибо не верят, что он способен на преступление. Со временем, однако, произошла перемена в оценке тяжести его преступления, и недавно было сделано предложение изменить место его изгнания и переселить его в Якутск, город, в котором условия для жизни, несомненно, лучше. Но этот несчастный, которому на вид лет 60-65, отказалось воспользоваться этим разрешением, не желая, как он сказал, выставлять напоказ отвратительные следы своего бесчестия и во второй раз краснеть от ужасного наказания, которому он подвергся. Он предпочёл остаться жить с камчадалами, имея лишь одно желание – провести несколько оставшихся лет жизни с теми, кто знает о его честности, и унести с собой в могилу дружбу и уважение, которые он так справедливо заслужил.

Рассказы англичан побудили графа де Лаперуза встретиться с этим несчастным, который с первой минуты внушил ему живейшее сострадание. Он принял его на борту своего корабля и за своим столом. Гуманность графа не ограничивалась сочувствием к его несчастьям; он искал все средства смягчить их, оставив ему всё, что могло

Командир порта, вероятно из уважения к господину Козлову, своему начальнику, присоединился к нашему небольшому отряду, и мы отправились на байдарах¹ пересечь бухту и добраться до Паратунки, где нас должны были ждать лошади для продолжения нашего путешествия.

Через пять-шесть часов мы прибыли в этот острог, где есть церковь и проживает священник². Его дом служил нам пристанищем, где нас приняли с величайшим гостеприимством; хотя едва мы вошли, как дождь хлынул с такой силой, что нам пришлось задержаться дольше, чем хотелось бы.

Я охотно воспользовался этим коротким промежутком времени, чтобы описать некоторые вещи, отложенные мною до приезда в Большерецк, где, быть может, я найду и другие, не менее интересные.

Острог Паратунка расположен на берегу реки с таким же названием, примерно в двух лье от её устья³. Жителей в ней едва ли больше, чем в Петропавловской гавани, да и число изб и балаганов, кажется, почти такое же⁴. В своё время оспа произвела в этом месте ужасное опустошение.

Камчадалы живут в балаганах летом, а зимой переезжают в избы. Так как считается желательным, чтобы они постепенно стали жить как русские крестьяне, то в этой части Камчатки им запрещено строить новые юрты, и в настоящее время их почти не осталось⁵.

Балаганы возвышаются над землёй на нескольких столбах высотой около двенадцати или тринадцати футов. Это подобие колоннады поддерживает в воздухе платформу из брёвен, соединённых друг с другом и покрытых глиной; это служит полом для всего здания, которое состоит из крыши в форме конуса из длинных шестов, скреплённых вместе наверху и опирающиеся на платформу. Всё это покрыто чем-то вроде соломы или сухой травы. Внутри находится единственное помещение, или, если хотите, комната, посередине

напомнить ему о нашем пребывании там и убедить его, что англичане – не единственные иностранцы, равнодушные к его печальной участи.

¹ Байдары – лодки, несколько похожие на европейские, за исключением того, что борта их сделаны из досок шириной от четырёх до шести дюймов, скреплены между собой верёвками шнурами и законопачены мхом. Это единственные суда, которые используются для плавания к Курильским островам, на них обычно гребут, но иногда используют парус.

² Его зовут Фёдор Верещагин; он стал преемником своего старшего брата Романа Верещагина, который был так любезен с капитаном Клерком и которого я потом нашёл в Большерецке. Его предшественник сообщил англичанам, что этот приход должен быть немедленно переведён в Петропавловскую гавань; но это не может произойти до тех пор, пока не будут приведены в исполнение намеченные улучшения в отношении порта. Надо заметить, что англичане упустили из виду, что там уже когда-то была церковь, от которой мало что осталось.

³ Эта река впадает, как я уже говорил, в Авачинскую бухту. Отмели, которые обычно обнажаются при отливе, делают вход судов в неё невозможным; впрочем, это трудно даже при высокой воде.

⁴ Когда я рассматривал камчадалские дома, я иногда представлял себе презрительное недоумение, которое выказали бы при виде их наши французские сибариты. Кто-то из них гордится своими обширными усадьбами, другие – своими маленькими опрятными домиками, а кто-то – роскошно украшенными квартирами с великолепной мебелью. Я думаю, они воскликнут: как люди могут жить в этих жалких хижинах! Камчадал, однако, отнюдь не несчастен в своём жилище, архитектура которого, кажется, ведёт нас назад к первобытной эпохе; он живёт там со своей семьёй в спокойствии и наслаждается, по крайней мере, тем счастьем, что имеет меньше потребностей и поэтому знает меньше лишений, а перед глазами у него нет предметов для завистливого сравнения.

⁵ Впоследствии я нашёл несколько юрт в северной части полуострова и описал их в надлежащем виде.

горит огонь, на котором готовят пищу, отверстие в крыше служит дымоходом, в этой же комнате все вместе едят и спят где попало без малейшего недовольства или стеснения. Об окнах в этих «квартирах» не может быть и речи; есть только дверь, такая низкая и узкая, что её едва хватает, чтобы впускать немного света. Наружная лестница не мудрёнее остальной части здания — это просто бревно с неряшливо вырубленными в нём ступеньками, один конец его лежит на земле, а другой достаёт до платформы. Лестница расположена под углом к двери и ведёт на что-то вроде открытой галереи перед входом. Ступеньки на этом круглом бревне так неудобны, что я не раз рисковал сломать себе шею. Действительно, всякий раз, когда эта мерзкая лестница проворачивается под ногами тех, кто к ней не приспособился, сохранить равновесие невозможно, падение неизбежно, а последствия его прямо пропорциональны высоте. Когда хозяева хотят сообщить, что дома никого нет, они просто поворачивают лестницу ступеньками вниз.

Идею строительства таких странных жилищ на самом деле подсказал образ жизни этих людей. Их основной пищей, а также пищей их собак является сушёная рыба, поэтому для того, чтобы высушить рыбу и другие продукты питания, им необходимо иметь место, защищённое от солнечного света и в то же время совершенно открытое для воздуха. Такое место и есть под их балаганами, там они вешают свою рыбу, либо под потолок, либо по бокам — так, чтобы она была вне досягаемости их прожорливых собак. Кстати, это пространство под домами также используется в качестве жилища для этих собак, которых камчадалы используют, чтобы возить сани¹. Там они и живут, привязанные к столбам, там находят укрытие от непогоды и тень от палящего солнца. Таковы преимущества, вытекающие из особого способа строительства летних жилищ камчадалов.

Зимние жилища менее своеобразны, и если бы они были побольше, то точно походили бы на жилища русских крестьян. Избы построены из дерева, то есть стены сделаны из больших брёвен, промежутки между которыми заполнены глиной. Крыша наклонная, как у наших деревенских домов, и покрыта грубой травой или камышом, а часто и досками. Внутренняя часть разделена на две комнаты, с печкой, расположенной так, чтобы согреть их обе, и которая служит также очагом для приготовления пищи. С двух сторон бóльшей комнаты закреплены широкие скамьи, а иногда и простенький диванчик из досок, обтянутый медвежьей шкурой. Это ложе главы семьи, и женщины, которые в этой стране являются рабынями своих мужей и выполняют всю самую тяжёлую работу по дому, считают себя счастливыми, если им позволяют спать на нём.

¹ Поскольку скоро мне придётся перейти на этот способ передвижения, я отложу описание собак до того времени.

Кроме этих скамеек и кровати, есть ещё стол и множество изображений различных святых, которыми камчадалы так же старательно увешивают стены своих покоев, как наши богатые ценители прекрасного выставляют свои великолепные картины.

Окна, как можно предположить, небольшие. Вместо стёкол в них натянуты шкурки или пузыри лосося, а иногда и листья слюды, но это редко и предполагает некоторую роскошь. Рыбьи шкурки так выделаны, что становятся прозрачными и пропускают в комнату слабый свет¹, но предметы сквозь них не видны. Пластинки слюды более прозрачны и приближаются к стеклу; в то же время они недостаточно прозрачны для людей снаружи, чтобы видеть, что происходит внутри, а это явно является удобством для таких низких домов.

Каждый острог возглавляется вождём, называемым «тойон». Он избирается из числа туземцев, голосованием. Русские сохранили за ними эту привилегию, но выборы должны быть одобрены юрисдикцией провинции. Этот тойон — обычный крестьянин, как и те, кого он судит и кем управляет; у него нет никакого знака отличия, и он выполняет те же самые работы, что и его подчинённые. В его обязанности входит главным образом наблюдение за порядком и исполнением правительственных распоряжений. При нём находится ещё один камчадал, выбранный самим тойоном в качестве помощника. Этот вице-тойон называется «есаул». На самом деле это название казачьего чина, камчадалы приняли его со времён появления казаков на их полуострове и он стал означать второго вождя племени. Необходимо добавить, что, когда поведение этих вождей признается коррумпированным или возбуждает жалобы их подчинённых, русские офицеры, начальствующие над ними, или другие органы, учреждённые правительством, немедленно отстраняют их от исполнения их обязанностей и назначают других, более приятных для камчадалов, у которых, тем не менее, остаётся право выбора.

Дождь не прекращался, не позволяя нам продолжить путешествие, и любопытство побудило меня воспользоваться этой задержкой, чтобы пройтись по острогу и его окрестностям.

Сначала я пошёл в церковь, которая была построена из дерева и украшена в русском деревенском стиле. Я заметил герб капитана Клерка, написанный мистером Уэббером, и надпись по-английски, посвящённую смерти этого достойного преемника капитана Кука; она указывала место его погребения в Петропавловской гавани.

Во время пребывания здесь французских фрегатов я был в Паратунке на охоте с виконтом де Ланглем. Когда мы вернулись, он рассказал о многих интересных предметах, которые он увидел в церкви и которые тогда

¹ В этом они чем-то похожи на промасленную бумагу в окнах наших промышленных помещений.

совершенно ускользнули от моего внимания. Это были, насколько я помню, различные пожертвования, оставленные там, как он сказал, некими древними мореплавателями, потерпевшими кораблекрушение. Я намеревался изучить их во время моего второго визита в этот острог; но то ли это выпало из моей памяти, то ли мои исследования были слишком поспешны, но я так и не обнаружил их.

Деревня окружена лесом, я пересёк его, идя вдоль реки, и увидел обширную равнину, простирающуюся на север и восток до самых Петропавловских гор. Цепь их заканчивается на юге и западе другой, частью которой является гора Паратунка, возвышающаяся в пяти или шести верстах от одноимённого острога. На берегах рек, протекающих по этой равнине, часто можно увидеть следы медведей, которых привлекает рыба, которой изобилуют эти реки. Жители уверяли меня, что можно видеть их на этих берегах по пятнадцать–восемнадцать особей за раз и что всякий раз, когда они охотились на них, они добывали по крайней одной–двух за день. Скоро мне представится случай рассказать об их охоте и об их оружии.

Мы выехали из Паратунки и снова пустились в путь; двадцати лошадей было достаточно для нас и нашего багажа, который был невелик, так как господин Козлов предусмотрительно отправил бóльшую его часть по воде до острога Коряки. Река Авача судоходна не дальше этого острога, и то только на небольших лодках, называемых «баты». Байдары служат только для того, чтобы пересечь Авачинскую бухту, и не могут пройти дальше устья реки, где их груз перегружается в баты. Из-за мелководья и быстроты течения на этих лодках плывут вверх, отталкиваясь от дна шестами. Именно таким образом наши вещи прибыли в Коряки.

Что касается нас, то, переправившись через реку Паратунку по мелководью и обойдя несколько её притоков, мы вышли на путь, который был лесистым и менее ровным, но который пролегал почти полностью в долинах, и нам предстояло подняться только на две горы. Наши лошади, несмотря на их поклажу, двигались весьма быстро. У нас не было ни малейшего повода жаловаться на погоду, она была так прекрасна, что я начал думать, что сведения о суровости климата здешних мест преувеличены, но вскоре я слишком хорошо убедился в их истинности, и в продолжение моего путешествия имел все возможности привыкнуть к самым пронизывающим морозам, иногда радуясь, что среди льда и снега не приходится ещё бороться и с яростным ветром.

Мы ехали от Паратунки до Коряков около шести-семи часов, что, насколько я мог судить, составляет от тридцати восьми до сорока вёрст. Едва прибыв на место, мы были вынуждены укрыться от дождя в доме тойона; он уступил свою избу господину Козлову, и мы провели там ночь.

Острог Коряки расположен в лесу на берегу реки Авачи, которая в этой месте становится совсем узкой. Пять–шесть изб, да десятка полтора балаганов составляют эту деревню, похожую на Паратунку, только она меньше и не имеет церкви. Я вообще заметил, что в небольших далёких острогах часто не бывает церквей.

На следующий день мы поехали в Начики, другой острог на большерецкой дороге. Здесь мы должны были остановиться на несколько дней ради бань, которые господин Козлов построил на свои средства для пользы и удовольствия жителей на горячих источниках, которые я сейчас опишу. Путь от Коряков до Начиков довольно удобен, и мы без труда пересекли все небольшие ручьи, стекающие с гор, у подножия которых мы проходили. Примерно на трех четвертях пути мы вышли на реку Большую¹ в месте её наибольшей ширины, которая в этом месте составляет около десяти или двенадцати ярдов. Здесь она сильно петляет на северо-восток; мы некоторое время шли по её берегу, пока не достигли небольшой горы, которую нам надо было перейти, чтобы добраться до деревни. Сильный дождь, который продолжался от самых Коряков, здесь прекратился, а ветер переменялся на северо-западный, небо заволокло тучами, пошёл сильный снег, который продолжался до нашего прибытия. Я заметил, что снег уже покрыл горы, даже самые низкие, на которых он лежал на определённой высоте, так что нижняя его граница прочерчивала по горам ровную линию. Мы переправились вброд через реку Большую и нашли на другой стороне острог Начики, где я насчитал шесть или семь изб и двадцать балаганов, подобных тому, что я уже видел. Мы не останавливались там, так как г-н Козлов счёл нужным немедленно поспешить в бани, которым я тоже был рад, как из любопытства, так и по необходимости.

От дождя и снега я насквозь промок, а, переправляясь через реку, промочил и обувь. Поэтому очень хотелось переодеться, но когда мы приехали в баню, оказалось, что наш багаж ещё не прибыл. Мы попробовали обсушиться, пройдясь по окрестностям, заодно надеясь увидеть что-нибудь интересное. Я был очарован всем, что увидел, но мы так продрогли от сырой погоды и промокшей одежды, что быстро прекратили нашу прогулку. По возвращении нас ждало разочарование. Багаж так и не прибыл, а место, где мы находились, было не только самым сырым, какое только можно было выбрать, но и — хотя оно казалось достаточно защищённым — очень ветреным. Господин Козлов прибегнул к горячей ванне, которая быстро привела его в чувство; но я не осмелился последовать его примеру и был вынужден ждать прибытия нашего багажа. Сырость проникла в меня до такой степени, что я дрожал всю ночь.

¹ Современное название этой реки — Плотникова. Рекой Большой сейчас называется только участок (58 км.) реки ниже слияния р. Плотникова и р. Быстрой. — *прим. перев.*

На следующий день я попробовал эти ванны и могу сказать, что никогда ещё подобные процедуры не доставляли мне такого удовольствия и такой пользы. Но прежде чем я продолжу, я должен описать источник этих горячих вод и помещение, построенное для купания.

Бани находятся в двух верстах к северу от острога и примерно в ста ярдах от реки Большая, которую необходимо ещё раз пересечь, чтобы добраться сюда. Густой пар непрерывно поднимается от этих вод, которые падают частыми каскадами с крутого склона в трехстах ярдах от места, где воздвигнуты сами бани. Внизу поток этот имеет глубину полтора фута и ширину в шесть-семь футов. Недалеко от реки Большой этот ручей встречается с другим, с которым он вливается в реку. В месте их слияния, примерно в восьми-девяти сотнях ярдов от источника, вода настолько горячая, что невозможно держать в ней руку в течение полминуты.

Господин Козлов продуманно возвёл бани в самом удобном месте, где температура воды наиболее умеренная. Они построены из дерева, над серединой ручья, и имеют шестнадцать футов в длину и восемь в ширину. Помещение разделено на две комнаты, каждая размером семь на семь футов и столько же в высоту: та, что ближе к источнику и под которой вода, следовательно, горячее, предназначена для купания; другая служит гардеробной, для этого там есть широкие скамьи. Есть одно обстоятельство, которое делает эти ванны особенно приятными: тепло от воды хорошо обогревает гардеробную; а в ванне тело прогревается до такой степени, что это ощущается ещё в течение часа-двух после купания.

Мы поселились рядом с этими банями в чем-то вроде амбаров, крытых соломой. Мы заняли две комнаты, построенные специально для нас и за такое короткое время, что я сначала не поверил этому, но вскоре убедился собственными глазами. То, что находилось к югу от ручья, было слишком маленьким и сырым, и господин Козлов приказал построить другой дом попросторнее на противоположной стороне ручья, где почва менее болотистая. Это было сделано за один день, и к вечеру всё было закончено! Была даже сделана дополнительная лестница, соединявшая наш дом с купальней.

Но в наших жилищах было так невыносимо холодно по ночам, и через четыре дня господин Козлов решил покинуть их. Мы вернулись в деревню, поселившись у тойона, но привлекательность бань каждый день приводила нас обратно, чаще дважды, и мы почти никогда не уходили оттуда без купания.

Различные постройки, которые господин Козлов заказал для удобства своего заведения, задержали нас ещё на два дня. Воодушевленный любовью к добродетели и человечности, он наслаждался тем, что строил эти целебные ванны для своих бедных камчадалов.

Их незнание целебных свойств этих вод или, возможно, их лень, без его помощи лишили бы камчадалов их пользы, несмотря на бесспорную уверенность местных жителей в пользе горячих источников для лечения различных болезней¹. Это заставило господина Козлова выяснить свойства этих вод; мы решили сделать их анализ с помощью метода, который был у него записан для этой цели. Но прежде чем рассказать о результатах наших экспериментов, я изложу здесь весь процесс, чтобы лучше проследить последовательность наших действий.

Вода вообще может содержать:

1. Углекислый газ; в этом случае она имеет острый и кисловатый вкус, как лимонад без сахара.
2. Железо или медь; и тогда она имеет терпкий и неприятный вкус, как чернила.
3. Серу, или сероводород; и тогда у воды очень тошнотворный вкус и запах, как у тухлого яйца.
4. Сернокислую, хлорную или щелочную соль.
5. Известь

Углекислота.

«Чтобы определить углекислоту, достаточно попробовать воду на вкус; но если налить в воду немного раствора лакмуса, вода покраснеет, пропорционально количеству углекислоты, в ней содержащейся»

Железо.

«Железо можно узнать с помощью чернильных орешков и жёлтой кровяной соли; орешек, помещённый в железистую воду, изменит свой цвет на синий, фиолетовый или чёрный, и жёлтая кровяная соль немедленно произведёт берлинскую лазурь²»

Медь.

«Медь можно определить с помощью жёлтой кровяной соли или аммиака; первая окрашивает воду в коричнево-красный цвет, а второй — в синий. Последний способ является наиболее надёжным, поскольку аммиак осаждает только медь, а не железо»

¹ Раньше они не осмеливались приближаться к этим источникам или к какому-либо вулкану, считая их обителью злых духов.

² Краситель, ферроцианид, имеющий яркую синюю окраску. — прим. перев.

Сера.

«Сера и сероводород могут быть обнаружены путём добавления в воду:

1. азотистой кислоты; если в ней образуется желтоватый или беловатый осадок серы и появится сернистый запах.
2. нескольких капель раствора сулемы; если образуется белый осадок, то вода содержит только сернистый калий, а если осадок чёрный, то вода содержит только серу»

Сернокислая соль.

«Вода может содержать сернокислые соли, то есть соли, образующиеся в результате сочетания серной кислоты с известняком, железом, медью или едкой щёлочью. Серную кислоту можно определить, добавив несколько капель раствора окиси бария, ибо тогда образуется песчаный осадок, который медленно осядет на дно сосуда»

Хлорные соли.

«Вода может содержать хлориды, которые можно определить, добавив в неё несколько капель раствора азотнокислого серебра; немедленно образуется белый осадок похожий на свернувшееся молоко, который затем темнеет»

Щёлочи.

«Вода может содержать щёлочь, которую можно обнаружить, добавив в неё несколько капель раствора сулемы; при этом образуется красноватый осадок»

Известь.

«Вода может содержать известь и магнезию. Несколько капель щавелевой кислоты, вылитых в воду, осаждают известь в виде белесых хлопьев, которые затем осаждаются на дне. Если вода содержит магнезию, то несколько капель раствора сулемы, дадут, но очень медленно, красноватый осадок»

«Внимание! Чтобы провести эти эксперименты с большей точностью, анализируемая вода должна быть наполовину выпарена путём кипячения, за исключением углекислого газа, который улетучится при кипячении»

Тщательно изучив последовательность действий, мы приступили к экспериментам. Три первых не произвели никакого эффекта, и мы пришли к заключению, что вода не содержит ни углекислоты, ни железа, ни меди; но при добавлении азотистой кислоты, упомянутой для четвёртого эксперимента, мы увидели лёгкую муть беловатого цвета, осевшую на дне, совсем немного, что

привело нас к мысли, что количество серы или сероводорода должно быть очень малым.

Пятый эксперимент показал, что вода содержит сернокислые соли или, по крайней мере, сернистую кислоту, смешанную с известью. Мы убедились в существовании этой кислоты, влив в воду несколько капель раствора сулемы, которая стала белой и мутной, а осадок, медленно оседавший на дне сосуда, казался белесым и состоял из очень мелких зёрен.

У нас не было никакой соли серебра для шестого эксперимента, чтобы установить, содержит ли вода хлористые соли.

Седьмой показал, что в ней нет щелочи.

В восьмом эксперименте мы обнаружили, что вода содержит большое количество извести — кальциевой щелочи, но не магнезии. Налив несколько капель щавелевой кислоты, мы наблюдали, как известковый осадок оседает на дно сосуда хлопьями беловатого цвета; затем мы добавили раствор сулемы, чтобы обнаружить магнезию; но осадок, вместо того чтобы стать красным, сохранил тот же цвет, как доказательство того, что вода не содержала магнезии.

Мы приходилось использовали эту воду для питья и чая. Но только через три или четыре дня мы обнаружили, что в ней есть какие-то соли.

Г-н Козлов набрал из источника воду и кипятил её до тех пор, пока она полностью не испарилась; беловатый и очень солёный порошок, который остался на дне сосуда, показывал, что вода содержит азотистые соли.

Мы заметили также, что камни, извлечённые из источника, покрыты известковым веществом, довольно толстым и бугристым, которое при воздействии на него серной и азотистой кислотой вызывало шипение. Образцы, взятые из более горячей части источника, оказались покрытыми слоем какого-то металла, если я могу назвать так твёрдую и плотную оболочку цвета очищенной меди, но что это за металл, мы не могли установить. Мы нашли также шарики этого металла, размером с булавочные головки, но никакая кислота не могла их растворить. Разбив добытые из ручья камни, мы обнаружили, что внутри они очень мягкие и смешаны с песком, которым, как я наблюдал, изобиловали эти ручьи.

Должен также добавить, что мы обнаружили в ручье и в небольшом болоте рядом с ним, необычный фукус¹. Он был липкий и не был прикреплен корнями к дну².

Таковы наблюдения, которые я сделал над этими термальными водами, помогая господину Козлову в его опытах и исследованиях. Я не смею льстить

¹ Фукус — род бурых водорослей, из которых добывают клейкое вещество типа агар-агара или камеди. — прим. перев.

² Г-н Козлов дал несколько образцов этой водоросли одному из натуралистов нашей экспедиции, аббату Монгесу, когда фрегаты стояли у Петропавловской гавани.

себе тем, что эта помощь была так уж велика, возможно, моя забывчивость или недостаток информации привели к некоторым ошибкам; я могу только сказать, что я приложил все свои усилия быть внимательным и точным; но в то же время признаю, что, если были какие-то недостатки, то надо приписать их исключительно мне.

Наконец, наши лошади привезли то, что мы оставили в Коряках, и мы начали готовиться к отъезду. В это время мне довелось увидеть пойманного живьём соболя; метод весьма своеобразен и может дать некоторое представление о способе охоты на этих животных.

На некотором расстоянии от бань господин Козлов заметил многочисленную стаю вóронов, которые кружились над одним местом, периодически пикируя на землю в одно и то же место. Это навело нас на мысль, что их привлекает там какая-то добыча. Оказалось, что эти птицы преследовали соболя. Мы увидели его на берёзе, окружённого вóронами, и у нас тоже возникло желание поймать его. Самым быстрым и верным способом было бы, несомненно, застрелить его; но наши ружья были в деревне, и ни одного из сопровождавших нас людей их не было. Тогда один из камчадалов взялся поймать соболя. Он применил следующий метод. Он попросил у нас верёвку, и мы дали ему единственную, что у нас была — которой мы привязывали наших лошадей. Пока он завязывал на верёвке петлю, несколько собак, натренированных на такую охоту, окружили дерево; зверёк наблюдал за ними, но то ли от страха, то ли по природной глупости, не пошевелился; и удовольствовался тем, что вытянул шею, когда к нему поднесли петлю. Его голова дважды была в петле, но каждый раз узел соскальзывал. Наконец, соболю спрыгнул на землю, собаки бросились на него, но он неожиданно вывернулся и когтями и зубами хватил за нос одну из собак, которая не нашла никаких оснований остаться довольной таким приёмом. Желая взять животное живым, мы придержали собак, соболю тотчас же воспользовался этим и снова взбежал на дерево, где ему в третий раз поднесли петлю, завязанную заново. С четвёртой попытки, наконец, петля затянулась¹. Я и представить себе не мог, что животное, обладающее таким хитрым видом, позволит поймать себя таким глупым способом и само сунет голову в силоч, который ему поднесли. Этот забавный способ ловли соболей является значительным подспорьем для камчадалов, которые обязаны платить налог шкурками этих животных, как я объясню далее².

В продолжении ночей 13-го и 14-го октября на северо-западе наблюдались два небесных явления, но мы их пропустили. Из описания их, я понял, что это были *aurogæ boreales*, и мы сокрушались, что нам вовремя не сообщили о них.

¹ Господин Козлов, участвовавший в этой охоте, любезно подарил мне этого соболя, и пообещал добавить ещё одного, чтобы я мог привезти с собой во Францию пару шкурок.

² Эти шкуры являются не только предметом торговли, но и служат разновидностью денег у камчадалов.

Во время нашего пребывания в банях погода была довольно хорошей, но западная часть неба почти постоянно была затянута плотными облаками. Ветер менялся с западного на северо-западный, и время от времени шёл снег, который, однако, не образовал устойчивого покрова, несмотря на холода, которые мы испытывали каждую ночь.

Наш отъезд был назначен на 17 октября, а 16-го мы провели в спешке и суе, которые обычно сопровождают последние приготовления. Остальная часть нашего маршрута до Большерецка должна была идти по реке Большой. Десять маленьких лодок, которые, собственно говоря, представляли собой каноэ, выдолбленные из дерева, связанных парами, служили пятью плотами для перевозки нас и части нашего имущества. Большую часть мы вынуждены были оставить в Начиках, так как погрузить всё на плоты было невозможно, а больше лодок не было. Мы и так собрали все каноэ, какие были в деревне, а некоторые даже были доставлены из острога Апача, куда мы направлялись.

17-го на рассвете, мы погрузились на плоты. Четыре камчадала вели их с помощью длинных шестов. Но им часто приходилось брести по воде и тащить их за собой; глубина реки в некоторых местах была не более одного-двух футов, а в других — и того меньше. Вскоре один из наших плотов получил повреждение, это был именно тот, который был нагружен нашим багажом, и мы были вынуждены выгрузить всё на берег, чтобы заняться починкой. Мы, правда, не стали ждать, а оставив с ним людей, продолжили свой путь. К обеденному времени случилось ещё одно несчастье, куда более прискорбное для людей, у которых разыгрался аппетит. Плот, на который погрузили кухню, вдруг затонул прямо у нас на глазах. Мы, конечно, не стали равнодушно наблюдать за такой потерей, а быстро спасли остатки провизии, и, прежде чем двинуться дальше, благоразумно решили пообедать, опасаясь ещё большего несчастья. Обед постепенно рассеял наши страхи и придал нам достаточно энергии, чтобы вычерпать воду, которая накопилась в лодках, и продолжить наше путешествие. Не успели мы тронуться, как встретили две лодки, шедшие нам на помощь из Апачи. Мы послали их на помощь повреждённому плоту и на замену непригодных лодок. Мы продолжали продвигаться вперёд во главе нашего каравана судов, пока, наконец, не потеряли остальных из виду, и до вечера не случилось ничего катастрофического.

Я заметил, что река Большая в своих изгибах часто меняла направление почти на противоположное. Течение её очень быстрое; мне казалось, она течёт со скоростью пяти узлов, между тем камни и отмели, которые мы встречали ежеминутно, до такой степени затрудняли нам плавание, что последний час был поистине мучителен для наших проводников. Они обходили препятствия с удивительной ловкостью, и по мере того, как мы приблизились к устью реки, я с удовольствием заметил, что она становится шире и судоходнее. Я был также

удивлён, увидев, как она вдруг разделилась на не знаю сколько проток, образовав множество маленьких островков, некоторые из которых были покрыты лесом и кустами, а потом снова соединилась в один поток. Кусты везде очень густые, мы часто встречали их во множестве растущими в самой реке, что ещё более затрудняло плавание и говорило о беспечности, я бы сказал, и лени местных жителей. Им никогда не приходит в голову выкорчевать их и таким образом сделать проход по реке более лёгким.

Различные виды водоплавающих птиц, такие как утки, чибисы, гуси, нырки и другие, водятся на этой реке, поверхность которой иногда сплошь покрыта ими, но подойти к ним достаточно близко для выстрела трудно. Крупной дичи, как мне показалась, не такой уж много. Если бы не следы медведей и полусъеденная рыба, которые постоянно попадались нам на глаза, я бы подумал, что мне, по крайней мере, сильно преувеличивали, рассказывая о множестве этих животных; мы не смогли заметить ни одного из них, но мы видели множество орлов, сорок, воронов, несколько куропаток и горностая, прогуливающегося по берегу.

С наступлением ночи господин Козлов справедливо рассудил, что на ночь благоразумнее будет остановиться, чтобы не столкнуться с препятствием, подобным тому, что уже помешало нашему плаванию. Мы не были знакомы с рекой, а в темноте малейшее происшествие могло стать для нас роковым. Эти соображения заставили нас провести ночь на правом берегу реки, у леса, недалеко от того места, где останавливался капитан Кинг со своим отрядом¹. Приличных размеров костёр согрел и высушил всю нашу компанию. Г-н Козлов предусмотрительно погрузил на свой плот палатку, и, пока мы — весьма скоро — устанавливали её, с удовлетворением увидели, что прибыли два других плота, которые не поспевали за нами. Удовольствие, которое доставило нам это воссоединение, усталость, удобство палатки и наших постелей, которые мы, к счастью, захватили с собой, — все это способствовало тому, что мы провели ночь приятнейшим образом.

На следующий день мы собрались в дорогу рано и без помех. Через четыре часа мы прибыли в Апачи, но из-за мелководья не могли подплыть к самой деревне, а высадились примерно в четырёхстах ярдах и прошли это небольшое расстояние пешком.

Эта деревня показалась мне ещё меньше, чем предыдущие, в ней было на три-четыре жилища меньше. Она расположена на небольшой равнине, на берегу протоки реки Большой, а на другом берегу находится лес, который, скорее всего, был островом, образованным различными рукавами реки.

Кстати, я узнал, что острог Апачи, как и острог Начики, не всегда был там, где он находится сейчас. Через несколько лет после основания деревни жители

¹ Смотрите "Путешествие Кука", том III, стр. 208.

перенесли свои дома в это место в поисках более удобного места для рыбной ловли. Расстояние нового острога от прежнего составляет, как мне сказали, около четырёх-пяти вёрст.

В Апачах не оказалось ничего интересного. Я прошёл по ним, и направился к нашим плотам, которые прошли мелководье и ждали нас в трех верстах ниже острога, в том месте, где протока реки, сделав петлю вокруг деревни, снова впадает в основное русло. Чем дальше мы продвигались, тем глубже и быстрее становилась река, так что ничто не помешало нашему плаванию до самого Большерецка, куда мы прибыли в семь часов вечера, сопровождаемые только одним из наших плотов, остальные не поспевали за нами.

Глава III

В Большерецке – Кораблекрушение охотского галиота – Деревенька Чекавка – Устье реки Большая – Страшный ураган – Описание Большерецка – Население – Мошенническая торговля казаков. – Коммерция в целом – Образ жизни жителей и камчадалов – Платье – Еда – Питьё – Коренные жители – О нравах жителей – Балы для дам – Камчадалские праздники и танцы – Охота на медведя – Охота и рыбная ловля – Нехватка лошадей – Собаки – Сани – Болезни – Колдуны-лекари – Крепкий организм женщин – Лекарство, подсказанное медведем – Религия и церкви – Налоги – Монеты – Жалованье солдатам – Правительство – Суды – Преемственность власти – Разводы – Наказания – Диалекты речи – Климат – Причина моего долгого пребывания в Большерецке.

Как только мы высадились, г-н Козлов проводил меня к себе, где любезно предоставил мне кров, который я занимал все время моего пребывания в Большерецке. Он не только снабдил меня всеми удобствами и развлечениями, которые были в его власти, но и снабдил всеми сведениями, которые могли меня интересовать и которые позволяла ему его служба. Его обходительность часто предвосхищала мои желания и вопросы, к тому же ему удавалось возбуждать моё любопытство, рассказывая обо всём, что, по его мнению, могло быть мне интересно. Именно с этой целью он предложил мне, почти сразу же по прибытии, осмотреть вместе с ним галиот из Охотска, который, к несчастью, только что потерпел крушение недалеко от Большерецка.

Ещё во время нашего плавания по реке мы кое-что узнали об этом печальном событии. Говорили, что непогода, с которой галиот встретился при прибытии, заставила его бросить якорь на расстоянии лиги от берега, но, обнаружив, что якорь не держит, капитан не видел иного способа спасти груз, кроме как выброситься на мель у берега, поэтому он обрубил канаты, и судно было разбито.

При первом известии об этом жители Большерецка собрались, чтобы поспешить на помощь судну и спасти хотя бы провизию, которой оно было нагружено. Сразу же после нашего прибытия господин Козлов отдал все распоряжения, которые были необходимы, но, не удовлетворившись этим, сам отправился посмотреть, как они будут исполнены. Он пригласил меня сопровождать его, и я с радостью согласился, обещая себе большое удовольствие от возможности осмотреть устье реки Большая и её гавань.

Мы отправились в путь в одиннадцать часов утра на двух плотях, из которых один, тот, на котором плыли мы, состоял из трех лодок. Наши проводники пользовались вёслами, а иногда и шестами, которые позволяли им сопротивляться стремительному течению на перекатах, удерживая плот, который в противном случае нёсся бы слишком быстро и мог разбиться или перевернуться.

Река Быстрая, другая, ещё более крупная, чем река Большая, сливается с ней примерно в половине версты ниже Большерецка. Она теряет при этом свое имя и принимает название Большая. Благодаря этому слиянию река становится действительно очень большой и через тридцать вёрст впадает в море.

В семь часов вечера мы пристали к берегу у маленькой деревушки под названием Чекавка¹. Две избы, два балагана и полуразрушенная юрта — вот и всё, что мне удалось разглядеть. Был там и убогий деревянный «магазин», как здесь называют казённые склады, который и получает припасы, доставляемые судами из Охотска². Деревушка была построена для охраны этого склада. Мы провели ночь в одной из изб, решив рано утром добраться до места крушения.

На рассвете мы сели на наши плоты. Был отлив; мы шли вдоль сухой и очень длинной песчаной банки, налево от реки, на севере в ней был проход шириной всего в восемь или десять морских сажений³ и глубиной в две с половиной. Ветер, дувший с северо-запада, внезапно поднял на реке волну, и мы не рискнули войти в пролив. Наши лодки были так малы, что каждой волной их захлёстывало едва ли не наполовину, так что два человека с трудом успевали вычерпывать воду. Поэтому мы продвинулись вдоль банки настолько, насколько только смогли.

¹ Чекавка — бывший населённый пункт в устье р. Большой, на левом берегу, в самом начале гавани, которая, собственно, так и называлась: Чекавская гавань. Здесь выгружались товары, назначенные в Большерецк, было несколько жилых домов, склады и маяк для указания судам устья реки Большой. До 1850-х годов выход в море из гавани был прямо напротив устья реки. Затем выход обмелел, его занесло песком, и река нашла себе выход в море южнее — сперва в 8-15 км., а затем в 30 км., где и находится в настоящее время. — *прим. перев.*

² Когда эти галиоты вынуждены зимовать здесь, они укрываются в устье узкой и глубокой речки, впадающей в Большую примерно в пятидесяти шагах от деревни, выше по течению. [Река Чекавина (Шхачу), названная по имени ительмена Чекавы, впадает «в двух верстах от устья, с южной стороны из болот» (по С.Крашенинникову). Название её ныне исчезло с карт, но на старых картах она обозначена, как впадающая в р. Большую слева, напротив острова, который называется сейчас Пограничным. «Пятьдесят шагов от деревни» - преувеличение Лессепа. — *прим. перев.*]

³ Фатом - 6 футов или 182 см.

Наконец мы увидели мачту галиота, он оказался примерно в двух верстах от нас, к югу от устья реки. Мы разглядели там маяк и хижину людей, оставленных охранять обломки, но, к сожалению, могли видеть всё это только на расстоянии. Маяк находился на левом берегу, а справа — продолжение низменной песчаной банки в юго-восточном направлении, пролив между ними был шириной в полверсты. Расстояние от деревушки Чекавки до выхода в море составляет от шести до восьми вёрст. Чем ближе мы подходили к выходу, тем быстрее становилось течение.

Продолжать наше путешествие не представлялось возможным; ветер становился все сильнее, а волны увеличивались с каждой минутой. Было бы верхом неосторожности покинуть песчаный берег и пересечь в такую непогоду и на таких ненадёжных лодках две версты глубокой воды, которая составляет ширину залива, образованного в устье реки. Комендант, который уже удостоверился в моих познаниях в мореплавании, весьма, впрочем, скромных, посоветовался со мной по этому поводу. Мой совет состоял в том, чтобы немедленно повернуть назад и вернуться в деревню, где мы ночевали, что и было тут же исполнено. И не зря: едва мы прибыли в Чекавку, как погода сделалась совершенно ужасной.

Я утешал себя мыслью, что, по крайней мере, добился своей цели – увидеть устье реки Большой. Я могу с уверенностью утверждать, что доступ к нему очень опасен и неосуществим для кораблей грузоподъёмностью в сто пятьдесят тонн и выше. Русские суда слишком часто терпят здесь крушения, чтобы закрывать на это глаза как мореплавателям, которые могут испытывать искушение посетить этот берег, так и их правительствам, которые могут их сюда послать.

Гавань, кроме того, не имеет никакого укрытия. Низменности, которыми она окружена, не защищают от ветров ни с какого направления. Берега реки очень изменчивы, и почти невозможно точно знать русло, которое постоянно меняет свое направление и глубину.

Остаток дня мы провели в Чекавке, не имея возможности ни проехать к потерпевшему кораблекрушение судну, ни вернуться в Большерецк. Всё небо ещё больше заволочло чёрными тучами. Сразу после нашего возвращения поднялась страшная буря, на реке началось такое сильное волнение, что волны докатывались до самой деревни. Это было удивительно, потому что река в этом месте не настолько широкая и глубокая. К северо-востоку от её устья низкий остров был единственной преградой для ветра, по нему с ужасным шумом перекатывались волны. Шторм не собирался утихать, но на берегу, думал я, он мне не опасен. Поэтому я решил поохотиться в окрестностях деревни. Но не успел я сделать и несколько шагов, как почувствовал, что ветер чуть не валит меня с ног; собрав всё своё мужество, я продолжал упорствовать,

но дойдя до ручья, который надо было пересечь на лодке, понял, какому риску подвергаюсь и немедленно повернул назад, ругая себя за мелочную самонадеянность. Такие ужасные ураганы нередки в это время года, поэтому неудивительно, что кораблекрушения так часты у этих берегов: суда обычно малы, имеют только одну мачту; и, что ещё хуже, моряки, которые ими управляют, как мне говорили, весьма неопытны.

На следующий день мы отправились в обратный путь и в вечерних сумерках прибыли в Большерецк.

Моё пребывание здесь, я чувствую, будет долгим из-за необходимости ждать, пока можно будет использовать сани, и я продолжу свои описания того, что я видел сам или узнал из бесед с русскими и камчадалами. Начну с города, или Большерецкого острога, ибо так он называется в России.

Он расположен на берегу реки Большой, на небольших островах, образованных несколькими протоками этой реки, которые делят город на три части, более или менее населённые. Самая отдалённая часть, находится на востоке — это своего рода предместье, называемое Паранчина¹; оно имеет десять или двенадцать изб. К юго-востоку от Паранчина находится средняя часть, где также есть несколько изб и деревянных хижин, которые служат для казённых магазинов. Возле них — караульное помещение, которое служит также канцелярией²; этот дом больше остальных, и всегда охраняется часовым. За ещё одной узкой протокой на северо-западе, ближе к реке находится группа жилищ, построенных без всякого порядка и разбросанных тут и там. Река здесь протекает в пятидесяти ярдах от комендантского дома. Его легко отличить от остальных; он выше, больше и построен, как деревянные дома в Санкт-Петербурге. В двухстах ярдах к северо-востоку от этого дома находится церковь простой архитектуры, как и все деревенские церкви в России. Сбоку от неё колокольня — сооружение из брёвен высотой в двадцать футов, под крышей которого подвешены три колокола. К северо-западу от комендантского дома, отделённая от него болотистой луговиной шириной около трехсот ярдов, находится ещё одна группа жилищ, состоящая из двадцати пяти или тридцати изб и нескольких балаганов. Этих последних в Большерецке вообще очень мало, не более десяти; а избы и деревянные дома, не считая восьми лавок, канцелярии и комендантского дома, составляют числом пятьдесят или шестьдесят.

Из этого краткого описания Большерецкого острога покажется странным, что он имеет столь неподходящее название, ибо никаких следов укреплений я здесь не обнаружил и, по-видимому, ни у кого никогда не было намерения их

¹ Названо по имени камчадала Паранчина. — *прим. перев.*

² Это караульное помещение также используется в качестве тюрьмы и даже как школа для детей. Учитель школы — японец, он владеет многими языками и получает за обучение детей деньги от казны.

возводить. Нынешнее состояние города и его порта наводят меня на мысль, что правительство поняло, что слишком много трудностей и опасностей существует для того, чтобы развивать и улучшать его в качестве главного торгового центра полуострова. Их взгляды, как я уже заметил, обращены теперь к Петропавловской гавани, которая по своей близости, безопасности и доступности заслуживает всякого предпочтения.

В Большерецке, тем не менее, есть такая степень цивилизации, которую я не ощущал в Петропавловске. Главное отличие первого от второго — это разумный подход к европейским манерам. Я постараюсь указать и объяснить это, когда продолжу свои наблюдения над жителями этих поселений, ибо моя главная цель состоит в том, чтобы подробно описать их занятия, обычаи, вкусы и развлечения, их пищу, ум, особенности характера и телосложение и, наконец, принципы правления, которым они подчиняются.

Население Большерецка, включая мужчин, женщин и детей, составляет от двухсот до трехсот человек. Среди этих жителей, считая унтер-офицеров, шестьдесят или семьдесят казаков, которые заняты во всех работах, относящихся к службе правительству¹. Каждый по очереди стоит в карауле, они расчищают дороги, чинят мосты, разгружают провизию, присланную из Охотска, и перевозят её от устья реки до Большерецка. Остальные жители состоят из купцов и моряков.

Эти люди, русские и казаки, среди которых есть и их метисы², ведут негласную торговлю, то одним, то другим; она меняется от конъюнктуры, но всегда имеет целью обогатиться нечестными средствами. Их бизнес — сплошное мошенничество, оно употребляется исключительно на то, чтобы обманывать бедных камчадалов, чья доверчивость и непреодолимая склонность к пьянству отдают их всецело в руки этих изворотливых мошенников. Подобно нашим шарлатанам и другим плутам такого рода, они ходят из деревни в деревню, соблазняя самых глупых туземцев: они предлагают им купить водку, перед этим коварно позволяя её попробовать. Камчадалу, будь то мужчина или женщина, почти невозможно отказаться от такого предложения. За первой пробой следуют другие, они быстро пьянеют, и ремесло искусителей достигает своей цели. Теперь эти воришки знают, как получить от них в обмен самое ценное, что у них есть, то есть весь запас мехов, часто плоды труда целого сезона, который должен дать им возможность заплатить налог казне и обеспечить, возможно, пропитание для всей семьи. Но ничего не может остановить камчадалского пьяницу, всё забывается, всё приносится в жертву удовлетворению его страсти, и мимолётное удовольствие

¹ Их жалованье столь ничтожно, что то, что они получают за год, не хватило бы даже на существование в течение месяца, если бы они не зарабатывали мелкой мошеннической торговлей, о которой я сейчас расскажу.

² Автор, очевидно, считает казаков отдельной национальностью. — *прим. перев.*

проглотить несколько рюмок спиртного¹ доводит его до крайней нищеты. Даже самый болезненный опыт не может заставить их остерегаться собственной слабости и коварного вероломства этих торговцев, которые, в свою очередь, точно так же пропивают всю прибыль от своего плутовства.

Я закончу о торговле, прибавив, что лица, занимающиеся в основном оптовой торговлей, являются лишь агентами купцов из Тотьмы, Вологды, Великого Устюга и городов Сибири или же агентами других богатых торговцев, распространяющих свою деятельность на эту далёкую окраину. Экспортная торговля ограничена мехами и осуществляется главным образом теми же купцами.

Все товары и провизия, которые продаются в казённых магазинах, стоят чрезвычайно дорого, примерно в десять раз дороже, чем в Москве. Ведро французского бренди стоит восемьдесят рублей. Купцам разрешается торговать этим товаром; но водка, перегнанная из зерна, привезённого из Охотска, и произведённая в деревне из «сладкой травы», продаются по казённой цене в сорок один рубль девяносто шесть копеек ведро. Её могут продавать только в кабаках, открытых для этой цели. В Охотске цена водки, перегнанной из зерна, составляет не более восемнадцати рублей ведро; так что расходы на фрахт взимаются в двадцать три рубля девяносто шесть копеек, что кажется непомерным и позволяет нам составить некоторое представление о получаемой прибыли.

Остальная часть товара состоит из нанки и других китайских товаров, а также всяких товаров российского и иностранного производства, таких как ленты, носовые платки, чулки, шапки, башмаки, сапоги и другие предметы европейской одежды, которые можно считать предметами роскоши по сравнению с крайней простотой камчадальской одежды. Среди привозных продуктов сахар, чай, немного кофе, совсем немного вина, печенье, конфеты и сухофрукты, такие как чернослив, изюм и т.д. И, наконец, свечи, как восковые, так и сальные, порох, дробь и тому подобное.

Нехватка всех этих предметов в столь отдалённой провинции и потребность, естественная или искусственная, которая существует в них, позволяют купцам продавать их по любой непомерной цене, которую может придумать их

¹ Это, как известно, является господствующей страстью всех народов Севера, но мне не раз приходилось наблюдать, что камчадалы не уступают в этом отношении никому из них. Среди прочего мне рассказали следующую историю, чтобы я мог судить о жадности этих бродячих обманщиков и о глупой расточительности их жертв: Камчадал отдал соболя за стакан водки. Распалённый желанием выпить ещё, он пригласил продавца в свой дом. Купец поблагодарил, но сказал, что торопится. Камчадал продолжает свои просьбы и предлагает вторую сделку: «Ну-ка, стакан за этого соболя, он ещё лучше первого! – Нет, я должен оставить себе водки; я обещал её в другом месте, и мне надо идти. – Погоди-погоди, вот два соболя! – Нет-нет, не могу! – Ну, пойдём, я добавлю ещё! – Ну, ладно, договорились, пей!» Между тем три соболя проданы, и лицемер снова делает вид, что уходит; хозяин удваивает свои просьбы, чтобы удержать его, и требует третью рюмку; новые отказы и новые предложения: чем выше торговец поднимает свою цену, тем больше камчадал расточает свои меха. Кто бы мог подумать, что все кончится жертвоприношением семи прекраснейших соболей за этот последний стакан! Они были всем, что у него было...

жадность. Обычно, их выставляют на продажу почти сразу же по прибытии. Купцы держат лавки в домиках напротив караульного помещения. Эти лавки открыты каждый день, кроме праздничных.

Жители Большерецка не отличаются от камчадалов своим образом жизни; правда, у них мало балаганов, и дома их несколько чище.

Их одежда такая же. Верхняя, называемая парка, подобна рубашам наших возчиков и сшита из шкур оленей¹ или других животных, окрашенных с одной стороны. Под этим они носят длинные штаны из такой же кожи, а на теле — очень короткую обтягивающую рубашку, нанковую, или из другого хлопчатобумажного материала; женщины — из шёлка, что среди них считается роскошью. Оба пола носят сапоги; летом — из козьих или собачьих шкур, а зимой — из тюленьих или из шкур с ног оленя². Мужчины постоянно носят меховые шапки; в тёплое время года они надевают длинные рубашки из нанки или выделанной кожи без меха; они сшиты так же, как и парки, и отвечают той же цели, то есть надеваются поверх других одежд. Их праздничная одежда — это платье, отделанное мехом выдр, бархатом или другими столь же дорогими вещами и мехами. Женщины одеты так же, как русские женщины, чья манера одеваться слишком хорошо известна, чтобы нуждаться в описании. Я только замечу, что чрезмерная скудость всякого рода вещей на Камчатке делает женский туалет предметом весьма значительных расходов, и они иногда перенимают одежду у мужчин.

Основная пища этих людей состоит, как я уже писал, из сушёной рыбы. Рыбу добывают мужчины, в то время как женщины заняты домашними делами или сбором ягод и других растений, которые, наряду с сушёной рыбой, являются излюбленной пищей камчадалов и русских этого края. Когда женщины выходят, чтобы собрать урожай на зиму, у это них большой праздник, и отмечается он с бурной и неводержанной радостью, которая часто приводит к самым экстравагантным и нескромным происшествиям. Они толпами расходятся по местности, распевая песни и предаваясь всяким нелепостям, которые только подсказывает их воображение, и никакие соображения боязни или приличия не могут их удержать. Я не могу описать их распутное безумие лучше, чем сравнив его с вакханалиями язычников. Плохо будет мужчине, который случайно попадётся им в руки, даже если он будет силен и ловок! Тут уж не избежать ему насилия!

Свою пищу они готовят следующим образом, из которого видно, что их нельзя заподозрить в изысканных манерах. При разделке рыбы у них ничего не пропадает. У свежепойманной рыбы они вырывают жабры и тут же сосут их с огромным удовольствием. С таким же изощренным плотоядным

¹ Предметы одежды из шкур северных оленей покупаются у коряков.

² На Камчатке эти сапоги называются «торбаса».

чревоугодием они отрезают от рыбы куски и жадно поедают их, пачкаясь в крови. Затем рыбу потрошат, а внутренности бросают собакам. Остальное сушится или готовится: варится, жарится или печётся, но чаще всего поедается сырым.

Еда, которая больше всего ценится местными гурманами, и которая показалась мне особенно мерзкой, является одним из видов лосося, называемый «чавыча». Как только он пойман, его закапывают в яму и оставляют так до тех пор, пока он не прокиснет или, собственно говоря, совершенно не испортится. Только в состоянии такого разложения он приобретает вкус, наиболее приятный для утончённого вкуса этих людей! По-моему, отвратительный запах, который источает эта рыба, может обратить в бегство самое голодное существо на свете, но камчадал питается этой гнилой плотью с каким-то сладострастием! Особенно счастливым он чувствует себя, когда ему попадается голова! Это считается самым вкусным, и обычно распределяется на несколько сотрапезников. Мне часто хотелось побороть отвращение и отведать эту столь ценимую пищу, но я так и не смог решиться на это; я не только не мог её попробовать, но даже поднести ко рту, всякий раз, когда я пытался, зловоние, который она испускала, вызывало у меня тошноту и непреодолимое отвращение.

Самая распространённая рыба на Камчатке — форель и лосось разных видов; едят также зубатку, жир этой рыбы очень полезен, а также служит в качестве лампового масла.

Среди растений, которые камчадалы используют в пищу, главными являются корень саранки, дикий чеснок, «сладкая трава», и другие растения и плоды, почти такие же, что встречаются в России.

Саранка известна ботаникам под латинским названием «*Lilium flore atrorubente*». Его форма, размеры и цвет были подробно описаны в третьем путешествии капитана Кука¹. Её мучнистый корень служит вместо хлеба². Обычно её сушат перед употреблением, но она полезна и питательна при любом другом способе приготовления.

Дикий чеснок³ заквашивают и получают острый напиток, который имеет очень неприятный вкус, его также используют в различных соусах, камчадалы очень любят его.

«Сладкая трава» достаточно приятна, когда она свежая. Это растение также было подробно описано англичанами¹. Оно высоко ценится туземцами,

¹ На Камчатке издавна употребляли в пищу два растения рода лилейных: Лилия кудреватая, саранка (*Lilium martagon*) и Рябчик камчатский (*Fritillaria camschatcensis*). Судя по упомянутому описанию у Кука, это именно Рябчик камчатский: «один цветок, чрезвычайно темно-красного цвета, по форме напоминающий цветок нарцисса» и т.п. — *прим. перев.*

² Казаки выращивают также рожь, из которой пекут чёрный хлеб, как у русских крестьян. Правительство даёт им некоторое количество ржаной муки, но ее недостаточно, и они вынуждены закупать ещё за свой счёт. Некоторые из них откладывают её в запас, чтобы получить прибыль от будущей продажи.

³ На Камчатке он называется *черемша*.

особенно алкоголь, дистиллированный из него. После сбора его разрезают его вдоль и выскребают сердцевину половинкой речной раковины; затем сушат его на зиму, а когда используют в блюдах, его предварительно варят. Из этой «сладкой травы» также гонят спиртное, которое, как я заметил ранее, продаётся в казённых магазинах: для этой цели растение покупается у камчадалов².

Жителей Камчатки три вида: туземцы-камчадалы, русские и казаки, а также их потомки от смешанных браков.

Туземцев, то есть тех, чья кровь не смешана, мало, три четверти их умерли от оспы, а те немногие, что остались, рассеяны по разным острогам полуострова. В Большерецке их не более одного или двух.

Коренные камчадалы, как правило, ниже среднего роста; они округлы и приземисты, глаза маленькие и впалые, щеки выпуклые, нос плоский, волосы чёрные, у них почти нет бород, а цвет лица немного смуглый. Женщин похожи на мужчин чертами и цветом лица; из чего можно заключить, что они не очень соблазнительны.

Характер у камчадалов мягкий и радушный, они не лжецы и не вороваты, они очень доверчивы, и нет ничего легче, чем обмануть их, это мы видели на примере как наживаются на их слабости к спиртному. Они живут вместе в полной гармонии, вероятно от того, что их немного. Они всегда готовы оказывать помощь друг другу, в этом проявляется их стремление услужить, хотя по природе своей они очень ленивы. Деятельная жизнь была бы для них невыносима, а самое большое, по их мнению, счастье, исключая пьянство — это ничего не делать и вечно жить в спокойной праздности. Дело доходит до того, что они часто ленятся обеспечивать себя самым необходимым для жизни, и голодают целыми семьями, потому что не берут на себя труд обеспечить летом запас рыбы, без которой они не могут прожить зиму. Если они пренебрегают таким образом сохранением своего существования, то не думайте, что они обращают больше внимания на чистоту; она не проявляется ни в них самих, ни в их жилищах, и их можно справедливо упрекнуть в том, что они склонны к крайностям. Несмотря на эту беззаботность и другие естественные недостатки, достойно сожаления то, что они малочисленны; поскольку, судя по тому, что я видел и что было подтверждено мне разными людьми, если мы хотим найти в этой стране образцы чести и человечности, то следует искать их

¹ *Spondylium foliolis pinnatifidis*. Сок кожуры этого растения настолько едкий, что к нему невозможно прикоснуться без образования волдырей на руке. Собирая его, надо одевать перчатки. [Правильно: *Heracleum (Sphondylium) foliolis pinnatis*, или Борщевик обыкновенный — встречается повсеместно, в т.ч. и во Франции, поэтому был хорошо известен автору. У Кука ("Cook's Voyage to the Pacific Ocean", Chap.VI) это растение описано как *Heracleum Sibericum* — Борщевик сибирский. — прим. перев.]

² Этот напиток опьяняет гораздо быстрее французского бренди; кто бы его ни выпил, он непременно будет чрезвычайно возбуждён ночью, а на следующий день будет чувствовать себя настолько подавленным и беспокойным, как будто совершил какое-нибудь преступление. [Способ приготовления из борщевика самогона см. в приложении. — прим. перев.]

среди камчадалов — они ещё не обменяли свои простодушные добродетели на блестящие пороки европейцев, посланных принести им цивилизацию.

Именно в Большерецке я начал ощущать последствия этого влияния. Я видел следы европейских нравов не столько в кровосмешении, в чертах лиц и языке жителей, сколько в их склонностях и образе жизни, которые не всегда являют собой эталон добродетели. Это поразительное различие между поселенцами и туземцами проистекает, по моему мнению, из трудностей, лежащих на пути к цивилизации, и я приведу свои на то доводы.

Большерецк не так давно был главным городом Камчатки, тем более что коменданты сочли нужным основать там свою резиденцию. Начальники и их свиты принесли с собой европейские знания и манеры, а они, как известно, обычно изменяются при передаче, в зависимости от расстояния от источника. Между тем следует полагать, что русское правительство старалось, по возможности, доверять свои полномочия и исполнение приказов только офицерам с признанными заслугами, насколько я могу судить по тем, кто работает в настоящее время. Поэтому можно предположить, что эти офицеры в местах своего проживания были образцами многочисленных добродетелей, знаний и прочих достойных уважения качеств цивилизованных наций. Но, к сожалению, уроки, которые они давали, не всегда оказывались столь действенными, как можно было бы ожидать; то ли потому, что они были только попытками и не были достаточно осознаны, то ли потому, что не были усвоены во всём своём совершенстве, а производили лишь мимолётные или, может быть, порочные впечатления на умы туземцев.

Эти реформаторы также не нашли достойного рвения ни у казаков, составлявших гарнизон, ни у купцов и других русских, осевших на полуострове. Склонность к распущенности и стремление к наживе, которые первые завоеватели почти всегда приносят с собой, а также постоянное усугубление этих качеств благодаря лёгкости, с которой туземцы могут быть обмануты, тормозили реформы. Губительная зараза ещё более распространялась со смешанными браками, в то время как семя социальных добродетелей, которое пытались посеять, давало едва заметные всходы.

Следствием этого было то, что туземцы, т.е. коренные камчадалы, сохранили почти повсеместно свою невежественную простоту и примитивные нравы, и то, что часть остальных жителей, русских и метисов, поселившихся в острогах, где живёт начальство, всё ещё сохраняют зачатки европейских нравов, но не самых лучших. Мы уже имели этому свидетельство в том, что было сказано об их принципах в торговле, и моё убеждение укрепилось во время пребывания в Большерецке благодаря более пристальному наблюдению за жителями, которые, за исключением этой малости, мало чем отличаются от туземцев.

Господин Козлов и его окружение, подражающее его примеру, часто устраивают развлечения и танцы для дам этого острога, и они принимают приглашения с одинаковой готовностью и радостью. Мне представилась возможность убедиться, что всё сказанное мною было правдой, что эти женщины, как камчадалки, так и русские, имеют заметную склонность к удовольствиям; их желание так велико, что они не в состоянии скрыть его. Скороспелость девушек поразительна, и, кажется, на неё совсем не влияет холодность климата.

Что касается большевецких женщин, посещающих эти собрания и принадлежавших, главным образом, к метисам или имеющих русских родителей, то их внешность не казалась мне неприятной, я заметил некоторых, которых можно было бы считать красивыми; но свежесть их недолговечна; от деторождений и ежедневных трудов она угасает почти в расцвете их лет. У них чрезвычайно весёлый нрав, может быть, даже немного в ущерб приличиям. Они стараются развлечь общество всем, что даёт их весёлость и игривость. Они любят петь, их голоса звонки и приятны; хотелось бы только, чтобы их музыка больше походила на нашу. Они говорят как на русском, так и на камчадалском, но все с акцентом последнего. Я не ожидал увидеть в этой части света польские танцы, а ещё меньше — деревенские пляски в английском стиле; но каково было моё удивление, когда я обнаружил, что они танцуют некое подобие менуэта! То ли моё пребывание в течение двадцати шести месяцев в море сделало меня менее привередливым, то ли воспоминания, которые они оживляли, заворожили меня, но эти танцы, мне показалось, исполнялись с достаточной точностью и бóльшим изяществом, чем я мог себе представить. Танцоры, о которых мы говорим, настолько горделивы, что презирают песни и танцы туземцев. Туалеты женщин в этих случаях является предметом их особого внимания. Они выставляют себя напоказ во всём самом красивом и дорогом. Эти праздничные и танцевальные платья в основном из шелка; и ранее мы уже видели, что они должны быть весьма дорогими. Я закончу этот рассказ наблюдением, которое я имел случай сделать как на этих, так и на камчадалских танцах: дело в том, что большинство мужей, как русских, так и туземцев, не подвержены ревности; они закрывают глаза на поведение своих жён и весьма им послушны.

Танцы и развлечения туземных камчадалов, на которых я также присутствовал, представляют собой зрелище, столь же достойное внимания своей необычностью. Не знаю, что поразило меня больше — песни или танцы. Танцы показались мне дикарскими. Они состоят в том, чтобы делать повторяющиеся и весьма неприятные судорожные движения, и в то же время издавать натужные гортанные звуки, подобные приступам икоты, время от времени хором оглашая воздух пением, слова которого часто лишены смысла,

даже на камчадалском. Я записал одну из этих песен, которую я вставляю в этом месте, чтобы дать представление об их музыке и ритме.

Что означает: «Дарья, Дарья поёт и танцует до сих пор». Эти слова повторяются, не переставая.

В своих танцах они любят подражать различным животным, на которых они охотятся, таким как куропатка и другие, но главным образом медведю. Они представляют его медлительную и неловкую походку, его чувства и различные сцены: вот медвежата со своей матерью, вот любовные игры самца с самкой, и, наконец, как он встревожен, когда его преследуют. Видно, что они тщательно наблюдают за этим животным и знают его в совершенстве, так как имитируют все его движения настолько точно, насколько это возможно. Я спрашивал русских, которые были большими знатоками, чем я, так как часто присутствовали при охоте на этих животных, хорошо ли исполнялись их пантомимы; и они уверили меня, что эти танцоры — лучшие на Камчатке и что звуки, походка и различные позы медведя были точно такие, как у настоящего. Между тем, не в обиду любителям будет сказано, эти танцы, на мой взгляд, не менее утомительны для зрителей, чем для исполнителей. Это настоящая мука — видеть, как они выворачивают бедра, вывихивают свои конечности и напрягают лёгкие, чтобы выразить удовольствие, которое они получают от этих странных танцев, которые, повторяю, напоминают нелепые развлечения дикарей: камчадалы действительно могут во многих отношениях считаться таковыми.

Рассказав о ловкости, с которым эти люди изображают позы и движения медведя, которого можно назвать их учителем танцев, будет не лишним рассказать, каким образом они охотятся на это животное. Есть несколько способов. Иногда они ставят для него ловушку: под тяжёлым бревном, один конец которого поддерживается в воздухе высокими жердями, помещают какую-нибудь приманку, и как только он учует и увидит её, он с жадностью набрасывается на неё, задевает подпорку бревна — и оно падает ему на голову, наказывая за ненасытность. Проходя по лесу, я видел медведей, пойманных таким образом. Такая ловушка остаётся наживлённой до тех пор, пока медведь не попадётся, чего иногда не случается целый год. Этот способ добычи не

требует большой смелости и труда; но есть другой, очень здесь распространённый, для которого необходимы и сила, и мужество. Камчадал выходит один или с кем-нибудь, чтобы выследить медведя. У него нет другого оружия, кроме ружья, своего рода карабина с очень маленьким прикладом, копья и ножа. С собой берётся запас провизии — штук двадцать рыб. Таким образом, легко экипированный, он может проникнуть в любое место, которое может быть убежищем животного, даже в самую чащу леса. Камчадал выбирает место, обычно где-нибудь в зарослях шиповника или среди камышей на берегу озера или реки, и терпеливо ожидает, когда появится его противник; если понадобится, он будет оставаться в засаде целую неделю, пока не придёт медведь. Когда зверь оказывается на расстоянии выстрела, он кладёт ружьё на воткнутую в землю подпорку¹, с помощью которой он увереннее прицеливается и стреляет. Обычно он попадает медведю в голову или в плечо – самые чувствительные части его тела. Но тут он должен быстро перезарядить ружьё, так как медведь, если первый выстрел не свалил его, бросается на охотника², у которого не всегда есть время для второго выстрела. Тогда он прибегает к своему копы, чтобы сразиться с нападающим зверем. Его жизнь будет в серьёзной опасности³, если он сразу не нанесёт медведю смертельного удара; и можно предположить, что из такой битвы человек не всегда выходит победителем, но это не мешает жителям этих мест ежедневно подвергать свои жизни опасности. Частые случаи смерти своих соплеменников не оказывают на них никакого воздействия. Конечно, они никогда не идут на это, не подумав, что это либо победа, либо смерть, но эта суровая альтернатива не останавливает и не страшит их⁴.

Почти таким же образом они охотятся и на других животных, как, например, на оленя, архара или дикого барана, лисиц, выдр, бобров, соболей, зайцев и т. д. Охотиться на них, конечно, не так опасно. Иногда для этого используются ловушки, сделанные из дерева или железа, меньшими, чем те, которые ставятся для медведей, и напоминающими по своей простоте наши ловушки; они не требуют никакой особой заботы, кроме проверки их время от времени.

¹ Камчадалы не могут стрелять без этой подпорки для ружья, и это требует слишком много времени на подготовку к выстрелу, что является главным недостатком для такой охоты, требующей быстроты.

² Довольно часто он также обращается в бегство, несмотря на свою рану, и прячется в зарослях или камышах, где его выслеживают по кровавому следу и находят либо мёртвым, либо умирающим.

³ Меня уверяли, что когда медведь одерживает победу над своим противником, он срывает ему кожу с черепа, натягивает её на лицо и оставляет так. Таков его способ мести, который подразумевает, по словам камчадалов, что это животное не может выносить человеческого взгляда; и это странное предубеждение поддерживает их в мнении об их превосходстве и, кажется, вдохновляет их на ещё большую храбрость.

⁴ Они охотятся на медведя таким способом в любое время года, за исключением времени, когда лежит снег; тогда их метод отличается. Известно, что зимой медведь ложится в берлогу, которую он соорудил летом из ветвей деревьев; он остаётся там до весны, и либо спит, либо облизывает лапы [Так в тексте! По-видимому, это отголоски народной байки о том, что «медведь в берлоге лапу сосёт». – прим. перев.]. Камчадалы его выслеживают и нападают на него со своими собаками, которые заставляют его обороняться: он бросается из своего укрытия на верную смерть, а если он откажется выйти, его судьба будет столь же печальна – он будет раздавлен насмерть под развалинами своего логова.

Камчадалы иногда подолгу сидят в засаде с ружьём, и только трудность, которую они испытывают, заключается в том, что им не всегда хватает запаса еды, если охота затягивается. Приходится терпеть голод в течение многих дней и не оставлять свой пост до тех пор, пока не появится добыча — и тут они щедро вознаграждают себя за воздержание, немедленно поедая мясо животных¹ и с удовольствием пересчитывая добытые шкуры.

Они выбирают для своей охоты время года, когда мех животного находится в своем наилучшем состоянии. На соболей охотятся в начале зимы. Это лесные зверьки, и потому называются по именам деревьев в зависимости от цвета подшёрстка: светлые называются берёзовыми, темнее — еловыми и т. д.

Наиболее благоприятные сезоны для охоты на лис — это осень, зима и весна. Их четыре вида. 1. Светло-рыжая лиса, которая ценится меньше всего. 2. Рыжая или ярко-рыжая лиса. 3. Лиса по названию сиводушка, окраска которой представляет собой смесь красного, чёрного и серого цветов. 4. Чёрная лиса — самая редкая и самая ценная: она действительно глубокого и совершенно чёрного цвета, за исключением того, что на кончиках меха на спине, где он самый длинный, иногда замечен серый оттенок. Есть ещё два вида лисицы, которые можно к ним отнести, хотя они таковыми здесь не считаются, Это голубая и белая лисицы. Они называются в России голубой песец и белый песец; их мех гуще, чем у других видов. Лисицы этого континента вообще красивее тех, что ловятся в разных островах Северо-Востока², и имеют гораздо более высокую цену.

Зимой охотятся на северных оленей, а осенью — на архаров. Выдры здесь чрезвычайно редки, но горностаев водится великое множество, хотя, я не знаю, по какой причине, никто не охотится на их; можно предположить, что они не представляют никакой ценности.

Для рыбалки у камчадалов также есть разные сезоны. Для лосося и форели он приходится на июнь, сезон сельди — на май, а сезон зубатки — на весну и лето, но главным образом на осень.

Они редко пользуются неводами, а почти всегда обычными сетями³. Также используют своего рода гарпун, которым владеют с большой ловкостью. Неводами ловят только зубаток; они сделаны из кожаных ремней, а ячейки очень большие. У них есть другой способ ловли рыбы: они перегораживают реку кольями и ветками, оставляя только один или несколько узких проходов для рыбы, куда помещают корзины, сделанные таким образом, что, если рыба войдёт в них, то уже не может выйти.

¹ Мясо медведей, архаров и северных оленей считается ими очень полезным, особенно последнее; я часто ел его.

² Например, Алеутские острова, острова Шумагина, Лисьи острова и др.

³ Их сети сделаны из толстых нитей, как и наши, они покупают их у русских. Есть, однако, и другой вид, который они изготавливают сами из крапивы, которую они заготавливают впрок. Собирают осенью, связывают в пучки и развешивают сушиться под балаганы. Сети вяжут, когда закончен сезон рыбалки и сбор урожая. Стебли разрезают вдоль, и ловко очищают зубами, затем бьют и мнут, пока не отделятся волокна, пригодные для прядения нити.

Лошадей в Камчатке очень мало. Я видел нескольких в Большерецке, принадлежащих правительству и вверенных заботам казаков. Они в основном служат в летнее время для перевозки товаров и других казённых вещей, а также для путешественников.

Однако собак в этой стране предостаточно, и они настолько полезны камчадалам, что отсутствие других домашних животных для них не так важно. Они служат для всевозможных перевозок, их кормление не составляет особого труда или затрат, их пища состоит исключительно из субпродуктов или уже такой разложившейся рыбы, которую не станут есть их хозяева; и даже это им редко дают, только по необходимости. Летом, когда они отдыхают, о них вообще мало заботятся, собаки сами хорошо знают, как прокормиться в лесу или на берегах рек и озер, и обязательность, с которой они возвращаются домой, является одним из самых ярких доказательств верности этих животных. С наступлением зимы наступает время платить за свободу и временный покой, которыми они наслаждались. Начинается тяжкий труд, для которого собакам необходима чрезвычайная сила и выносливость. Между тем они не особенно велики и очень похожи на наших горных собак, или таких, каких обычно используют пастухи. У любого жителя, будь то русский или туземец, их не меньше пяти. Они пользуются ими для путешествий, когда ездят в леса рубить дрова, для перевозки людей, вещей, провизии и всего прочего. И делают это не хуже лошадей. Собаки запрягаются в сани парами¹, с одним вожакom впереди. Эта честь предоставляется самой умной и дрессированной собаке, и она прекрасно понимает команды, используемые каюром для управления упряжкой. Крик «тагтаг, тагтаг» поворачивает её направо, а «куха, куха» – налево; умное животное тотчас же понимает его и подаёт пример остальным, «ах, ах!» - останавливает их, а по команде «ха!» они пускаются в путь. Количество собак, которых необходимо запрячь, зависит от груза; когда он немного больше веса человека, который садится на сани, они называются просто санками, и упряжка состоит из четырёх или пяти собак. Сани для груза называются нартами и запряжены десятью собаками. Упряжь называется «алаки» и сделана из кожи. На каждом «скакуне» она надета на шею, проходит по груди и соединяется с центральным поводом ремнём длиной в три фута, ошейники часто украшаются медвежьей шкурой.

По форме сани похожи на продолговатую корзину, оба конца которой загнуты вверх. Их длина составляет около трех футов, а ширина едва превышает фут. Эта корзина, составляющая корпус саней, сделана из очень

¹ Они кастрированы, как лошади, но способ выполнения операции отличается. Камчадалы не вырезают яички, а раздавливают их, и орудием, которым они пользуются, являются их зубы. Некоторые из них не выживают, другие становятся калеки и непригодными к работе. Считается, что если оставлять их в их естественном состоянии, они будут работать по-разному, и их будет практически невозможно запрягать в паре с самками. Не все самцы, однако, кастрируются, достаточное их количество оставляют для размножения, и они часто используются для охоты.

тонкого дерева, борта плетёные и украшены разноцветными ремешками. Сиденье возницы покрыто медвежьей шкурой и приподнято на три фута над землёй на четырёх расходящихся к низу ногах, прикрепленных к двум параллельным полозьям шириной в три-четыре дюйма. Полозья не толстые, но длинные и выходят впереди за пределы корпуса саней, которому они служат опорами и коньками. Для этой цели снизу к ним прикреплены кожаными ремнями длинные куски китовой кости. Впереди полозья изгибаются вверх и соединяются с продольными шестами саней, в этой части также размещается багаж. Передняя часть саней украшена бахромой из полосок кожи. У каюра в руке нет ничего, кроме изогнутой палки, называемой остолом, которая служит ему и рулём, и хлыстом. На одном конце остола подвешены железные кольца, как для украшения, так и для того, чтобы подгонять собак звоном, который издают эти кольца; другой конец иногда снабжён острым железным концом, чтобы лучше держаться на льду, и в то же время для управления упряжкой. Собакам, которые хорошо обучены, не надо слышать голос каюра; если он ударит остолом по льду, они повернут влево; если ударит по саням – вправо, а когда он захочет, чтобы они остановились, ему нужно будет только воткнуть остол в снег перед санями. Если собаки замедляют свой шаг и становятся невнимательными к сигналам или к его голосу, он бросает в них свою палку; но тогда ему необходимо действовать очень умело, чтобы подхватить её вновь, так как сани могут быстро понестись вперёд. Это одно из самых сильных испытаний мастерства каюра. Камчадалы исключительно искусны в этом деле. Я вообще был поражён ловкостью, с которой они управляли своими санями, и так как мне вскоре предстояло испытать счастье путешествовать таким способом, то я решил, что мне следует не только свыкнуться с этим, но и научиться самому быть каюром. Напрасно они рассказывали мне про риск, которому я подвергнусь, оказавшись один в санях прежде, чем приобрету достаточную сноровку в управлении собаками; ведь в моём возрасте мы все самоуверенны и не прислушиваемся к добрым советам! Лёгкость моего экипажа, едва превышавшего десять фунтов, его приличная высота, делавшая его склонным к опрокидыванию, трудность сохранения равновесия и, короче говоря, все последствия, которые могли бы последовать за падением, если бы я потерял устойчивость саней — все эти соображения, открывшиеся мне, не могли ни утратить, ни отговорить меня от столь опасного ученичества¹. Однажды я сам сел в свой новый экипаж, согласившись, впрочем, чтобы меня сопровождали несколько саней. В тот же миг, как мы тронулись, всем стало ясно, что их прогнозы сбылись. Я проехал совсем немного, как тут же опрокинулся. Едва снова вскочив на сани, я

¹ Собаки, чувствуя, что их ноша стала легче, бегут с такой скоростью, что часто не останавливаются, пока не изнемогают от усталости, или вдребезги разбивают сани о деревья.

повторил номер и вызвал новый взрыв смеха. Несмотря на это, я не потерял решительности и быстро пришёл в себя, но только для того, чтобы снова так же быстро опрокинуться. Но я всё же решил, что это всё от моей неопытности, и я постепенно привыкну. Я упал на первом уроке семь раз, не получив, впрочем, никакого увечья, и с ещё бóльшим рвением взял второй урок, потом третий и четвёртый, и не проходило и дня, чтобы я не делал каких-нибудь успехов. Число моих падений уменьшалось по мере того, как я приобретал всё больше знаний и навыков, а мои успехи сделали меня таким любителем этих упражнений, что за короткое время я приобрел некоторую известность. Однако, научиться сохранять равновесие стоило мне немалых усилий. Тело при езде находится как бы в постоянном движении. Здесь надо наклониться вправо, потому что сани наклоняются влево, тут я должен быстро повернуться влево, потому что они накренились вправо, в следующий момент, возможно, надо держаться прямо, а если чуть помедлить или отвлечься, то это редко остаётся без последствий в виде опрокидывания. При падении всё же необходимо не выпасть из саней, а держаться за них как можно сильнее, чтобы создать достаточное сопротивление собакам, которые, как я уже сказал, в противном случае будут бежать на полной скорости. Основной способ сидеть в санях – боком, как женщины ездят на лошадях; можно также сидеть верхом; но главная трудность, и в то же время вершина ловкости и грациозности заключается в том, чтобы стоять на одной ноге: одно удовольствие смотреть на истинного мастера в этой великолепной позе!

Что касается меня, то, как только я научился управлять собачьей упряжкой, так отказался от всех других видов транспорта. Я брал кого-нибудь в попутчики и иногда просто катался, а иногда отправлялся на охоту. На снегу было столько следов зайцев и куропаток, что он казался дырявым, как решето¹. Снег в лесу часто был так глубок, что невозможно было сделать и шага, чтобы не провалиться; в этом случае нам оставалось только оставить сани, которые уже не могли служить нам, и перевернуть их на бок. Приняв эту меру предосторожности, достаточную для того, чтобы удержать наших собак, которые тотчас же ложились на снег и терпеливо ждали нашего возвращения, мы привязывали к ногам так называемые «лыжи», сделанные из тонких дощечек шириной в шесть-восемь дюймов и длиной в четыре фута, передняя часть которых была загнута вверх, как коньки, а нижняя сторона покрыта шкурой тюленя или северного оленя². В такой «обуви» мы продолжали нашу охоту. Сначала мне было трудно привыкнуть к ней, и я несколько раз падал то

¹ Снег выпал 5 ноября, причём так сильно, что почти сразу покрыл всю местность. Но так как мороз ещё не пришёл, а ветры почти не прекращались, то мы пока не могли использовать сани довольно долго, как мы увидим в дальнейшем.

² В северной части полуострова используют другой вид приспособления для хождения по снегу – снегоступы, называемые «лапки». Они короче и сделаны в виде теннисной ракетки со струнами из скрученных кожаных полос; на нижней поверхности закреплены две маленькие острые скобочки, которые предохраняют от скольжения на льду.

на спину, то лицом вперёд; но удовольствие от хорошей охоты заставляло меня скоро забыть об этих неудобствах. Хотя трудно было различить белых зайцев и куропаток на фоне снега, я не преминул после небольшой практики и некоторых советов моих товарищей привозить домой приличное число зайцев и куропаток.

Это было одно из самых приятных моих развлечений в Большерецке, всё остальное время я был занят выражением своего нетерпения и беспокойства, что мне приходится оставаться там так долго. Чтобы отвлечься от этих мыслей, я воспользовался несколькими чудесными днями, чтобы посетить окрестности города, которые я снова увидел после отъезда и о которых я упомяну, когда продолжу свое путешествие. Постройка моих дорожных саней¹ также занимала моё внимание, но главным моим утешением было общество г-на Козлова и его офицеров. Встречи с ними и мои непрестанные расспросы давали мне возможность почти каждый день делать заметки, часть которых я уже изложил, а теперь перейду к остальным.

Болезни, которые преобладают на Камчатке — одно из первых, что мы видим. Как бы ни были неприятны их подробности, я полагаю, что не должен их скрывать; они составляют часть моих наблюдений и должны присутствовать в моих записях.

Оспа, о разрушительных последствиях которой я уже упоминал, по-видимому, не свойственна для этого края и не очень распространена. Со времени вторжения русских и последовавших за ним частых контактов эта эпидемическая болезнь появлялась только в 1767 и 1768 годах. Затем она попала сюда с русским судном, направлявшимся к восточным островам для охоты на выдр, лисиц и других животных. Человек, в крови которого был роковой микроб, был моряком из Охотска, где перед отплытием он принимал лекарства от этого недуга, но следы болезни были ещё видны. Едва он ступил на берег Камчатки, как заразил этой жестокой болезнью бедных камчадалов. Тогда заболели три четверти из них. Поскольку с тех пор она не появлялась, предполагается, что эти люди ей уже не подвержены. В 1720 году она вспыхнула в северной части Камчатки, но не распространилась до самого полуострова. Она началась в Анадырске², и неизвестно, как она туда попала, хотя скорее всего виноваты тоже русские.

Есть основания подозревать, что камчадалы точно так же обязаны им своим знакомством с венерической болезнью, которая, к счастью, не является распространённой. Эта болезнь кажется экзотической, и излечение от неё

¹ Что-то вроде тесной кареты, прикреплённой к саням, в которой можно было спать. Это похоже на повозку, очень распространённую в России, называемую «возок»; моя изнутри была покрыта медвежьей шкурой, а снаружи — тюленьей.

² Анадырск или Анадырский острог находился в среднем течении реки Анадырь примерно в 10 км выше по течению от современного села Марково с 1660 года по 1771 год. Не следует путать Анадырск с современным городом Анадырь, который находится в устье реки Анадырь. — *прим. перев.*

столь же трудно, сколь и редко. Они прибегают к различным корням и к сулеме, применение которой сопровождается обычно тяжкими побочными эффектами, тем более, когда неосмотрительно применяется.

У камчадалов нет врождённых дефектов. Калеки, которые живут среди них, стали таковыми вследствие серьёзных падений, хотя это не очень обычное явление, так как они привыкли падать со своих балаганов. Они мало подвержены цинге, их предохраняет от неё употребление дикого чеснока и различных ягод. Русские и другие поселенцы чаще страдают от этой болезни.

Чахотка встречается довольно часто, а фурункулы, опухоли, абсцессы и жировики — очень часто. У них нет способа лечить их, кроме как удаления путём надреза, они используют для этого нож или даже просто острый камень, который заменяет скальпель. Такие инструменты, конечно, весьма впечатляют, хотя очевидно, что искусство хирургии, доведённое у нас до такого совершенства, на Камчатке находится в самом варварском состоянии.

Терапевтическая медицина достигла не бóльшего прогресса, хотя следует признать, что эти люди кое-чего добились, научившись не доверять своим нелепым лекарям-шарлатанам. Раньше самозванные маги, называемые шаманами, пользуясь доверчивостью камчадалов, выступали в роли докторов, чтобы их почитали и доверяли им ещё больше¹. Этому способствовала их причудливая одежда, она прекрасно подходила к их экстравагантным лицедействам. Я бы никогда не поверил тому, что мне про них рассказывали, если бы у нас не было своих примеров — цыган и прочих колдунов такого рода. Невозможно облечь во что-либо вразумительное клоунаду этих якобы обладающих особым даром целителей, и беззастенчивость, с которой они выдают свои рецепты или мнимые озарения, которые на них нисходят. Вполне вероятно, что их лечение часто сопровождалось фатальными последствиями, а число жертв равнялось числу их пациентов. Устав, наконец, от того, что их обманывают ценой их собственной жизни, камчадалы стали испытывать недовольство всеми этими самозванцами, которые постепенно теряли доверие и погружались в забвение. Такова была судьба и шаманов. Даже того скудного просвещения, которого принесла русская торговля, оказалось достаточно, чтобы открыть жителям глаза. Они сразу же поняли всю нелепость магического искусства своих врачей. Поскольку его перестали уважать, оно перестал быть прибыльным, и число знахарей, конечно, уменьшилось. Чувствуя отвращение к этому ремеслу, мужчины стали отказываться от него, и с тех пор этим занимаются только некоторые старухи, которые, обладая меньшими талантами, имеют, несомненно, меньше клиентов².

¹ В остроге недалеко от Большерецка, я имел впоследствии возможность рассмотреть этот предмет более полно, и мои наблюдения будут изложены в надлежащем месте.

² Точно такая же история, как перемена отношения к шаманам на Камчатке, произошла и с нашими шарлатанами. Их способы обманов, их возвышение и падение очень похожи. На эту тему можно было бы высказать различные

У женщин этой страны редко бывает больше десяти детей, по общим оценкам — четыре или пять, после сорока лет они не рожают ни одного. Они помогают друг другу в родах, которые проходят с большой лёгкостью, между тем на Камчатке есть акушерки, но их число очень мало. Несчастные случаи при рождении детей на открытом воздухе, в пути или там, где они работают, которые оказываются смертельными для стольких матерей, происходят с этими женщинами гораздо реже. В таких случаях, как мне говорили, они используют свои волосы, чтобы связать пуповину, сами относят ребёнка домой и немедленно дают ему грудь. Они долго не прекращают кормление грудью, я видел случаи, когда это продолжалось в течение четырёх-пяти лет. Мы можем судить по этому обстоятельству о хорошем здоровье этих женщин. Замечено, однако, что камчадалы обоего пола живут не дольше русских.

Я забыл упомянуть одно средство, к которому жители полуострова прибегают почти при каждой болезни: это так называемый медвежий корень¹, который они настаивают на водке. Его название указывает на то, кому жители обязаны своим знанием. Заметив, что медведь любит есть эту траву и катается по ней, когда ранен, они догадались, что она обладает каким-то целебным свойством, и это побудило их использовать её. Так это животное дало им урок ботаники и фармакологии. Говорят, что медведь лечит этим корнем все свои раны. У меня, однако, никогда не было случая попробовать корень в деле, так что я говорю только то, что слышал об этом.

Христианская религия была принесена сюда русскими; но жители, по-видимому, знают о ней не намного больше, чем обряд крещения. Они не знают даже основных догм христианства. Рабы своих желаний, они следуют лишь своим побуждениям, хорошим или плохим. Если они и думают о религии, то только из соображений удобства или интереса, или когда особые обстоятельства вынуждают их к этому. Это показывает, насколько неполноценно их просвещение, и виновато в этом, по-моему, духовенство, чьё дело — наставлять их. Но достаточно ли просвещены сами эти духовные миссионеры? У них нет возможности получить хорошее образование, и, вероятно, это от них и не требуется, так что достаточно часто можно видеть в сане священнослужителей и камчадалов.

Все эти попы находятся под руководством протопопа, проживающего в Нижнекамчатске, он подчиняется архиепископу Иркутскому. Только он может рукополагать в сан и назначать священнослужителей к их приходам, так что

соображения. То, что люди, столь же простые и непросвещённые, как камчадалы, какое-то время были введены в заблуждение своими знахарями, не удивительно и не может служить оправданием; но то, что такое крайнее невежество и доверчивость осознало свою ошибку и постыдилось её — это удивительно и достойно одобрения; ибо даже у самых просвещённых народов Европы каждый день появляются какие-нибудь шаманы, столь же вероломные и губительные! Между тем все они имеют своих последователей и учеников, и огромное число жертв.

¹ Медвежий или красный корень — Копёчник забытый (лат. *Hedýsarum neglēctum*) — род растений семейства Бобовые. Применяется в народной медицине Сибири и Алтая. — *прим. перев.*

все они вынуждены ездить в этот город. Продолжительность и опасности такого путешествия рассматриваются, возможно, как уже своего рода посвящение, так что они, вероятно, получают рукоположение без каких-либо дополнительных экзаменов и возвращаются ни мудрее, ни благочестивее. Затем они отправляются в места своего назначения; время их служения в одном приходе не ограничено, а зависит только от воли их начальников.

На Камчатке есть восемь главных церквей: в Паратунке, Большерецке, Ичинске¹, Тигиле², Верхнекамчатске³, Ключах⁴ и две в Нижнекамчатске⁵; к ним можно добавить церковь в Гижиге⁶ в стране коряков.

Уезд или приход Паратунка включает в себя семь острогов и Курильские острова; а именно: одноимённый острог, Петропавловская гавань, Коряки, Начики, Апача, Малки и Большерецк. Число прихожан, содержащихся в этих острогах, не превышает четырёхсот, а включая Курильские острова, общее число христиан составляет не более шестисот двадцати. Настоятелю Паратунки казна даёт жалованье в восемьдесят рублей и двадцать пудов ржаной муки в год. Его прихожане, соответственно, не платят церковной десятины, но он получает пожертвования и другие вознаграждения, связанные с его службой. За заключение брака, крещение или отпевание священники могут требовать сколько им заблагорассудится. В этом отношении нет никакого регулирования, что вызывает значительные поборы и злоупотребления. В целом, однако, они стараются соразмерить свои запросы с возможностями прихожан, что вполне благоразумно и заслуживает похвалы.

Камчадалы свободны. Они только платят ежегодный налог России, который состоит, как я уже сказал, из мехов различных видов; так что их охотничья добыча почти полностью оказывается в казне. Каждый глава семьи обязан обеспечить для себя и для каждого из своих детей, даже самых маленьких, определённое количество шкур, эквивалентное его доле налога: это может составлять около семи рублей, и шкуры, как мне сказали, обычно оцениваются по самой низкой цене. Этот способ уплаты налога должен приносить короне значительный доход, если судить только по количеству соборей, ежегодно поставляемых провинцией, которое составляет около четырёх тысяч. Каждый тойон собирает подати со своего острога и передаёт их казначею; человеку

¹ Ича — бывшее село на реке Ича «в двадцати верстах от устья» (по С.П.Крашенинникову). Существовало с нач. XVII в. до 1974 года. Не путать с посёлком Ичинским, существовавшим в 1929–2012 года в устье этой реки. — *прим. перев.*

² Село Тигиль на одноимённой реке, впадающей в Охотское море. — *прим. перев.*

³ Верхнекамчатск — бывшее село в верхнем течении реки Камчатка. Возникло в 1697 или 1698 году под названием Верхнекамчатский острог. Это был первый русский населённый пункт на Камчатке. — *прим. перев.*

⁴ Ключи — посёлок на реке Камчатка. Основан около 1740 года переселенцами с реки Лена. — *прим. перев.*

⁵ Нижнекамчатск — бывший посёлок в нижнем течении реки Камчатка. Основан в 1703 году как Нижнекамчатский острог. Несколько раз менял местоположение и название. В описываемый период он находился в 90 км ниже совр. села Ключи близ озера Шантал и назывался Нижним Камчатским острогом или просто Нижним. — *прим. перев.*

⁶ Село на реке Гижига в 25 км. от устья. Тогда имело статус города и называлось Гижигинск. В 1920-х годах город был упразднён, и всё население переехало в устье реки в село Кушка, которое переименовали, и оно стало современной Гижигой. — *прим. перев.*

предварительно выдаётся расписка о размере его налога, и каждый камчадал должен позаботиться о том, чтобы отметить своей печатью или каким-нибудь другим знаком все меха, которыми он платит подать.

Монеты, находящиеся в обращении — это золотой империял десяти рублей, рубль и половина рубля. Серебряных монет ниже этого номинала очень мало; поскольку ни один товар не может стоить меньше половины рубля. Медь и бумажные деньги ещё не в ходу на полуострове. Зато предостаточно старинных серебряных монет времён Петра I, Екатерины I и Елизаветы. На них можно сделать прекрасный бизнес, так как серебро их чище и дороже, чем в обычных монетах.

Жалованье солдатам или казакам — пятнадцать рублей в год. Офицеры, посланные в столь отдалённую провинцию, получают двойное жалованье.

Полуостров Камчатка, в то время когда в Большерецке предводительствовал майор Бем¹, находился под юрисдикцией генерал-губернатора Иркутска. После отъезда этого командира, которого англичане впервые увидели в 1779 году², на его должность был назначен капитан Шмалев, который в течение года пользовался властью и удовольствием делать добро жителям, которые питали к нему равное уважение и благодарность. Господин Рейнеке³ занял это место в 1780 году и был отозван в 1784 году по причинам, о которых я вынужден умолчать. В этот период Камчатское ведомство было объединено с Охотским. Коменданты и офицеры острогов с тех пор подчиняются приказам командира в Охотске и решениям его судов; сам командир подчиняется и подотчётен генерал-губернатору в Иркутске. Нынешний командир в Большерецке, который прежде был столицей Камчатки, теперь всего лишь сержант; когда я уезжал, это был Расторгуев, он был назначен на эту должность господином Козловым.

Коменданты в этих различных острогах не подотчётны друг другу за свою деятельность и даже не подчиняются начальству; власть каждого из них ограничивается жителями его собственного округа, что, несомненно, побудило правительство назначить капитана-исправника, который должен каждый год посещать все деревни Камчатки, принимать жалобы, рассматривать споры, судить и наказывать виновных, короче говоря, поддерживать мир и порядок. В его обязанности входит также поощрять торговлю, рыболовство и охоту, следить за регулярностью уплаты налогов, за запасом провизии каждого человека для его собственного и его семьи пропитания, за ремонтом мостов и

¹ Премьер-майор Магнус Карл (Матвей Карпович) фон Бем (1727- 1806), предшественник В.И.Шмалева, был командиром Камчатки с 1773 по 1779 год. — *прим. перев.*

² Это была третья экспедиция капитана Кука — уже без самого Кука, погибшего ранее на Гавайских островах и даже без капитана Кларка, принявшего командование экспедицией и умершего от туберкулёза незадолго до прибытия и похороненного в Петропавловске. — *прим. перев.*

³ Коллежский асессор (в то время) Франц Францевич Рейнеке (1746 -1821). Из лифляндской ветви старинного саксонского рода. Отец известного учёного-гидрографа, вице-адмирала Михаила Францевича Рейнеке. — *прим. перев.*

дорог, которых, к сожалению, очень мало и которые содержатся в очень плохом состоянии. Одним словом, капитан-исправник должен считать своим долгом приучать людей к нравам и обычаям России. В 1784 году этот важный пост был доверен барону Штейнгелю¹, который учредил свою резиденцию в Нижнекамчатске. Дела призвали его в другое место, и его сменил на этом посту г-н Шмалев, который, в сопровождении нас, делал объезд своих территорий.

Среди начальства есть не только военные; многие споры и дела разбираются судами. Они есть в Тигиле, Гижиге и Нижнекамчатске и подчиняются юрисдикции Охотского суда, подобно тому, как в России магистраты нижестоящих городов подчиняются столичным, на которых лежит окончательное решение. Кроме того, в Большерецке существует своего рода консульская юрисдикция, называемая в России Словесный суд. Судьи в нём купцы; они рассматривают все споры, связанные с торговлей, и их решения, направляются в порядке апелляции для утверждения в суд. Используется только Российский свод законов, который слишком хорошо известен, чтобы вдаваться в подробности.

Должен добавить, что собственность камчадалов переходит, конечно, после их смерти к наследнику или к тому, кому она завещана. Завещание уважается и соблюдается буквально, как это принято у тех народов Европы, которые наиболее щепетильны в вопросе о наследовании.

Разводы среди камчадалов не практикуются и не допускаются. Русские, стремятся сохранять свои браки, хотя это не даёт им особых привилегий. Их побуждения понятны. Ввиду родственных браков весьма вероятно, что уже к концу жизни этого поколения племя коренных жителей может полностью исчезнуть.

Смертная казнь, отменённая во всех владениях императрицы, никогда не применялась на Камчатке. В самых ранних своих переселениях русские, обвинённые в преследовании туземцев, приговаривались к битью кнутом; камчадалы также, за различные проступки, подвергались этому жестокому наказанию, но оно больше не практикуется. Когда туземцы виновны в каких-либо преступлениях, наказанием является порка розгами. Не ясно, впрочем, выиграли ли они от этого изменения. Нынешний способ наказания является более простым и быстрым, к нему прибегают с меньшей щепетильностью и часто им злоупотребляют.

Язык камчадалов показался мне грубым, гортанным и труднопроизносимым; слова прерывистые, а звуки неприятны. Существует столько же различных диалектов и акцентов, сколько и острогов. Например, покинув Петропавловскую гавань, мы с удивлением слышали другой говор в

¹ Иоганн Готфрид фон Штейнге(й)ль (1744—14.05.1804) На русской службе с 1772 года, с 1773 г. на службе в Сибири капитан-исправником Нижнекамчатского округа. Отец декабриста Владимира Ивановича Штейнгейля. — *прим. перев.*

Паратунке, так обстоят дела даже в ближайших деревнях. Несмотря на эти вариации языка, я счёл своим долгом составить словарь, который приведён в конце моего дневника. Я добавлю к этому корякский, чукотский и ламутский¹ языки. Моё внимание к этому предмету не ослабевало, и я получил в этом значительную помощь. Я закончу статью о моей пребывании в Большерецке некоторыми замечаниями, которые будут скорее оправданиями моей задержки в этом городке.

К концу ноября внезапно так похолодало, что за несколько дней замёрзли все реки, даже Большая, что редко случается из-за чрезвычайной быстроты её течения. На следующий день она избавилась ото льда, и с тех пор я не видел больше ледостава ниже дома коменданта. Река замёрзла не во всех местах, тут и там на ней полыньи, где вода течёт, как обычно.

На каждом берегу полуострова есть ощутимая разница в погоде. Во время хорошей погоды в Петропавловской гавани царила засуха, тогда как в Большерецке жаловались на частые дожди; между тем осень в этом году оказалась не более дождливой, чем обычно. Обильные дожди губительны в здешних местах, так как вызывают сильные наводнения, которые выносят рыбу из рек; в результате чего приходит голод, особенно мучительный для бедных камчадалов. Такое случилось в прошлом году во всех деревнях на западном побережье полуострова. Это ужасное бедствие происходит так часто в последние месяцы, что жители вынуждены покидать свои жилища и отправляться с семьями на берега Камчатки, надеясь, что в этой реке больше рыбы. Г-н Козлов намеревался идти вдоль западного побережья после поездки на восток, но известие о голоде заставило его вернуться, чтобы не быть вынужденным остановиться на полпути из-за трудностей с кормом для собак и провизией для людей.

Во время моего пребывания в Большерецке ветер менялся значительно; чаще всего он был западный, северо-западный или северо-восточный; иногда он дул с юга, но редко с востока. Южный и западный ветры почти всегда сопровождаются снегом. Не проходило и недели, вплоть до января, чтобы не случилось двух-трех сильных бурь; обычно они приходили с северо-запада. Эти сильные ветра длились обычно день или два, но иногда семь-восемь дней. Очень небезопасно выходить на улицу в такое время. Небо совершенно тёмное, а в вихрях снега ничего не видно на расстоянии шести ярдов. Горе тем путешественникам, которых застала в дороге такая ужасная погода! Им приходится останавливаться, иначе они рискуют заблудиться или упасть в какую-нибудь пропасть. В порывах ветра и вихрях снега двигаться приходится буквально на ощупь! Если с такими трудностями сталкиваются люди, то что же должны испытывать бедные собаки?! Случалось, что нас настигали такие

¹ Ламуты – старое название эвенов. – прим. перев.

сильные ураганы, что наши упряжки оказывались отделёнными друг от друга на расстоянии нескольких вёрст и двигались в противоположном направлении¹.

Регулярность этих бурь и прискорбные происшествия, которые они вызывают, убедили нас в необходимости отложить наш отъезд. Господину Козлову так же не терпелось добраться до места своего назначения, как и мне — продолжить мой путь, чтобы выполнить поручение с тем тщанием, которое диктовал мне мой долг. Но всякий, к кому мы обращались за советом, признавал наше рвение негодным и доказывал, в особенности мне, что, имея столь важное поручение, я поступлю опрометчиво, если двинусь в путь сейчас. Это размышление успокоило меня. Г-н Козлов предвосхитил моё желание, выдав мне справку о моем долгом пребывании в Большерецке, в соответствии с обстоятельствами, которые его вызвали. К середине января ветра, наконец, утихли, и мы с нетерпением принялись готовиться к отъезду, который был назначен на 27 января.

Мы старательно запаслись водкой, говядиной, ржаным хлебом, мукой и крупами. Для нас было испечено большое количество хлебов, часть из которых мы приберегли для первых дней путешествия, а остальные были нарезаны тонкими ломтиками и высушены в печи; оставшаяся мука была уложена в мешки про запас на случай нужды.

Господин Козлов приказал собрать как можно больше собак. Вскоре со всех соседних острогов было привезено их множество; у нас также было достаточно провизии для них, трудность была только в том, как нам её везти. Мы решили отправиться в путь рано утром 27-го; но когда мы пришли, чтобы усесться в свои сани, мы обнаружили что у нас столько багажа, что, несмотря на количество занятых рабочих, он всё ещё не был уложен. Мы были не в духе; ни один день в моей жизни не казался мне ещё таким скучным. Мы досадовали на задержку и не хотели откладывать отъезд до следующего дня, и как только вечером нам сообщили, что всё готово, мы побежали к своим саням и в одно мгновение покинули Большерецк.

¹ Эти ураганы преобладают в основном в ноябре, декабре и январе.

Глава IV

Отъезд из Большерецка – Прибытие в Апачи – Происхождение дурного мнения о французах – Бенёвский – Господин Шмалев покидает нас – Прибытие в Малки – В Ганалах – В Пушино – Избы без дымоходов – Камчадальская лампа – Нечистоплотность жителей – Дороги занесены снегом – Острог Шаромы – Прибытие в Верхнекамчатск – Ивашкин, несчастный ссыльный – Колония крестьян – Острог Кирганик – Описание моей одежды – Визит к барону Штейнгейлю в Машуре – Новые подробности о шаманах – Тревожное сообщение о восстании коряков – Река Николка – Вулканы Толбачика – Ранний брак.

Мы стартовали в семь часов. Светила полная луна, отражаясь в ослепительно белом снегу. Наш отъезд заслуживает отдельного описания. Представьте себе кавалькаду из тридцати пяти саней¹. В первых сидел сержант Кабешов, назначенный руководить нашей процессией. Он подал сигнал, и тотчас же все сани друг за другом тронулись в путь. Их тянули три сотни собак, одинаково бодрых и быстрых². Вскоре ровный строй упряжек был разобщён, порядок нарушен, и всё смешалось. Каюров оживило энергичное соперничество, и всё превратилось в какую-то гонку колесниц. Это было соревнование в скорости и за первое место в строю; никто не хотел ехать позади, сами собаки не могли вынести такого унижения и тоже сражались друг с другом, чтобы вырваться вперёд, в результате чего сани опрокидывались, часто рискуя вдребезги разбиться. Вопли возмущения тех, кто опрокинулся, визг дерущихся собак, победные крики тех, кто вырывался вперёд, и непрерывная перекличка каюров довершали неразбериху и мешали нам и видеть и слышать друг друга.

Чтобы получше насладиться видом этой суматохи, я пересел из своих больших неповоротливых нарт, где чувствовал себя, как связанный, в небольшие санки, в которых, помимо удовольствия самому управлять упряжкой, я мог видеть всё, что происходило вокруг. К счастью, никаких происшествий не случилось, и у меня не было причин раскаиваться в своем любопытстве. Беспорядок этот был вызван главным образом жителями Большерецка, которые из преданности и уважения пожелали сопровождать господина Козлова до Апачи³, куда мы прибыли около полуночи. Расстояние от Большерецка до этого острога составляет сорок четыре версты.

Через несколько минут после нашего прибытия поднялся сильный ветер, который очень бы нам помешал, если бы случился ранее. Он продолжался всю ночь и весь следующий день, который мы были вынуждены провести в Апачи.

¹ Это были в основном обычные сани, какие я уже описывал. Некоторые из них были закрытые на манер возка или кибитки. Кроме этих, были сани жителей Большерецка, которые взялись сопроводить нас до Апачей.

² Сорок пять собак были впряжены в сани господина Козлова, а тридцать семь – в мои.

³ Я проезжал через эту деревню по дороге в Большерецк и описал её ранее.

Здесь мы наконец попрощались с жителями Большерецка. Я был весьма впечатлён их благодарностью и привязанностью к господину Козлову, сожалением, которое они выражали, прощаясь с ним, а также их заботой обо мне и интересом, который они проявляли к успеху моего путешествия. Я был тем более доволен их вниманием, что, как я заметил ещё в Большерецке, французская нация не пользовалась у них большим уважением; они были о нас даже такого дурного мнения, что с трудом верили тому, что им говорили о вежливости и сердечности экипажей французских фрегатов по отношению к жителям Петропавловской гавани. Однако по мере того, как их соплеменники хвалили наше поведение, их предубеждение становилось все слабее. Я, со своей стороны, постарался полностью рассеять его беседами и своим поведением. Не смею льстить себе надеждой на полный успех, но мне показалось, что в их чувствах к нашей нации в конце концов произошла некоторая перемена.

Невыгодное впечатление, которым они прониклись к характеру и склонностям нашего народа, было вызвано вероломством и жестокостью, проявленными в этой части полуострова знаменитым Бенёвским¹. Этот негодяй называл себя французом, а вёл себя, как настоящий вандал.

Его история хорошо известна. Во время смуты в Польше 1769 года он служил под знамёнами конфедератов. Его бесстрашие побудило их сделать выбор в пользу того, чтобы он командовал разношёрстным отрядом иностранцев или, скорее, разбойников, подобных ему самому, которых они держали на жалованье не по желанию, а скорее по необходимости. С Бенёвским во главе они грабили и убивали всех, кого встречали. Он преследовал русских, для которых был столь же грозен, как и для своих соотечественников. Вскоре он был взят в плен русскими, и можно предположить, что они не были к нему слишком снисходительны. Его сослали в Сибирь, затем на Камчатку, и всюду его сопровождал его пламенный и мстительный гений. Выжив в жестоком климате, который, как полагали русские, должен был его погубить, он вдруг явился в Большерецк с отрядом ссыльных, которых он заразил своей собственной дерзостью. Он застал врасплох гарнизон и завладел его оружием; комендант, господин Нилов, был убит его собственной рукой. Затем он захватил судно, стоящее в порту. Все трепетали от его вида и подчинились его воле. Он заставил бедных камчадалов снабдить его всем необходимым и, не довольствуясь полученными жертвами, отдал их жилища безудержной распущенности своих разбойников, которым сам подавал пример злодейства и жестокости. Наконец, он сел на корабль вместе со своими товарищами и поплыл, как говорили, в Китай, неся с собой проклятия камчатского народа. Этот якобы француз был единственным, кого они видели на полуострове; и

¹ Бенёвский, Мориц Август (1746 - 1786) — венгерско-словацкий авантюрист и путешественник, закончивший свою богатую приключениями жизнь королём Мадагаскара. — прим. перев.

такой образец нашего народа они, конечно, не могли полюбить и имели достаточные основания бояться всех нас.

На рассвете господин Шмалев покинул нас и отправился в Тигиль, на западном побережье, чтобы завершить свой визит в той части полуострова¹.

Мы выехали из Апачи почти в то же время. Хотя наша свита была менее многочисленной, впереди нас ждало большее путешествие. Миновав равнину, на которой расположен этот острог, мы достигли реки Большой, по которой шли несколько часов. Мы следовали по ней по всем её извилинам, иногда в лесу, а иногда у подножия крутых и мрачных гор, которые тут и там возвышаются над её берегами. В пятнадцати верстах от Малки мы оставили реку, потому что из-за течения в разных местах начались подвижки льда; и прежде чем достигли этого острога, пересекли реку Быструю. Примерно в два часа пополудни мы приехали туда. Расстояние от Апачи — шестьдесят четыре версты, и, не имея смены собак, мы вынуждены были остановиться, чтобы дать им отдохнуть.

Тойон острога вышел навстречу господину Козлову и предложил ему свою избу. Он хорошо приготовился к нашему приёму, и мы провели там ночь. Он относился к нам с величайшим почтением и угощал нас, как только мог. К сожалению, его заботы не распространились на наш покой. Мой сон был возмутительно прерван воем наших собак, к которому я ещё не привык. Завывания этих проклятых животных, пронзительные и неумолчные раздавались, казалось, прямо над моими ушами и мешали мне заснуть всю ночь. Надо было слышать этот ночной концерт, самый ужасный из всех, какие я когда-либо слышал, чтобы судить о том, как я страдал, приучая себя к этим звукам, ибо я должен был научиться отдыхать вопреки им. После нескольких таких ночей сон, наконец, одолел меня, и я заснул, не чувствуя никакого шума. Постепенно я настолько привык к вою и лаю этих животных, что мог спокойно отдыхать среди них. Я упомяну также, что собак кормят только один раз в конце дня, их трапеза обычно состоит из вяленого лосося, раздаваемого каждому из них.

Острог Малки похож на те, которые я уже описывал. В нём пять или шесть изб и дюжина балаганов, расположен он на берегу Быстрой и окружен высокими горами. У меня не было времени посетить горячие источники, которые, как говорят, находятся в этом районе, воды которых сильно насыщены сероводородом, а один из них, вытекающий из склона горы, образует внизу водоём с довольно чистой водой.

Из Малков мы отправились в Ганалу, которая находится в сорока пяти верстах, но не смогли двигаться так быстро, как намеревались. Река Быстрая

¹ Другой целью этого путешествия было раздобыть нам провизии. Мы присоединимся к нему позже, как будет видно в дальнейшем.

замёрзла не полностью, и нам пришлось петлять по лесу, где снег был глубокий и рыхлый, наши собаки проваливались по брюхо и сильно уставали. Пришлось оставить этот путь и снова направиться к Быстрой. Мы вышли к ней в десяти верстах от Ганал и обнаружили, что лёд на реке в хорошем состоянии. Прочность его обещала быстрое путешествие, и мы с готовностью воспользовались этим преимуществом. Мы поехали по реке, и вскоре достигли острога на берегу. Он состоит из четырёх изб и двенадцати балаганов. Ничего примечательного в нём не было.

Мы только узнали, что здесь прошло несколько сильнейших метелей, и что они ещё не совсем стихли, хотя их сила значительно уменьшилась. Сила этих штормов легко объяснима. Окружающие высокие горы образуют впадины, в которые скапливается холодный воздух. Периодически какая-нибудь впадина переполняется, холодный воздух находит себе путь и стекает вниз, вызывая сильный ветер. Чем меньше препятствий на его пути, тем стремительней он движется, врывается в долину снежными вихрями, засыпает снегом дороги и делает их непроходимыми.

Проведя весьма неважную ночь в доме местного тойона, мы отправились на следующий день в Пуцино. Расстояние — девяносто вёрст, которые мы проделали за четырнадцать часов, но вторая половина пути была очень тяжёлой. Дорога была занесена снегом, сани проваливались на три-четыре фута и кренились так сильно, что я был счастлив, что перевернулся только один раз. Судя по снегу на деревьях, он шёл с севера и был очень сильным, что подтверждали и жители. Дорога наша всё время шла через берёзовый лес, и на некоторое время мы потеряли из виду горы, мимо которых шли накануне вечером, но по мере приближения к Пуцино они снова стали видны.

Река Камчатка протекает по окраине этого острога, который больше, чем Ганалы. Единственное отличие, которое я заметил в этом месте, было то, что у изб не было дымоходов, а только, как у Балаганов, отверстия в крыше, которые часто закрываются люком, чтобы сохранить тепло. Невозможно находиться в жилищах, обогреваемых таким образом, мы должны были либо оставаться на улице, либо лежать распростёртыми на полу, чтобы не задохнуться или, по крайней мере, не ослепнуть от дыма: он не поднимается прямо к потолку, а наполняет помещение густым чёрным облаком. Изнутри эти избы покрыты сажей, которая придаёт им ужасный вид и самый отвратительный запах.

Но ещё более неприятный запах исходит от убогой лампы, служащей источником света для всего дома. Его форма не из самых изящных: это просто камень с углублением, в которое налит тюлений или другой животный жир и торчит фитиль, скрученный из тряпки. Горящая лампа выделяет густую чёрную копоть, которая в равной степени чернит стены, забивает нос и горло и проникает в самые лёгкие. Это не единственный неприятный запах, который

ощущается в этих жилищах; есть и другой, по-моему, гораздо более зловонный, и который я никогда не мог вынести — это тошнотворный дух от вонючей вяленой рыбы когда она готовится, когда её едят и даже после того, как она съедена. Обьедки её предназначается для собак, но прежде чем бедные животные получают их, они повалаются по всему жилищу.

Люди, населяющие эти жилища, являют зрелище столь же отвратительное. Вот группа женщин, блестящих от жира, которым они себя обмазывают, и валяющихся на полу среди груды тряпья; некоторые из них кормят грудью своих полуголых детей, грязных с головы до ног; другие пожирают совершенно сырую и часто гнилую рыбу. Там мы видим других женщин в неряшливых одеждах, лежащих на медвежьих шкурах и болтающих друг с другом, или занятых домашними делами в ожидании своих мужей.

К счастью, дом тойона был чист и хорошо убран для приёма господина Козлова, который всегда любезно разрешал мне поселиться с ним.

Мы переночевали в Пуцино в доме тойона и выехали на следующее утро очень рано; в тот день мы проехали только тридцать четыре версты. Казалось, чем дальше мы продвигались, тем больше дороги засыпало снегом. Оба моих каюра постоянно поддерживали мои сани, чтобы они не опрокинулись и не съехали с дороги; они должны были также напрягать свои голосовые связки, чтобы подгонять собак, которые часто останавливались, несмотря на удары, которые наносились им с одинаковой щедростью и ловкостью. Эти бедные создания, чья сила и выносливость непостижима, с большим трудом избавлялись от снега, который покрывал их быстрее, чем они его стряхивали. Часто приходилось расчищать перед ними сугробы, чтобы они могли тащить сани. Это также было заботой моих проводников. Чтобы не проваливаться в снег, каждый из них прикрепил к одной ноге лыжу, и так они скользили, время от времени ставя другую ногу на полоз саней. Я не знаю, что на свете может быть утомительнее и требовать бóльшей силы и ловкости.

Острог Шаромы, в который нам посчастливилось побывать, расположен на реке Камчатке, у меня не осталось о нём никаких заметок. Мы провели там часть ночи и покинули его ещё ранним утром.

Через семь часов мы достигли Верхнекамчатска, что в тридцати пяти верстах от Шаром. Верхний, как его зовут здесь для краткости — очень значительное место по сравнению с теми острогами, которых я видел до сих пор. Я насчитал больше сотни домов. Его положение удобно, и возможности для развития весьма разнообразны, кроме того, что он стоит на реке¹, у него есть ещё одно преимущество: рядом находятся леса и поля, почва которых плодородна и начинает обрабатываться жителями. Церковь построена из дерева, её архитектура оставляет хорошее впечатление, остаётся только

¹ Река Камчатка в этот момент всё ещё не замёрзла.

пожелать, чтобы внутреннее убранство соответствовало внешнему облику. Жители ничем не отличаются от обитателей других деревень. Впервые я увидел на этом месте строения высотой с балаган, которые служат только для того, чтобы сушить рыбу. В Верхнем командовал сержант, который живёт в казённом доме.

Эта деревня также является местом жительства несчастного Ивашкина, историю которого я уже рассказывал, он был с нами по пути из Петропавловской гавани в Большерецк и покинул нас только для того, чтобы скорее прибыть в Верхний, где его главной заботой было убить одного из его волов, мясо которого он просил нас взять с собой в дорогу, как свидетельство его благодарности. Этим он выразил признательность за мою заботу о нём, один вид которого не раз заставлял меня содрогаться при мысли о его несчастьях. Я не могу себе представить, как он мог выдержать их и примириться со своей судьбой: должно быть, только сознание своей невинности могло придать ему такую силу духа. Мы нанесли ему визит по прибытии. Он весело бражничал с кем-то из соседей. Веселье его было искренним и даже не намекало на его прошлые страдания или что он тяготится своим нынешним положением.

Наше пребывание в Верхнекамчатске было недолгим; после обеда мы отправились ночевать в деревню Мильково¹, находившуюся на расстоянии пятнадцати вёрст. По дороге мы миновали довольно большое поле, обнесённое частоколом, а дальше — заимку, то есть хутор, населённый рабочими. Эти рабочие были казаками, занятыми обработкой земли за казённый счёт. У них было восемьдесят лошадей, принадлежащих казне, которые использовались и в хозяйстве и для размножения животных, столь полезных и столь же редких на полуострове. Возле этой заимки, которая называется Шигача², на протоке Камчатки стоит водяная мельница из дерева, но не очень большая. В это время от неё не было никакой пользы, так как уровень воды был так велик, что она перелилась через шлюз и растеклась по равнине, где и замёрзла. Почва здесь оказалась хорошей, а местность вокруг выглядела приятно. Я расспрашивал казаков о продукции их округа, где, по-моему мнению, можно было бы с успехом выращивать все виды зерновых. Они рассказали мне, что их последний урожай, как по количеству, так и по качеству, превзошёл их ожидания и не уступал лучшим урожаям в России: два пуда зерна дали десять.

Приехав в Мильково, я с удивлением увидел там и не камчадалов и не казаков, А любопытное поселение крестьян, чьи лица и манеры говорили мне, что они не были смешанной крови. Жители этой колонии были собраны в 1743 году в России и Сибири среди коренных жителей-земледельцев. Государство,

¹ Мильково — село, основанное в 1743 году переселенцами из Сибири. Названо по реке Мильковка. — *прим. перев.*

² По названию протоки Шигача (совр. Сигачик, или Шигачик). — *прим. перев.*

посылая их сюда, считало, что они могут освоить землю для сельского хозяйства и надеялось, что их пример и успех научат туземцев и побудят их трудиться в этой полезной и необходимой отрасли. К сожалению, их крайняя лень, которую я уже описал, мало соответствовала мудрым намерениям правительства, и они всё так же далеки от того, чтобы претендовать на какую-либо конкуренцию, и всё так же не извлекают ни малейшей пользы из примеров, находящихся прямо перед их глазами. Эта крайняя инертность туземцев тем более удручающа, что нельзя не восхищаться трудолюбием этих деятельных иммигрантов, старания которых сопровождались столь благотворными последствиями. Их камчатские жилища как будто говорят, что им живётся спокойно и уютно, а стада их тучнеют от доброй заботы. Я заметил также, что эти крестьяне вообще очень довольны своим положением. Их труд не чрезмерен, но выгоден. Каждый человек пашет и сеет свое поле, платит только один налог и обильно пожинает плоды своих трудов, которые плодородная почва отдаёт ему с лихвой. Я убеждён, что это дало бы ещё бóльшую выгоду, если бы земледельцы были более многочисленны. Урожай состоит в основном из ржи и очень малой частью из ячменя. Поселенцы эти совершенно не занимаются охотой. Правительство заботится, чтобы их труды были всецело посвящены сельскому хозяйству, и чтобы ничто не отвлекало их, запретило им охотиться. Запрет, однако, как я мог заметить, соблюдается не очень скрупулёзно. Их староста назначается администрацией из стариков деревни. Задача его состоит в том, чтобы следить за развитием сельского хозяйства, руководить временем посева и сбора урожая, то есть устанавливать их точные сроки; короче говоря, стимулировать трудолюбие и поощрять усердие рабочих, и особенно поддерживать дух предприимчивости и взаимопомощи.

Желая провести день с бароном фон Штейнгелем, я оставил господина Козлова в Мильково и отправился в Машуру¹ за сутки до его отъезда, чтобы потом не задерживать его в пути. Для этого путешествия я использовал небольшие сани. Дорога были не лучше и не менее завалена снегом, чем те, по которым мы двигались до этого, и поэтому я не мог развить намеченную скорость, несмотря на все усилия. Первой деревней, в которую я попал, был Кирганик². Не доезжая до него, я миновал несколько домов и балаганов, которые показались мне заброшенными, но позднее я узнал, что каждым летом их владельцы возвращались в них жить. Несколько жилищ, которые составляют этот острог, построены на берегу реки под названием Кирганик, которая образуется из нескольких потоков, стекающих с ближних гор, и соединяются вместе выше деревни, в пятнадцати верстах от Мильково.

¹ Машура — бывшее село на территории Мильковского района. — *прим. перев.*

² Кирганик — существует и поныне и до сих пор используется мильковчанами, как дачный посёлок. — *прим. перев.*

Холод был такой сильный, что, несмотря на то, что я закрыл лицо шейным платком, я обморозил щеки в первые же полчаса. Я прибег к обычному средству — натёр лицо снегом и почувствовала облегчение, но расплатой за это была острая боль, продолжавшаяся несколько дней. Хотя моё лицо мёрзло, всё остальное тело испытало противоположный эффект. Я сам вёл свои сани, и постоянное движение, которого это требовало, вкупе с моей тяжёлой камчадальской одеждой, заставляло меня сильно потеть и чрезвычайно утомляло.

Моё платье заслуживает отдельного описания, из которого вы увидите, что оно придавало мне не очень проворный вид. Обычно я носил только простую парку из оленьей шкуры и меховую шапку, которая при надобности закрывала мои уши и частично щеки. Когда холод становился сильнее, я добавлял к своей одежде две кухлянки — нечто вроде просторной парки, сделанной из двух слоёв оленьей шкуры, одного с мехом внутрь, а другого — наружу. В самую суровую погоду я надевал поверх всего этого ещё одну кухлянку, ещё более толстую и сделанную из шкуры архара или собаки, мехом внутрь, а снаружи окрашенную в красный цвет. К этим кухлянкам спереди прикреплён небольшой нагрудник, которыми закрывают лицо от ветра; у них также есть капюшоны, откидывающиеся на плечи. Иногда мой головной убор составляли все эти три капюшона, один на другом надетые поверх моей обычной шапочки. Шею защищал шейный платок, называемый «ошейник», сшитый из соболя или лисьего хвоста, а подбородок — ещё один платок из соболя. Так как лоб очень чувствителен к холоду, то его покрывала повязка из выдры или соболя, и всё это прикрывала моя шапка. Меховые штаны были ещё более тёплые, чем весь этот ворох остальной одежды. У меня были двойные чулки из оленьей кожи, с мехом с обеих сторон, которые на Камчатке называются «ичиги». Затем ноги были обуты в сапоги из оленьих шкур, причём стельки были из особой мягкой травы, обладавшей свойством сохранять тепло. Несмотря на все эти предосторожности, мои ноги после двух-трёхчасовой ходьбы становились очень влажными, то ли от пота, то ли от постепенного проникновения влаги; и если я останавливался хоть ненадолго, они тут же замерзали. Ночью я сменил обувь на большие мягкие меховые сапоги, сделанные из шкуры оленя или архара, называвшиеся «унты».

Несмотря на усталость, я не стал останавливаться в Кирганике. Ещё через несколько вёрст я увидел на севере вулкан, который не извергал пламени, но из него поднимался столб очень густого дыма. Я ещё буду возвращаться этим путём, и тогда расскажу о нём подробнее. Я заметил возле Машуры еловый лес, довольно густой, и это был первый такой лес, который я увидел на Камчатке. Деревья были прямыми, и очень тонкие. В два часа пополудни я въехал в Машуру, деревню на реке Камчатке, в тридцати семи верстах от Кирганика.

Я остановился у барона Штейнгеля, бывшего капитан-исправника Камчатки, должность которого впоследствии была поручена господину Шмалеву. Наше знакомство состоялось ещё в Большерецке. Я был счастлив, что могу говорить с ним на нескольких языках, в особенности на моём родном языке, хотя он и не был ему хорошо знаком; но всё равно это был французский язык, и я считал барона своим соотечественником. Тот, кто покинул Европу, чтобы отправиться в столь отдалённую часть света, должен испытывать подобные чувства. Мы рассматриваем каждого человека, принадлежащего к тому же континенту или говорящего на том же языке, как согражданина. Самое простое обстоятельство, напоминающее нам о родной стране, доставляет нам весьма волнующее удовольствие; сердце страстно тянется к другу, к брату, которого, как мы думаем, мы нашли, нас охватывает мгновенное желание довериться ему всей своей душой. При взгляде на г-на Штейнгеля у меня сразу возникало это восхитительное ощущение. В разговоре с ним, с самой первой минуты, я почувствовал его неотразимую привлекательность. Я чувствовал что-то вроде жажды увидеть его, поговорить с ним; он просто очаровал меня, хотя его французский, как я уже говорил, был не самым чистым и произносился с немецким акцентом. Весь день 4 февраля я провёл у барона, а вечером, как и ожидалось, прибыл господин Козлов.

Острог Машура до появления оспы был одним из самых населённых на полуострове; но опустошительные последствия этой жестокой болезни сократили число жителей до двадцати семей.

Все камчадалы этой деревни, мужчины и женщины, являются или шаманами или верующими в этих мнимых колдунов. Они до крайности боятся русских священников, к которым питают самую закоренелую ненависть, и делают всё, чтобы только избежать встречи с ними. Это удаётся им не всегда, и тогда в присутствии священника они ведут себя лицемерно, но при первой же возможности стараются скрыться. Я приписываю этот страх тому пылкому рвению, с которым эти священники боролись с идолопоклонством, что камчадалы, несомненно, считают насилием над ними. Соответственно, они смотрят на них как на своих злейших врагов. Возможно, у них есть основания полагать, что, желая обратить их в свою веру, миссионеры преследуют также другие цели, нежели низвержение идолов. Эти попы, вероятно, не подавали им такого примера добродетелей, о которых сами они проповедуют. Туземцы подозревают, что целью их является обогащение и удовлетворение своей чрезмерной склонности к пьянству, а вовсе не обретение новых верующих. Так что не следует удивляться, что туземные жители остаются при своих древних заблуждениях. Они тайно поклоняются своему богу Кутке¹ и обращают к нему все свои молитвы, когда просят благ или помощи в каком-либо деле. Когда они

¹ Этот объект их поклонения точно описан у Стеллера.

идут на охоту, они воздерживаются от умывания и стараются не осенять себя крестным знамением, молят своего Кутку об удаче, и первое животное, которое они убивают, немедленно приносится ему в жертву. После этого акта благочестия они уверены, что охота будет успешной; напротив, если бы они перекрестились, они бы не надеялись добыть что-нибудь. Также часть их суеверия — это посвящать Кутке некоторых из своих новорожденных детей, которым, как только они покинут колыбель, предстоит стать шаманами. Почтение жителей этой деревни к колдунам трудно понять; оно близко к безумию и на самом деле достойно сожаления, ибо экстравагантные и дикие нелепости, с помощью которых эти колдуны поддерживают доверие к себе в своих соплеменниках, вызывают у нас скорее негодование, чем насмешку. В настоящее время они не демонстрируют свое лицедейство открыто и не придают своей некромантии того великолепия, которым она когда-то обладала. Они больше не украшают свои одежды мистическими побрякушками и другими символическими металлическими фигурками, которые звенят при движении их тел. Точно так же они отказались от своего барабана, называемого «бубен», который они использовали для ритмичного сопровождения своих показных мистерий, и которым они объявляли о своем приходе. Короче говоря, они отказались от всего своего магического инвентаря. Сохранились, однако, обряды, которые они соблюдают на своих собраниях и которые они также стараются держать в тайне, хотя и не так тщательно. Представьте себе круг из зрителей, сидящих вокруг шамана, мужчин или женщин, ибо, как я уже говорил, женщины также посвящены в эти мистерии. Внезапно шаман начинает петь или издавать бессмысленные пронзительные звуки. Толпа послушно присоединяется к нему, и представление превращается в мешанину резких и невыносимых диссонансов. Шаман возбуждается всё больше и больше и начинает танцевать под нестройные возгласы своих зрителей, голоса которых от неистовых усилий становятся хриплыми и изнурёнными. По мере того как в слуге их Кутки просыпается пророческий дух, танец оживляется всё больше и больше. Подобно дельфийской пифии, он закатывает свои страшные измождённые глаза, движения его судорожны, рот кривится, конечности напрягаются, каждая гримаса и конвульсия приводит в восторг его приверженцев. Разыграв своё представление в течение какого-то времени, он вдруг останавливается, как бы вдохновленный, и становится таким же спокойным, каким был прежде взволнованным. Такое особенное сосредоточение человека, исполненного бога, который им управляет и который собирается говорить его голосом. Удивлённая и трепещущая толпа мгновенно замирает в ожидании чуда, которое должно произойти. В этот момент самозванный пророк начинает произносить обрывки фраз, бессмысленные слова и всякий вздор, который

приходит в голову самозванцу; и всё это безоговорочно воспринимается как результат чудесного вдохновения. Вся эта тарабарщина сопровождается либо потоком слез, либо громкими взрывами смеха, в зависимости от характера сведений, которые он должен сообщить, в соответствии с этим же изменяются выражение лица и жесты оратора. Обо всём этом мне рассказывали люди, которые заслуживают несомненного доверия и которым удалось лично присутствовать на этих абсурдных «откровениях».

По-видимому, существует некоторая аналогия между этими шаманами и сектой квакеров. Квакеры также претендуют на боговдохновение, и среди них есть люди, которые, якобы под его воздействием, раздражаются горестными жалобами или внезапными приступами экзальтированной радости на своих безмолвных собраниях. Разница заключается вот в чём: эти внезапные ораторы импровизируют на тему морали, основные принципы которой они пытаются проповедовать, в то время как камчадалские фокусники не понимают ни слова из того, что они говорят, а только используют свой загадочную и притворную тарабарщину, чтобы подчинить своих глупых поклонников.

В Машуре подтвердились сведения, которые г-н Козлов получил ранее от инженера Богенова. Его посылали на реку Пенжина, чтобы он определил положение населённых пунктов на ней и составил их план с указанием затем двигаться вдоль западного берега Камчатки до Тигиля и составить точную карту местности, по которой он проехал. Он рассказал господину Козлову, что по прибытии в Каменное¹ встретил значительное число взбунтовавшихся коряков, которые вышли, чтобы помешать ему выполнить его миссию. Теперь ещё выяснилось, что их уже шестьсот человек и что нам, вероятно, не будет позволено проехать. Это было печальное известие, особенно для меня, который так стремился прибыть в Охотск, как будто это был конец моего путешествия, или как будто я мог оттуда добраться до Франции в один день. Мучительна была мысль, что нет другого пути, кроме как через эту деревню, и что мне, быть может, придётся повернуть назад! Я просто содрогнулся при одной мысли об этом! Господин Козлов сочувствовал мне и согласился, что донесение инженера не должно нас останавливать. Возможно, всё было не так уж плохо; возможно, рассказчик придал происшедшему больше значимости, чем оно имело на самом деле; возможно, он преувеличил что-то из страха; или история дошла до него, уже обросшая всякими дополнениями, передаваясь от одного к другому. Эти соображения заставили нас усомниться, и мы решили

¹ Каменное (в оригинальном тексте: Kaminoi) – несуществующее ныне селение на северном берегу Пенжинской губы между устьем реки Каменная и устьем реки Пенжина, в то время центр обитания т.н. «каменных» оседлых коряков. Не путать с современным селом Каменское в нижнем течении реки Пенжина. На прилагаемой карте Каменное ошибочно указано на левом берегу Пенжины у её устья. Кроме того р. Оклан указана впадающей в Пенжинскую губу – на самом деле это правый приток р.Пенжина. А на месте р. Оклан как раз должна быть указана р.Каменная. На второй, общей карте также ошибка: вместо Каменного указано селение Оклан. – *прим. перев.*

лично убедиться в истинности доклада, полагая, что у нас будет достаточно времени, чтобы прибегнуть к необходимым средствам, если мятежники действительно воспротивятся нашему проезду. Вскоре нас ещё ободрил курьер, прибывший к господину Козлову, который прибыл к нам без помех и заверил, что всё вокруг совершенно спокойно.

На рассвете я распрощался с бароном де Штейнгейлем с равным сожалением и благодарностью за его радушный приём и то внимание, которое он оказал мне во время моего короткого визита. Его знания и образованность делали его поистине интересным персонажем¹.

Мы прошли в этот день по реке Камчатке шестьдесят шесть вёрст, лёд был твёрд и очень гладок. Я не увидел ничего примечательного ни по пути, ни в деревне Щапино², куда мы прибыли на закате.

Рано утром мы отправились в путь и обнаружили, что нас очень задерживает снег. Он был так глубок, что мы едва могли двигаться. Весь день мы ехали так через густой еловый и берёзовый лес. Примерно на полпути и несколько дальше мы встретили две реки, одна из которых была совсем узкая, а другая шириной в шестьдесят ярдов, она называется Николкой Первой. Обе они берут начало в горах, сливаются здесь вместе и впадают в реку Камчатку. Обе они не были замершие, что я приписал чрезвычайной быстроте их течения. Место, где мы их пересекли, было поистине живописно, но самым необычным было то, что берега этих рек обрамляли многочисленные рощицы ледяных деревьев. Густой иней, вызванный сыростью этого места, покрывал каждую ветку и придавал ей сверкающий хрустальный вид.

На некотором расстоянии от Толбачика мы пересекли пустошь, с которой я мог видеть три вулкана; ни один из них не испускал пламени, а только клубы густого чёрного дыма. Первый, о котором я уже упоминал, отправляясь в Машуру, имеет свой источник глубоко в недрах горы, у него не совсем коническая форма, вершина его уплощена и лишь немного возвышается над поверхностью. Этот вулкан, как мне сообщили, некоторое время находился в покое и, казалось, погас, но недавно вспыхнул снова. К северо-востоку от него находится гора, вершина которой, по-видимому, является кратером ещё одного вулкана, он постоянно выбрасывает дым, хотя я не мог различить ни малейшей искры огня. Третий находится к северу-северо-востоку от второго; я

¹ В Машуре я имел несчастье потерять подаренного мне господином Козловым соболя, который умер, несмотря на все мои заботы о нём. Я сохранил, однако, его шкурку. Наблюдать за ним было для меня немалым развлечением. С его крайней активностью цепь была для него невыносимой. Он часто пытался убежать, и, несомненно, преуспел бы, если бы я не следил за ним постоянно; и мне никогда не удавалось пресечь его побег, не испытав остроты его зубов. Он питался рыбой и мясом; последнее является любимой пищей этих животных в дикой природе. Их ловкость в ловле птиц и животных поражает воображение. Мой соболь почти весь день спал, а по ночам беспрерывно шумел своей цепью; но, до крайности осторожный, переставал издавать малейший шум, как только видел, что кто-то идёт, и снова начинал свою возню, как только оставался один. Я выпускал его несколько раз в день, и как только он оказывался на снегу, то начинал зарываться и прятаться под ним, как крот, появляясь время от времени и тут же снова скрываясь.

² Щапино — бывшее село Миловского района. Возникло в XVIII веке. Названо по реке Щапина. — *прим. перев.*

не вполне мог наблюдать его, так как высокая гора почти полностью закрывала мне обзор. Он получил свое название от деревни Ключи¹, около которой он расположен; мне сказали, что мы ещё проедем ближе к нему. Два других вулкана² названы по имени острога Толбачик, куда мы как раз прибыли. Эта деревня находится на реке Камчатке, в сорока четырёх верстах от Щапино, но в ней нет ничего необычного. Утром там была камчадалская свадьба, и я пожалел, что не присутствовал на этой церемонии, которая, как мне сказали, почти такая же, как в России. Я видел молодожёнов, которые были похожи, скорее, на детей. Оказалось, что жениху было всего четырнадцать лет, а невесте — одиннадцать. Такие браки считались бы преждевременными в любой стране, но не в Азии.

Глава V

Я оставил Козлова и отправился в Нижнекамчатск – Острог Ушки – Острог Кресты – Вулкан Ключевской – Ключевская, заселённая сибирскими крестьянами – Острог Камаки – Прибытие в Нижнекамчатск – Развлекательная программа, предоставленная комендантом – Суды в Нижнекамчатске – Сообщение о девяти японцах, которых я там нашёл.

У меня было чрезвычайное желание увидеть город Нижнекамчатск, и я долго думал, как бы в нём побывать: уехать с полуострова, не побывав в его столице, я счёл бы непростительной ошибкой. И я надеялся, что моё любопытство не помешает моей основной миссии. Мне, по правде говоря, пришлось бы сделать круг, но это было не так далеко, чтобы вызвать заметную задержку. Я договорился с господином Козловым, которому хотелось, чтобы моё путешествие было как можно более приятным и безопасным, подождать меня в деревне Еловка³, где он задержится на несколько дней по своим казённым делам.

Чтобы терять поменьше времени, я простился с ним сразу по приезду в Толбачик, вечером. Но дорога оказалась ещё хуже, чем где либо до этого. К рассвету я с величайшим трудом добрался до Козыревска⁴, деревни в шестидесяти шести верстах от Толбачика.

Я не останавливался, радуясь, что счастливо избежал всех опасностей, подстерегавших меня на такой ужасной дороге и в темноте ночи⁵. Я вообразил,

¹ Ключи — посёлок Усть-Камчатского района. Основан около 1740 года переселенцами с реки Лена. — прим. перев.

² Это Острый Толбачик (3682 м) и Плоский Толбачик (3140 м). — прим. перев.

³ Еловка — бывшее село Усть-Камчатского района. Основано на месте ительменского острожка в 80 километрах от устья реки Еловки, левого притока реки Камчатки. — прим. перев.

⁴ Козыревск — посёлок Усть-Камчатского района. Возник до 1740 года. Назван по реке Козыревке. — прим. перев.

⁵ Впоследствии я узнал, что в тот день сани господина Козлова едва не разбились вдребезги, ударившись о дерево, а двое его проводников были ранены.

что в этот день мне уже нечего бояться, и самоуверенность моя вскоре была наказана. Я проехал уже много вёрст по реке Камчатке, которая в этом месте была особенно широка, и тут достиг нечто вроде пролива, где снег, гонимый сильными ветрами, представлял собой неровную и весьма обманчивую поверхность. Под ней скрывались камни, которые невозможно было увидеть и, соответственно, избежать. Вскоре я услышал треск, который недвусмысленно дал знать, что мои сани повреждены; и действительно, один из полозов был сломан надвое. Мои проводники помогли мне починить его, насколько это было возможно, и нам посчастливилось добраться до Ушков¹ без всяких других происшествий. Была уже полночь, в тот день мы прошли шестьдесят шесть вёрст. Первой моей заботой было починить сани, что задержало меня там до следующего дня.

В этой деревне одна изба и одиннадцать балаганов, а жителей осталось только пять семей, которые живут в трёх юртах. По соседству есть озеро², в котором так много рыбы, что все окрестные деревни пополняют в нём свои запасы на зиму. Это также главный ресурс провизии для столицы полуострова.

Я выехал из Ушков рано утром и к полудню проехал сорок четыре версты, частью по реке, частью по обширным пустошам. Первой деревней на моем пути была Кресты³. Она немного больше предыдущего острога, но в остальном похожа на то, что я видел раньше. Я остановился там только для того, чтобы сменить собак. До сих пор я двигался по дороге, по которой должен был ехать господин Козлов, чтобы добраться до Еловки; но вместо того, чтобы ехать, как он, до Харчино⁴, я направился из Крестов в деревню Ключи, которая находится в тридцати верстах.

Погода, которая после нашего отъезда из Апачи была очень хорошей, хотя и холодной, внезапно изменилась. Небо затянуло тучами, и ветер с запада принёс обильный снег. Это чрезвычайно затрудняло наше передвижение и мешало мне рассмотреть вулкан Ключевской, который я видел тогда одновременно с двумя Толбачиками. Насколько я мог судить, гора, несущая его в своем чреве, значительно выше двух других. Он постоянно выбрасывает пламя, которое, кажется, поднимается прямо из снега, которым гора покрыта до самой вершины.

С наступлением ночи мы приехали в деревню Ключи. Её жители — сибирские крестьяне, жившие на реке Лене — были посланы около пятидесяти лет назад в эту часть полуострова для обработки земли. Число мужчин, включая мальчиков, едва ли превышало пятьдесят. Оспа унесла больше

¹ Ушки — бывшее село Усть-Камчатского района. — *прим. перев.*

² Озеро Большое Ушковское площадью ок. 2 кв.км. — *прим. перев.*

³ Кресты — бывшее село в Усть-Камчатском районе. Основано в XVIII веке на месте где казаки установили православный крест, как символ присоединения Камчатки к России. — *прим. перев.*

⁴ Харчино — бывшее село Мильковского района. Основано в XVIII веке. — *прим. перев.*

половины из них. Этим труженикам повезло меньше, чем тем, кто живёт около Верхнекамчатска. Но последний урожай, как ржи, так и ячменя, превзошёл все их ожидания. У них много лошадей, как собственных, так и казённых.

Этот острог довольно велик и кажется ещё больше оттого, что состоит из двух частей, расположенных примерно в четырёхстах ярдах друг от друга. Селение простирается главным образом с востока на запад. В восточной его части расположена деревянная церковь, построенная в русском стиле. Большинство домов добротнее и чище, чем все, что я когда-либо видел. Есть также несколько больших казённых магазинов. Балаганов немного, и они весьма отличаются от камчадальских: их форма продолговата, а крыша опирается на столбы, поддерживающие её в воздухе.

Река у острога никогда полностью не замерзает. Летом она часто выходит из берегов и затапливает дома, хотя все они построены на возвышенности.

В четырёх верстах к востоку от церкви есть заимка, населённая казаками, чьи урожаи принадлежат правительству, но у меня не было возможности свернуть с дороги, чтобы осмотреть её.

Я пробыл в Ключах очень недолго, моё нетерпение увидеть Нижний побудило меня выехать в тот же вечер, чтобы добраться до Каменского¹, камчадальской деревни, расположенной в двадцати верстах дальше. Я проехал через неё в полночь, не останавливаясь.

Ещё до рассвета я был в Камаках², что в двадцати верстах от Каменского. Вскоре я прибыл в острог Щёки³, что на двадцать две версты дальше. Оттуда до Нижнекамчатска расстояние то же самое, и я преодолел его за несколько часов. Незадолго до полудня я имел удовольствие въехать в эту столицу Камчатку, которая видна на значительном расстоянии, но вид её ничем не примечателен.

Это лишь скопление домов с тремя церковными шпилями, возвышающимися над ними. Город расположен на берегу реки Камчатки, в котловине, окружённой цепью высоких гор, которые, однако, находятся на изрядном расстоянии. Таково положение Нижнекамчатска, о котором у меня было более высокое мнение, прежде чем я увидел его. Дома, в которых проживает около ста пятидесяти человек, деревянные, построенные плохо: маленькие, все занесены снегом, который туда приносит метелями. Эти ветра господствуют тут в это время года почти постоянно и дуют обычно несколько дней подряд. В Нижнем две церкви, одна из них находится в городе и имеет две

¹ Каменское (в тексте: Kamini) – несуществующее и забытое ныне селение, сведений о нём почти нет. Очевидно, было расположено у истока протоки Каменской (Большакова 1-я) примерно в 20 км. от Ключей. В «Географическом лексиконе Камчатки» Карла фон Дитмара описано так: «Камчадальская деревня, очень маленькая и почти вымершая, в непосредственной близости от деревни Камака». Встречается на старых картах. – *прим. перев.*

² Камаки — бывш. село Усть-Камчатского р-на. Возникло в XVIII веке. Названо по имени тойона Камаки. – *прим. перев.*

³ Щёки – несуществующее и забытое ныне селение, сведений о нём найти не удалось. Располагалось где-то в урочище Большие Щёки, где река Камчатка протекает в ущелье между гор – по описанию Лессепа, на полпути между Камаками и Нижнекамчатском. Встречается на старинных картах. – *прим. перев.*

главы, другая находится на территории острога. Обе эти церкви построены ужасно. Острог находится почти в центре города и представляет собой высокий частокол квадратной формы в плане. Кроме церкви, в ограде находятся также магазины, арсенал и караульное помещение, у входа днём и ночью дежурит часовой. Дом губернатора, майора Орлеанкова¹, находится рядом с крепостью и, если не считать его размеров, ничем не отличается от остальных домов; он не выше и построен не в лучшем вкусе.

Я остановился в доме несчастного изгнанника по фамилии Сновидов², который почти в то же время подвергся тому же наказанию, что и Ивашкин, но по другим причинам³: как и Ивашкин, он был сослан на Камчатку с 1744 года.

Едва я поселился, как ко мне пришёл офицер от г-на Орлеанкова, чтобы поздравить меня со счастливым прибытием. За ним последовали многие из главных чиновников города, которые один за другим самым любезным образом предлагали мне свои услуги. Я отвечал подобающим образом, но был раздосадован тем, что они застали меня врасплох. Переодевшись, я поспешил поблагодарить каждого из них в отдельности. Я начал с майора Орлеанкова, которого застал занятым приготовлением к празднованию в его доме бракосочетания поляка на русской службе с племянницей местного протопопа. Он не только пригласил меня на свадьбу, но и пришёл ко мне утром и проводил до своего дома, чтобы я не потерял ни малейшего интереса к этому зрелищу, которое, по его справедливому мнению, должно было меня заинтересовать.

Между тем больше всего меня поразила строгость церемонии. Различие в чинах соблюдалось, казалось, с величайшей щепетильностью. Формальности, поздравления и холодная любезность, открывавшие представление, придавали ему чопорный вид, обещавший скорее скуку, чем веселье. Трапеза была самой роскошной, какую только могла предложить эта отдалённая провинция. Среди первых блюд были разнообразные супы, сопровождаемые холодным мясом, которым мы наелись от души. Второе состояло из жареных блюд и выпечки. Обед был не сколько изысканным, сколько обильным. Ликёры были произведены из различных местных фруктов, сваренных и смешанных с французским бренди. Но обильное количество местного алкоголя, приготовленного из «сладкой травы», про которую я уже писал, почти всегда подавалось в качестве предпочтительного напитка. Он не имеет неприятного вкуса и даже ароматен; употребляют его с бóльшей готовностью,

¹ Конон Данилович Орлеанков – майор, комендант Камчатки. – *прим. перев.*

² Иван Кириакович Сновидов – сержант Измайловского полка, в 1742 году был обвинён в заговоре против Елизаветы Петровны и сослан на Камчатку. Здесь он женился на камчадалке, стал выпаривать соль и изрядно разбогател. Его старший приёмный сын стал родоначальником камчатских священников (а в годы Советской власти учителей) Сновидовых, а родной сын – Захарий Иванович Снафидов (1748-1830) – стал зверопромышленником, участвовал в открытии и освоении Русской Америки. Их потомки живут на Камчатке по сей день. – *прим. перев.*

³ На самом деле Сновидов был сослан по тому же делу, что и П.М. Ивашкин, но по какой-то причине не признался в этом Лессепсу. – *прим. перев.*

так как он менее вреден для здоровья, чем дистиллированный из зерна. Гости постепенно становились добродушными. Их головы не могли устоять против паров столь крепкого напитка, и вскоре за столом разлилось буйное веселье. Этому шумному и пышному пиршеству предшествовали вполне приличные танцы. Гости допоздна веселилась и развлекалась польскими и русскими деревенскими танцами. Закончился праздник великолепным фейерверком, приготовленным господином Орлеанковым и который он сам и запустил. Был он не Бог весть какой, но произвёл хороший эффект и не оставил желать ничего лучшего. Я больше наслаждался изумлением и восторгом зрителей, которые не были избалованы зрелищами такого рода. Восхищение их было достойно кисти художника, они хором ахали при каждом салюте, а сожаление, которое они выражали по поводу его краткости, доставило мне не меньшее удовольствие. Фейерверку были даны самые изысканные комплименты, и уходя, каждый вздыхал при воспоминании обо всех радостях этого дня.

На следующий день меня пригласили в дом протопопа, дяди невесты, где всё было так же, как и в предыдущий день, за исключением фейерверка. Я уже говорил, что протопоп является начальником всех церквей на Камчатке. Ему подчинено духовенство всего полуострова, он имеет право решать все церковные дела, а его резиденция находится в Нижнем. Это старик, не совсем лишенный сил, с длинной белой бородой, которая ниспадает ему на грудь и придаёт ему поистине почтенный вид. Его разговоры разумны, энергичны и рассчитаны на то, чтобы завоевать уважение и любовь народа.

В Нижнекамчатске есть два суда, один из которых обычный, а другой разрешает все торговые споры. Мировой судья, председательствующий в последнем, является своего рода бургомистром, подчиняющимся приказам городничего — главе города. Я уже рассказывал, что каждая из этих юрисдикций подчинена суду Охотска, главе которого она подотчётна за все свои разбирательства.

Но что меня больше всего заинтересовало в Нижнем, и что я не могу обойти молчанием, так это то, что я нашёл там девять японцев, привезённых сюда прошлым летом с Алеутских островов русским судном, занимавшимся торговлей шкурами выдр.

Один из японцев сообщил мне, что он и его спутники плыли на корабле своей страны с намерением посетить самые южные Курильские острова с целью торговли с их жителями¹. Они шли вдоль берега на небольшом расстоянии от него, когда на их налетел сильный шторм и вынес их в море, лишив всякого представления о том, где они находятся. Согласно его рассказу, которому я, однако, не очень поверил, они почти шесть месяцев плавали в океане, не видя земли; у них, видимо, был богатый запас провизии. Наконец

¹ См. Кацурагава Хосю «Краткие вести о скитаниях в северных водах», М. Наука. 1978. — прим. перев.

они увидели Алеутские острова и, преисполненные радости, решили направиться к этому берегу, не зная даже, в какой части света они находятся. Они бросили якорь около одного из островов, где встретили несколько русских на корабле которых и добрались до берега. Они предложили японцам разгрузить их судно и доставить его в безопасное место; но то ли из-за их подозрительности, то ли потому, что они думали, что у них ещё есть время сделать это на следующий день, японцы решительно отказались. Вскоре им пришлось раскаяться в этой непредусмотрительности. Ночью поднялся сильный шторм, их корабль сел на мель; и так как это было обнаружено только на рассвете, им с величайшим трудом удалось спасти только небольшую часть груза и судна, почти целиком построенного из кедра. Русские, которые прежде обходились с ними вежливо, теперь прилагали все усилия, чтобы заставить этих несчастных забыть об их потере. Они уговорили их отправиться с ними на Камчатку, куда они должны были вернуться. Мой японец добавил, что вначале их было гораздо больше, но опасности морского путешествия и суровый климат лишили его многих товарищей.

Этот японец, по-видимому, имел над своими восемью соотечественниками весьма значительное превосходство; он сообщил нам, что сам он купец, а остальные только матросы под его командованием. Несомненно, что они питают к нему особое почтение. Они пронизаны скорбью и проявляют величайшее беспокойство, когда он нездоров или когда с ним случается что-то неблагоприятное. Они регулярно, два раза в день, посылают одного из своих, чтобы прислуживать ему. Он тоже относится к ним с дружеским участием, заботится о том, чтобы они ни в чем не нуждались, и не проходит и дня, чтобы он не навещал их. Его зовут Кодаю; в его внешности нет ничего особенного, и она даже приятна; его глаза не выпучены, как у китайцев; у него длинный нос и борода, которую он часто бреет. В нем около пяти футов роста, и он довольно хорошо сложен. Сначала он носил волосы по китайской моде, то есть у него была одна прядь, спускавшаяся от середины головы, а остальные волосы вокруг неё были тщательно выбриты, но в последнее время его уговорили отпустить волосы и завязать их на французский манер. Он очень боится холода, и самые тёплые одежды, которые ему дают, едва ли устраивают его. Под ними он постоянно носит одежду своей страны: она состоит из одной или нескольких длинных шелковых рубашек, как наши халаты, а поверх них он носит одну шерстяную, что, по-видимому, означает, что такого рода материал более ценен, чем шёлк. Возможно, однако, что это обстоятельство вызвано каким-то мотивом удобства, о котором я не знаю. Рукава этого одеяния длинные и открытые, и, несмотря на суровый климат, он оставляет руки и шею открытыми. Когда Кодаю выходит из дома, он надевает на шею платок,

который снимает, как только входит в помещение, так как, по его словам, не может его выносить.

Он явно демонстрирует своё превосходство над соотечественниками, но это обстоятельство не так значимо, чем живость его характера и мягкость его нрава. Он живёт и ест в доме майора Орлеанкова. Свобода, с которой он входит в дом губернатора и других лиц, была бы среди нас сочтена дерзкой или, по крайней мере, невежливой. Войдя, он немедленно устраивается насколько возможно удобнее, садится на первый попавшийся стул и просит все, что хочет, или берёт сам, если это в пределах его досягаемости. Он почти непрерывно курит свою короткую трубку, украшенную серебром, при этом кладёт в неё совсем небольшое количество табака и добавляет его каждую минуту. К этой привычке он так сильно пристрастился, что его с трудом уговаривали расстаться с трубкой даже во время еды. Он с восхитительной готовностью и проникновенностью воспринимает все, что вы ему говорите. Он любопытный и очень внимательный наблюдатель. Я уверен, что он вёл подробный дневник всего, что видел, и что с ним происходило. Действительно, предметы и обычаи, которые он имеет возможность сейчас наблюдать, имеют так мало сходства с обычаями его страны, что каждая вещь даёт ему повод для замечания. Внимательный ко всему, что происходит или говорится в его присутствии, он записывает всё, чтобы не забыть. Его иероглифы показались мне очень похожими на китайские, но форма письма отличается, те пишутся справа налево, а японские сверху вниз. Он говорит по-русски достаточно хорошо, чтобы его понимали; надо, однако, привыкнуть к его произношению, чтобы разговаривать с ним, так как он говорит довольно многословно, так что вы часто пропускаете что-то, или воспринимаете в неправильном смысле. Он остроумен и естественен. Он ничего не скрывает и говорит с предельной откровенностью, что он думает обо всех. Его общество приятно, а характер довольно ровный, хотя и с заметной склонностью к подозрительности. Если он что-нибудь потерял, то тотчас же воображает, что у него это украли, и начинает беспокоиться. Его трезвость достойна восхищения и абсолютно контрастирует с обычаями этой страны. Если он решил не пить крепкого напитка, то его невозможно заставить даже попробовать; когда он склонен выпить, то просит сам, но никогда не пьёт сверх меры. Я заметил также, что, так же, как китайцы, во время еды он пользовался двумя маленькими палочками, с которыми обращался очень ловко.

Я попросил показать мне монету его страны, и он охотно удовлетворил моё любопытство. Золотая монета представляла собой тонкую пластинку овальной формы, с японскими иероглифами, диаметром около двух дюймов. Она оказалась из чистого золота, без каких-либо примесей, так что она легко изгибалась, как вам заблагорассудится. Их серебряные деньги квадратные,

меньше, тоньше и легче, чем золотые; однако он уверял меня, что в Японии эти монеты ценятся дороже. Медная монета точно такая же, как у китайцев: она круглая и почти такого же размера, как два наших лиарда¹, с квадратным отверстием посередине.

Я расспросил его о характере товара, который они спасли с места крушения, и из его ответа понял, что он состоял главным образом из чашек, тарелок, стаканов, покрытых тончайшей глазурью, и других товаров такого рода. Потом я узнал, что часть их продали на Камчатке.

Я надеюсь, мне простят это отступление от главной темы, так как рассказ об этих японцах поможет нам познакомиться с нацией, которую мы едва ли имеем возможность когда-нибудь увидеть.

Глава VI

Отправление из Нижнекамчатска – Встреча с Козловым – Нас настигает буря – Как камчадалы спят на снегу – Острог Озёрный – Острог Ука – Острог Хайлюля – Острог Ивашка – Острог Дранка – Острог Карага – Описание юрт – Одежда карагинских детей – Коряки снабжают нас оленями – О двух видах коряков – Знаменитая танцовщица – Пристрастие камчадалов к табаку.

Проведя три дня в Нижнекамчатске, я покинул его 12 февраля в час дня, чтобы встретиться с господином Козловым, которого я рассчитывал найти в Еловке. Некоторое время мой путь был таким же, каким я уже ехал, направляясь в Нижний, и рано вечером я прибыл в Щёку. В этом месте почти всегда дует сильный западный ветер. Это объясняется положением острога на реке, протекающей между двумя горными цепями, простирающимися вдоль её берегов на расстояние двадцати пяти вёрст.

Я переночевал в Камаках, а на следующее утро через несколько часов прибыл в острог Каменское, откуда поехал в Харчино. На своем пути я миновал три озера, последнее из которых было очень большим и не менее пяти лье в окружности². Я заночевал в этом остроге, который находится в сорока верстах от предыдущего и расположен на реке Харчинка³.

На рассвете я отправился в путь, и, несмотря на непогоду, продолжавшуюся весь день, проехал семьдесят вёрст, достигнув Еловки. Она находится на реке с тем же названием и окружена горами.

Господин Козлов был поражён моим путешествием. Я тщетно льстил себя надеждой, что момент нашей встречи будет моментом нашего отъезда далее,

¹ лиард – старинная мелкая французская монета. – прим. перев.

² Очевидно, это озеро Харчинское. 5 лье = 22.5 км. – прим. перев.

³ Деревни почти повсеместно имеют те же названия, что и реки, на которых они расположены, за исключением тех, которые находятся на реке Камчатке.

но дела его ещё не были закончены, и мы были вынуждены продлить наше пребывание. Он также надеялся, что скоро приедет господин Шмалев. Это бесплодное ожидание и дела господина Козлова задержали нас ещё на пять дней. Наконец он уступил моему нетерпению и согласился отправиться в путь 19-го числа, очень рано утром.

Мы проехали первые пятьдесят четыре версты довольно спокойно, но после полудня внезапно разразилась ужасная буря с запада и северо-запада. Местность была открытой, а порывы ветра так сильны, что двигаться дальше было невозможно. Видимость снизилась настолько, что наши проводники, несмотря на знание дороги, уже не могли обещать, что мы не заблудимся. Мы не могли уговорить их вести нас дальше, и в то же время было ужасно отдаваться на милость столь страшного урагана. Что касается меня, то признаюсь, что я уже очень замёрз, когда наши проводники предложили отвести нас в лес, который был недалеко и где мы могли найти хоть какое-нибудь укрытие. Мы не стали задерживаться ни минуты, но прежде чем сойти с дороги, нужно было дождаться, пока все наши сани соберутся вместе, иначе мы рисковали потерять друг друга и совсем заблудиться. Собравшись, мы добрались до леса, который, к счастью, находился на указанном расстоянии. Это произошло около двух часов дня.

Первой заботой наших камчадалов было выкопать в снегу яму глубиной не менее шести футов, другие принесли дрова, быстро разожгли огонь и поставили чайник. Лёгкая трапеза и небольшая порция водки вскоре оживили нашу компанию. Когда наступила ночь, мы занялись тем, чтобы провести её наиболее удобно. Каждый сам готовил себе постель: моей стал мой возок, где я мог спокойно лежать, но кроме господина Козлова, больше ни у кого не было такого удобного экипажа. «Как же, – подумал я, – эти бедняги ухитрятся уснуть?» Вскоре я был избавлен от беспокойства по этому поводу. То, как они готовили свои постели, заслуживает особого внимания, хотя они и не соблюдали особых церемоний по этому поводу. Выкопав в снегу яму, они покрыли её дно мелкими ветвями деревьев; затем, завернувшись в кухлянки, с надвинутым на голову капюшоном, улеглись в свою постель, как ни в чём ни бывало. Что же касается наших собак, то они были распряжены и привязаны к деревьям неподалёку, где и провели ночь, как обычно.

Ещё до рассвета ветер значительно стих, и мы продолжили наше путешествие. До Озёрного¹, где мы намеревались заночевать, оставалось тридцать вёрст. Мы приехали туда в десять часов утра, но наши собаки были

¹ Озёрный или Озёрновское – не существующее ныне селение на реке Озёрной (граница Усть-Камчатского и Карагинского районов), впадающей в зал. Озёрный на восточном побережье Камчатки в ≈130 км севернее Усть-Камчатска. Есть на старинных картах. – *прим. перев.*

так утомлены, что нам пришлось провести там остаток дня и даже ночь в надежде, что ветер, который днём начал дуть ещё сильнее, утихнет.

Острог получил свое название от озера, возле которого он находится. Возле деревни протекает небольшая река Озёрная. Тойон жил в единственной в остроге избе, которую я там увидел, и мне сказали, что мы больше не встретимся с подобными домами, пока не приедем в Гижигу. Кроме того, там было пятнадцать балаганов и две юрты. Я мог бы здесь описать эти подземные жилища, но так как они малы по сравнению с теми, которые я скоро буду исследовать, я пока что отложу свое описание.

Весь день 21 февраля мы провели в Озёрном в бесплодном ожидании сержанта свиты г-на Козлова, который был послан в Нижнекамчатск.

На следующий день мы доехали до деревни Ука¹ довольно рано, так как расстояние до неё составляет всего двадцать шесть вёрст. Там мы снова ждали сержанта, которому было приказано присоединиться к нам в этом месте, но он так и не приехал.

В Уке только одна изба, вместе с дюжиной балаганов и двумя юртами. Для господина Козлова была убрана одна юрта, в которой мы и провели ночь.

На рассвете мы покинули эту деревню и по пути увидели несколько балаганов, в которых живут, как мне сказали, только в сезон рыбной ловли. Около этого места мы некоторое время ехали по берегу моря. Я был крайне огорчён тем, что не мог видеть, на каком расстоянии оно замёрзло и в каком направлении простирается берег этой части восточного побережья Камчатки. В этом нам мешал северный ветер, который с такой силой хлестал нас снегом, что всё наше внимание было поглощено защитой от него; туман, который простирался по морю на значительное расстояние, также почти полностью закрывал вид на него. Местные жители, которых я расспрашивал по этому поводу, сообщили мне, что мы залив этот не очень большой ширины, а море покрыто льдом на расстоянии тридцати вёрст от берега.

В Хайлюле², остроге, расположенном на берегу моря в устье реки того же названия, в шестидесяти шести верстах от Уки, я нашёл только две юрты и с дюжину балаганов; и также имел удовольствие видеть кожаную байдару. Эта лодка была около пятнадцати футов в длину и четырёх в ширину; корпус сделан из довольно тонких досок, наложенных друг на друга с перехлёстом; длинный и толстый кусок дерева служил килем; деревянные части крепились между собой кожаными ремнями, и все это было покрыто моржовыми и тюленьими шкурами.

Я особенно восхитился тем, как были обработаны эти шкуры и как плотно они сшиты, чтобы вода не могла проникнуть в лодку. Обводы лодки несколько

¹ Ука — село в Карагинском районе. Названо по расположению около устья реки Уки. — *прим. перев.*

² Хайлюля — село Карагинского района. — *прим. перев.*

сходны с нашими, но менее округлы и потому менее изящны; концы её острые, а дно плоское. Это придаёт ей остойчивость, в отличие от обычных лёгких лодок, но делает байдару тяжелее. Для защиты от снега лодка эта находится под специальным навесом. Тойон уступил нам свою юрту, в которой мы заночевали, не имея возможности продолжать путь до следующего дня. С момента нашего прибытия ветер усилился и не стихал до середины ночи.

В десять часов утра на следующий день Хайлюля скрылась за поворотом дороги, и мы миновали старую деревню с таким же названием, которая была покинута из-за неудачного расположения. Далее мы встретили ещё несколько заброшенных жилищ, бывших прежде острогом Ивашка¹, который по той же причине был перенесён на тридцать вёрст от своего прежнего положения. Мы снова вышли к морю и некоторое время ехали по восточному побережью. В этом месте оно образует ещё одну бухту, которую я хотел осмотреть, но, как и прежде, туман помешал мне это сделать. Я заметил, что туман рассеивался по мере того, как ветер поворачивал на северо-восток, который до сих пор был западным и северо-западным.

Ивашка находится в сорока верстах от Хайлюли на берегу моря. Она состоит из двух юрт и шести балаганов и расположена на небольшой реке того же названия, которая была полностью замёрзшей, как и та, которую мы только что миновали.

Мы заночевали в этой деревне и провели там значительную часть следующего дня, опасаясь урагана, который нам предсказывали. Наконец, хотя было уже довольно поздно, мы решились ехать дальше и достигли деревни Дранка², до которой было тридцать вёрст. Расположение этого острога аналогично предыдущему. Здесь мы нашли русского офицера Гауса³: он приехал из Тигиля и привез господину Козлову всякие предметы палеонтологии.

Мы оставили Дранку на рассвете 27 февраля, а после полудня пересекли залив размерами пятнадцать на двадцать пять вёрст, вход в него был не шире пяти вёрст⁴. У него низкие берега, и мне показалось, что к западу-северо-западу от входа в него, в направлении Караги⁵, суда могут спокойно встать на якорь и укрыться от всех ветров, кроме восточного. К югу от входа в залив нет такой хорошей гавани – говорят, там песчаные отмели; я был вынужден довериться

¹ Ивашка — село Карагинского района. Названо по расположению в устье реки Ивашка. — *прим. перев.*

² Дранка — бывшее село Карагинского района. Возникло до 1838 года. Названо по имени реки, неподалёку от устья которой оно было расположено. — *прим. перев.*

³ Шихтмейстер (горный сменный мастер) Даниил Гаусс, участник экспедиции Биллингса, который 4-8 августа того же 1788 года с двумя казаками совершит первовосхождение на вулкан Ключевская сопка (4750 м.). — *прим. перев.*

⁴ Залив в устье реки Караги. — *прим. перев.*

⁵ Карага — село Карагинского района. Возникло в XVIII веке. Расположению на берегу реки Карага, точнее — на берегу залива в её устье. — *прим. перев.*

этим сообщениям, так как лёд и снег мешали мне получить более точные сведения.

Мы проехали в этот день семьдесят вёрст и вечером прибыли в острог Карага, который стоит на возвышенности и откуда открывается вид на море. В нём всего три юрты и двенадцать балаганов, рядом — река Карага. Эта река впадает в море на расстоянии нескольких ружейных выстрелов от острога, который является последним в Камчатском округе; деревушка в ста верстах далее, в которой живут несколько камчадалов, уже не входит в его пределы.

Здесь мы были вынуждены ожидать, когда придёт сушёная рыба для корма нашим собакам в тундре, которую нам теперь предстоит пересечь, и я воспользуюсь этой возможностью, чтобы привести в порядок свои записи, сделанные в этой и предыдущих деревнях. Они не будут расположены в том же порядке, в каком были написаны; как вы понимаете, быстрота, с которой мы путешествовали, часто не оставляла мне выбора в этом отношении¹.

Сначала я расскажу о юртах, которые я ещё не описал и которые заслуживают особого внимания. Как я уже писал, эти странные дома утоплены в землю, а то, что возвышается над землёй, похоже на усечённый конус. Чтобы составить себе правильное представление о них, представьте себе большую квадратную яму со стороной двенадцать-четырнадцать ярдов и восьми футов глубиной; четыре стороны ее выложены брусом или досками, а промежутки между этими стенами заполнены землёй, соломой или сухой травой и камнями. На дне ямы закреплены несколько столбов, поддерживающих поперечные балки, на которые опирается крыша. Крыша начинается на одном уровне с землёй и с плавным наклоном поднимается на четыре фута над ней; толщиной она два фута и сделана также, как и стены. Наверху есть квадратное отверстие размером три-четыре фута, которое служит дымоходом и входом в юрту для мужчин и женщин, куда входят и выходят с помощью своеобразной лестницы в виде бревна со ступеньками, которое поднимается на уровень с этим отверстием. С одной стороне юрты есть ещё один очень узкий вход, но пользоваться им считается своего рода позором². Я закончу описание внешней части этих жилищ, добавив, что они окружены довольно высокими частоколами, несомненно, для защиты от порывов ветра или снегопадов;

¹ Возможно, меня осудят за то, что моё повествование изобилует сухими и однообразными деталями. Я охотно пощадил бы читателя в этом отношении, если бы не обещал соблюдать предельную точность. Пусть он посмотрит на предметы, которыми я окружен на огромном пространстве страны, по которой я путешествую, и он увидит, что они почти всегда одни и те же. Значит ли это, что я должен изменять свои описания и избегать повторов?

² В этих подземных жилищах такой постоянный дым, что отверстия в крыше недостаточно, чтобы выпустить его наружу, и поэтому в одной стене юрты, позади очага, есть что-то вроде вентиляционного канала в наклонном направлении. Оно называется *жупан* и простирается наружу на некоторое расстояние от квадратного входа, который обычно закрывается циновкой. [Жупан (так его называли русские, на местных языках он называется по-своему) служил также для входа-выхода женщин и детей, которым иногда трудно было пользоваться верхним лазом, особенно когда топили очаг и шёл дым. Мужчина, вошедший в юрту через жупан, подвергался осмеянию — прим. перев.]

говорят, однако, что эти ограды раньше служили крепостными стенами для защиты от врагов.

Едва мы спустились в это туземное жилище, как тут же пожелали выйти, вид и запах внутри были отвратительны. Внутренняя часть юрты состоит из одной комнаты высотой около десяти футов. Вдоль стены по кругу — скамья шириной в пять футов, покрытая полуизношенными шкурами. Эта скамейка находится всего в футах от земли¹ и обычно служит кроватью для нескольких семей. Я насчитал в одном юрте более двадцати человек мужчин, женщин и детей. Они едят, пьют и спят вместе, удовлетворяют все требования природы без стеснения и скромности и никогда не жалуются на ядовитый воздух, царящий в юрте. Огонь в жилище горит почти непрерывно. Очаг обычно находится в середине юрты. Вечером угли сгребаются в кучу, а вход в юрту закрывают; таким образом, тепло сохраняется в течение всей ночи. При свете тусклой лампы, ужасный запах которой я уже описывал, мы рассмотрели в углу юрты² убогий образ какого-то святого, блестящий от жира и почерневший от дыма. Именно этим иконам камчадалы поклоняются и возносят молитвы. Остальная мебель состоит из сидений и нескольких сундуков из дерева или коры. Кухонная утварь сделана из меди или железа, но вся она отвратительно грязна. По жилищу разбросаны остатки сушёной рыбы, и женщины и дети постоянно жарят куски лососёвой кожи, которая является одним из их любимых блюд.

Необычность детской одежды особенно привлекла моё внимание; говорят, что на самом деле это одежда коряков. Она состоит из единственной оленьей шкуры, которая покрывает всё тело и так плотно подогнано, что дети кажутся полностью зашитыми в шкуру. Отверстия внизу — впереди и сзади — даёт возможность очищать ребёнка. Это отверстие покрыто полоской шкуры, которая может отстёгиваться; она поддерживает между ногами ребёнка пучок мха³, который по необходимости обновляется. Кроме обычных рукавов, к одежде подвешены ещё два других, чтобы поместить в них руки ребёнка, когда он замёрзнет; с одной стороны они зашиты и выстланы изнутри мхом. К платью прикреплён капюшон, также из оленьей шкуры; в юртах головы детей почти всегда обнажены, а капюшон висит у них за плечами. Кроме всего этого, они подпоясаны своего рода кушаком из оленьей кожи. Женщины носят своих детей на спине с помощью кожаного пояса, который проходит вокруг лба матери и под ягодицами ребёнка.

¹ Пол некоторые из юрт, которые я видел, были покрыты досками, но это считается роскошью, у большинства нет другого пола, кроме земляного.

² Этот закуток в некотором смысле отличается от комнаты и менее грязен, потому что менее посещаем. Это почётное место, отведённое для гостей.

³ Для этой же цели они используют траву под названием tonnchitcha. [Правильно: тоншич (ительм., мэнхч'ал) — мягкая мелкая трава рода осоки, растущая на кочках, стельки и прокладки из неё хорошо сохраняют тепло. Тоншич также применялся в ритуальных обрядах.. — прим. перев.]

Тойон Караги, в доме которого мы жили, был старый смутьян. Его с трудом заставили исполнять его обязанности, кроме того, он доставил нам некоторое беспокойство своим решительным отказом снабдить нас рыбой.

Нравы жителей этого острога очень похожи на нравы их соседей коряков. Похожесть эта очевидна и в языке, и в одежде их детей. У меня была возможность отметить это на следующий день после нашего приезда.

Зная, что недалеко находятся два племени кочевых коряков, мы немедленно послали к ним гонца с просьбой продать нам часть своих животных. Они охотно согласились и в тот же день привели нам двух живых оленей. Это было очень вовремя, к облегчению наших людей, которые уже начали ощущать нехватку провизии. Тем временем нашим собакам грозил ещё больший голод, так как сушёная рыба ещё не была доставлена. Одного оленя убили тотчас же, но когда мы захотели узнать его цену, нам было очень трудно договориться с продавцами: они не говорили ни по-русски, ни по-камчадалски, и мы никогда не поняли бы друг друга, если бы нам не посчастливилось найти в Караге жителя, который послужил переводчиком.

Есть два вида коряков: те, кого называют собственно коряками, имеют постоянное место жительства; другие — кочевники, и известны под именем оленных коряков¹. Их стада очень многочисленны, они кормят их, перегоняя по местам, которые изобилуют мхом. Когда одни пастбища истощаются, они ищут другие. Таким образом, они беспрестанно кочуют, живут в шатрах из шкур и питаются своими оленями.

Эти животные так же пригодны в качестве ездовых, как собаки у камчадалов. Сани, на которых к нам приехали коряки, были запряжены двумя оленями. Способ запрягания и управления ими, а также форма саней должны быть описаны, но я думаю, что лучше отложить это до тех пор, пока я не начну путешествовать с этими людьми — тогда я смогу быть более точным.

Долгожданная провизия прибыла, наконец, 29-го вечером. Она была доставлена тем сержантом, которого мы ожидали. Мы приготовили всё к отъезду на следующее утро, но ночью поднялся очень сильный северо-северо-западный ветер. Шторм этот сопровождался таким обильным снегопадом, что мы были вынуждены ещё продлить наше пребывание в остроге. Ничто, кроме этой плохой погоды, нас не задерживало, а прибытие провизии только усилило наше нетерпение. Припасы были невелики, а наша нужда столь настоятельна, что нам пришлось немедленно приступить к ним. Поэтому мы были заинтересованы в том, чтобы двигаться как можно быстрее, чтобы наши запасы не были израсходованы до того, как мы минуем тундру.

¹ Мне рассказывали, что некоторые из этих кочевых коряков живут на острове Карага, который находится в двадцати шести верстах от деревни с таким названием. Мне даже казалось, что я видел этот остров на расстоянии. [Остров Карагинский находится на расстоянии ок. 45 км. от Караги, через пролив Литке. — прим. перев.]

К утру ветер стих, но снег продолжал идти, и небо, казалось, грозило нам ещё одной бурей до конца дня. Она началась около двух часов дня и продолжалась до самого вечера.

Чтобы развлечь нас, нам было предложено познакомиться с талантом знаменитой танцовщицы, она была камчадалкой и жила в этом остроге. Похвалы, которыми осыпали её способности, возбудили наше любопытство, и мы послали за ней, но то ли из каприза, то ли из-за плохого настроения она отказалась танцевать и игнорировала наше приглашение. Напрасно ей говорили, что её отказ был неуважением к начальству, никакие убеждения не могли заставить её подчиниться. К счастью, у нас было немного водки, и пара стаканов изменили её настроение. По нашей просьбе один камчадал начал танцевать перед ней, побуждая её словами и жестами. Постепенно глаза её заблестели, по лицу пробежала дрожь, и всё тело затряслось. На призывы и песню танцовщика она отвечала теми же словами, отбивая такт покачиванием головы. Наконец, движения её стали такими быстрыми, что, не в силах больше сдерживаться, она вскочила со своего места и, в свою очередь, бросила вызов мужчине ещё более экстравагантными конвульсивными движениями и воплями. Абсурдность её танца была неопишима. Все её конечности, казалось, были разъединены; она двигала ими всеми с равной силой и проворством; она рвала свою одежду и прижимала руки к груди с такой яростью, как будто хотела разорвать и её. Эти причудливые движения сопровождалась ещё более противоестественными позами; короче говоря, это была уже не женщина, а фурия. В слепом неистовстве она бросилась бы в огонь, разожжённый посреди комнаты, если бы её муж не поставил перед ней скамью, чтобы помешать ей, а во время танца старался держаться поближе к ней. Когда он увидел, что она совершенно потеряла чувство реальности, что её шатает во все стороны, и не может больше держаться на ногах, не опираясь на своего партнёра по танцу, он взял её на руки и положил на скамью, где она затихла, как неодушевлённый предмет, обессиленная и без чувств. В таком положении она оставалась ещё минут пять. Между тем камчадал, гордый своим превосходством, продолжал петь и плясать. Очнувшись от обморока, женщина услышала его и вдруг, несмотря на слабость, приподнялась, издала какой-то нечленораздельный возглас и хотела было снова начать это утомительное состязание. Муж удержал её, но победитель, видимо, считая себя неутомимым, продолжал насмехаться и подтрунивать над ней, так что нам пришлось успокоить и его. Несмотря на похвалы, расточаемые талантам этих актёров, представление, признаюсь, не доставила мне никакого удовольствия, а, напротив, вызывала изрядное отвращение.

Все обитатели этих мест, как мужчины, так и женщины, курят и жуют табак. Для «улучшения», которое я не могу объяснить, они смешивают табак с

пеплом, чтобы сделать его крепче. Мы дали им нюхательный табак, но они поднесли его не к носу, а сунули в рот. Я осмотрел их трубки: они такой же формы, как у китайцев, сделаны из кости и очень маленькие. Когда они курят, то не выпускают дым изо рта, а вдыхают его с большим удовольствием.

Все тойоны разных острогов, мимо которых мы проезжали по дороге из Озёрного, из уважения к господину Козлову провожали нас до Караги. На второй день после нашего прибытия они распрощались с нами и вернулись в свои вотчины. Прощание их было очень тёплым. После бесконечных извинений за то, что не смогли оказать ему ещё лучшего приёма, они выказывали крайнее сожаление по поводу того, что оставляют его, как будто ему грозят самые неминуемые опасности, и, не зная другого способа засвидетельствовать свою привязанность, предлагали ему все, что у них было. Ко мне они обращались таким же манером и настойчиво просили меня принять от них что-нибудь. Возражать было бесполезно; мои отказы только делали их ещё более настойчивыми, и, чтобы удовлетворить их, я был вынужден принять их подарки.

Позвольте мне здесь вернуть свой долг всем камчадалам за ту любезность, с которой они обращались со мной. Я уже упоминал об их мягком и гостеприимном характере, но не рассказал достаточно о том расположении, которое эти добрые люди оказывали мне, и с удовольствием вспоминаю о том, как по-доброму меня принимали. Не было, я думаю, ни одного вождя какого-нибудь острога, который не сделал бы мне какого-нибудь хотя бы небольшого подарка. Иногда это была соболья или лисья шкура, а иногда плоды или рыба, и другие предметы, которые, как они представляли, были бы мне наиболее приятны. Можно было подумать, что своим вниманием ко мне они решили исправить ту несправедливость, которую так долго совершали по отношению к французским именам. Они часто благодарили меня за то, что я разрешил их заблуждение по этому поводу, иногда сокрушались, что больше не увидят меня, и что мои соотечественники редко посещают их полуостров.

Глава VII

Отправление из Караги – Наши стоянки на открытой местности – Собаки страдают от голода – Солдат послан в Камаки за помощью – Прибытие в Гавенки – Спор между сержантом и двумя крестьянами – Жители отказываются снабдить нас рыбой – Отправление из Гавенки – Наш проводник заблудился – Наши собаки умирают от голода и усталости – Боимся умереть от голода – Вынуждены оставить наши упряжки – Новые неудачи.

Мы выехали из Караги в час ночи 2 марта. Погода стояла довольно тихая, и продолжалась так весь день. Единственное неудобство, которое мы испытывали, состояло в том, что мы не могли пересечь, как мы надеялись, бухту, которую шторм накануне очистил ото льда, и нам пришлось объехать её. Эта бухта весьма глубока, имеет восемь или десять вёрст в ширину и, по-видимому, вытянута в направлении с северо-востока на юго-запад¹. Лёд был сломан только до устья бухты, где он снова становился сплошным и простирался в море. С объездом, который нам пришлось сделать, мы проехали в этот день около пятидесяти вёрст.

С наступлением ночи мы остановились на открытой местности и разбили палатки. В самой большой из них, принадлежавшей господину Козлову, помещались его и мой возки, дверь одного напротив двери другого, так что, опустив окна, мы могли беседовать друг с другом. Остальные сани стояли по две в ряд вокруг наших палаток, а промежутки между ними, покрытые тканью или шкурами, служили нашим проводникам и свите местом, где они могли укрыться и приготовить себе постели. Таково было расположение нашей стоянки.

Как только закипел чайник, мы выпили чаю и приготовились к ужину, который был нашей единственной ежедневной трапезой. Капрал исполнял обязанности метрдотеля и повара. Мясо, приготовленное им, было не очень вкусным, да и было его немного, но быстрота его приготовления и наши аппетиты делали нас терпеливыми. Обычно он подавал нам что-то вроде супа, приготовленного из чёрного хлеба и смешанного с рисом или овсянкой. Готовил он его в течение получаса: брал кусок говядины или мяса северного оленя и нарезал в кипящую воду очень тонкими ломтиками, которые готовились в одно мгновение.

Вечером накануне нашего отъезда из Караги мы забили второго оленя. Я нашёл превосходным его костный мозг: мы ели его как сырым, так и приготовленным. А попробовав варёный олениный язык, я понял, что никогда не ел ничего вкуснее!

¹ Очевидно, это бухта Оссора в устье реки Оссора, лежащая на север от села Карага. – прим. перев.

Мы отправились в путь рано утром, но пройти больше тридцати пяти вёрст не смогли. Ветер переменялся на западный-юго-западный и с невероятной силой бил нам в лицо снегом. Нашим проводникам было чрезвычайно тяжело, а ещё больше — нашим собакам, некоторые из них умирали на дороге от усталости, а другие были неспособны работать в упряжке от недоедания. Мы могли дать им только четверть их обычного пайка, которого едва оставалось ещё на два дня.

В этих чрезвычайных обстоятельствах мы послали в острог Каменное солдата, чтобы он помог нам и послал навстречу отряд из тех сорока человек, посланных из Гижиги по первому известию о восстании коряков.

Мы находились всего в пятнадцати верстах от деревни Гавенки¹, где надеялись найти запас рыбы для наших собак, мы на это так рассчитывали, что отважились дать им двойную порцию, чтобы они побыстрее нас туда доставили. Проведя ночь так же, как и предыдущую, мы продолжили наше путешествие в три часа ночи. Наш путь до Гавенки пролегал по морскому берегу, мы прибыли туда около десяти часов. Название деревни происходит от слова *gavno*, что означает экскременты; и называется она так из-за своего уродства и жалкого состояния². На самом деле здесь только две избы, разрушенные до основания, и шесть балаганов, кое-как построенных из плохого и кривого дерева, которое море иногда выбрасывает на берег, потому что во всей округе нет ни одного деревца, кроме нескольких жалких кустиков, разбросанных тут и там на значительном расстоянии друг от друга. Я не был удивлён, узнав, что не так давно более двадцати жителей добровольно покинули деревню в поисках лучшей жизни. Сейчас население этой деревушки не превышает пяти семей, в том числе тойонской, и двух камчадалов, переехавших с острова Карагинский. Для этого переезда не было никаких веских причин, и я сомневаюсь, что они что-то выиграли от этого.

Не пробыли мы и часа в Гавенках, как возник спор между старшиной нашей отряда и двумя деревенскими жителями, у которых он попросил дров. Они прямо ответили, что ничего ему не дадут. Слово за словом ссора становилась всё более ожесточённой. Камчадалы, не испугавшись угроз сержанта, выхватили ножи³ и бросились на него, но были немедленно обезоружены двумя нашими солдатами. Как только господину Козлову сообщили об этом, он приказал наказать виновных в качестве назидания другим. Их привели к юрте, в которой мы поселились, и господин Козлов сам вышел, чтобы внушить страх

¹ Гавенки (правильно: Говы́нк) — ныне не существующее селенье на оконечности мыса Ильпинского, которое тогда называлось Говенский мыс. (В результате географической путаницы это название сейчас носит полуостров Говена, находящийся восточнее через залив Корфа.) — *прим. перев.*

² Версия автора о происхождении названия от слова «гавно» не выдерживает критики, скорее всего, его просто разыграли! Согласно «Топонимическому словарю Северо-Востока СССР» имя поселения произошло от корякско-алюторского слова «г'ыв'ын» — «камень». — *прим. перев.*

³ Эти ножи длиной около двух футов носят на поясе над бедром.

остальным жителям и ускорить наказание. Я остался с тойоном, который стал жаловаться мне на жестокость, с которой обращались с двумя его соотечественниками. Потом тойон вышел, а меня окружила его семья и залопотала ещё громче. Я остался один и старался успокоить их, как вдруг заметил, что комендант оставил своё оружие. Я поспешно схватил наши сабли, и поспешил за тойоном. Он уже присоединился к г-ну Козлову и подстрекал односельчан, громким голосом требуя, чтобы преступники были отпущены. Он сам был, по его словам, их единственным судьёй, и только ему принадлежало право наказывать их. На эти мятежные крики господин Козлов ответил только строгим взглядом, который привёл в замешательство дерзость жителей и их предводителя. Тойон ещё продолжал что-то бормотать, но его уже не слушали, а схватили и заставили помочь в наказании, которое он так хотел предотвратить. Одним из провинившихся был молодой человек лет восемнадцати, другому было лет двадцать восемь-тридцать. Их раздели и распростёрли на земле; двое солдат держали их за руки и за ноги, а четверо других щедро награждали ударами плетью по плечам. Так их хлестали по очереди прутами из высушенной ели, пока их тела не покрылись кровью. Мольбами женщин, которых слабость пола повсюду делает сострадательными, предполагаемое наказание было смягчено, и им отдали молодого человека. Они тотчас же прочли ему обстоятельную лекцию о безрассудстве его поведения, которую с таким же успехом могли бы и не делать, так как он едва ли был в состоянии внимательно слушать и уж тем более думать о повторении своего проступка.

Суровость, которую продемонстрировал г-н Козлов, была тем более необходима, что мы начали замечать в этой деревне некоторые признаки заразительного непокорного нрава коряков. В отличие от камчадалов, с которыми мы только что расстались, манеры жителей Гавенки заставляли нас сомневаться, действительно ли это были те же самые люди. У нас было столько же причин жаловаться на угрюмость и коварство последних, сколько хвалить усердие и доброту первых. Мы употребили всю нашу настойчивость, но так и не могли достать провизии для наших собак. Они неприветливо отвечали нам, что у них ничего нет, но их уклончивые ответы выдавали их, и мы вскоре убедились в их лживости. С помощью наших собак, чей нюх и голод были безошибочными ищейками, они быстро обнаружили подземные хранилища, где жители при нашем приближении спрятали свои припасы, а все следы были тщательно замаскированы землёй и снегом. При виде этих погребов и рыбы, извлечённой из них, крестьяне начали придумывать самые нелепые оправдания, которые только усиливали наше негодование. Тем не менее, руководствуясь чисто человеческими чувствами, мы довольствовались только

малой частью их припасов. Судя по составу продуктов, эти берега давали им лосося, сельдь, треску, моржей и других морских животных.

В окрестностях деревни нет ни родника, ни реки, а только озеро, которое снабжает жителей водой. Зимой они добывают на нём лёд, приносят домой и кладут в корыто, подвешенное в юрте на высоте пяти-шести футов. Талую воду используют для питья.

Рядом с этой деревней находится гора или своего рода камчадалское укрепление, которое раньше служило им убежищем, когда они бунтовали.

Мы простояли в Гавенках всего двенадцать-тринадцать часов и ночью отправились в Пусторецк¹, до которого было более двухсот вёрст. Мы ехали до него пять дней, и ещё ни одно путешествие не было таким мучительным. В первый день у нас не было причин жаловаться на погоду, но на следующий день наше продвижение чрезвычайно затрудняли снег и сильный ветер. Наши проводники не могли почти различить ничего в четырёх шагах от себя и даже не видели саней, следовавших за ними.

Ко всем нашим несчастьям, наш проводник из Гавенки был стар, близорук и часто терял дорогу. Нам приходилось останавливаться и ждать, пока он найдёт дорогу; но как можно обнаружить её на такой обширной равнине, покрытой снегом, где не видно ни деревца, ни холма, ни ручья, да ещё при плохой погоде?! Несмотря на отличное знание этих мест, проводник постоянно ошибался. Малейшего холмика или кустика иногда бывало достаточно, чтобы поправить его; но, как мы подсчитали, отклонения, которые у нас получались, составляли каждый день до двадцати вёрст.

К концу второго дня пути рацион наших собак снизился до одной рыбы на всех. Силы их так иссякли, так что вскоре они не могли двигаться дальше. Одни падали под ударами проводников, другие отказывались работать, а иные умирали от измождения прямо на месте. Из тридцати семи собак, запряжённых в мой возок при отъезде из Большерецка, осталось только двадцать три, и те были доведены до крайнего истощения. Г-н Козлов подобным же образом потерял значительную часть своей упряжки.

В конце концов мы стали реально опасаться умереть от голода в этой пустыне. Не имея ни куска рыбы для наших собак, мы были вынуждены кормить их из нашей собственной провизии; но весьма умеренно, так как приходилось соблюдать самую строгую экономию.

Положение наше было настолько отчаянным, что мы оставили наши упряжки посреди дороги под охраной нескольких проводников, и, отобрав лучших из собак на замену тех, что мы потеряли, поехали дальше.

¹ Пусторецк — бывшее поселение Карагинского района на берегу Пенжинской губы, т.е. на западном берегу полуострова. Названо по расположению у реки Пустая. — *прим. перев.*

На этом страдания наши не прекращались. Не хватало воды. Единственный ручеёк, который повстречался на нашем пути, был замёрзшим до дна, и нам пришлось утолять жажду снегом. Также ощущалась нехватка древесины. За всё время нашего путешествия мы не встретили ни одного деревца, и часто отклонялись от пути на версту и более всего лишь из-за какого-нибудь жалкого кустарника не более фута высотой. Мы подбирали всё, что видели, боясь, что потом не найдём и этого; но всё, что годилось на дрова было так невелико и малочисленно, что не хватало даже на приготовление пищи. О том, чтобы согреться, не могло быть и речи. Холодно было чрезвычайно, а из-за медленной езды мы почти не согревались. Чуть ли не ежеминутно нам приходилось останавливаться, чтобы выпрячь собак, которые умирали одна за другой.

Трудно описать, что чувствуешь в ситуации, когда разум страдает ещё больше, чем тело. Я терпеливо делил со своими товарищами все неудобства, которые мы испытывали; их пример и моя молодость придавали мне мужества выдержать их. Но когда я думал о донесениях, которые я вёз, решительность порой покидала меня. Они всегда были у меня под рукой, я трепетно берёг их. Но тревога за исполнение моего долга, множество препятствий, которые ещё предстояло преодолеть, неуверенность в успехе — всё это мучило меня. Я прогонял беспокойные мысли прочь, но через мгновение ещё какое-нибудь препятствие заставляло вспомнить о них с новой силой.

Мы оставили Гавенки на восточном берегу полуострова, а западный предстал нашему взору в двух верстах от Пусторецка. Таким образом, мы пересекли Камчатку в той части, где её ширина составляет не менее двухсот вёрст, или пятидесяти лье. Причём мы проделали этот путь скорее пешком, чем на санях. Наши собаки так ослабли, что нам приходилось брать часть их работы на себя, но они не всегда платили взаимностью. Иной раз проводники не могли заставить их идти дальше, кроме как впрягшись вместе с ними в сани и помогая им тащить нас; мы также обманывали их платком, сложенным в виде рыбы. Они следовали за этой приманкой, которая исчезла у них из под носа, когда они были готовы схватить ее.

Только с помощью таких ухищрений нам удалось перейти через горы и достигнуть Пусторецка. Местные женщины приняли нас так по-домашнему заботливо, что я сразу почувствовал себя в полной безопасности. Они вышли нам навстречу, демонстрируя самые сумбурные проявления радости. Из некоторых их слов мы поняли, что их мужья ушли в острог Подкагерное¹ охотиться за китами. Они проводили нас до своих жилищ, распевая песни и прыгая вокруг нас, как помешанные. Одна из них сняла свою парку из шкуры

¹ Подкагерное — бывшее корякское поселение Карагинского района на северо-западном берегу Пенжинского залива. Возникло до XVIII века. Названо по расположению у реки Подкагерной. — *прим. перев.*

молодого оленя, и надела её на господина Козлова. Остальные громким смехом выражали свою радость от нашего прибытия, которое, по их словам, было совсем неожиданным. Вряд ли это было именно так, но в надежде на хорошее угощение мы притворились, будто поверили им.

Глава VIII

Прибытие в Пусторецк – Бесплодные попытки найти провизию – Безумие наших собак – Солдат, посланный в Каменное, задержан непогодой – Сержант Кабешев отправляется в Каменное – Описание Пусторецка и его окрестностей – Еда местных жителей – Их способ ловли оленей – Занятия женщин – Способ окраски шкур – Одежда – К нам присоединяется Шмалев – Огорчительные вести от сержанта Кабешова – Козлов получает известие о своем повышении – Я решаю оставить его – Коряки успокоились – Г-н Козлов даёт мне свою почту и выписывает подорожную – Я сожалею, что мы расстаёмся.

Мы прибыли в Пусторецк 9 марта, в три часа пополудни. Первым делом мы проверили все рыбные хранилища. Велико же было наше огорчение, когда мы обнаружили, что они пусты! Мы сразу заподозрили, что жители поступили так же, как жители Гавенки, потому допросили женщин и обыскали все возможные места, убеждённые, что они спрятали провизию. Чем больше они отрицали это, тем дальше мы продолжали наши поиски. Однако они оказались бесполезными, мы ничего не смогли найти.

В этот время наши собаки были распряжены, чтобы, как обычно, быть посаженными на привязь. Но не успели мы привязать их, как в один миг они перегрызли верёвки и разбежались. Напрасно мы старались удержать их; большинство принялось носиться по деревне, пожирая всё, что попадалось на их пути. Некоторые из них умерли и сразу же стали добычей остальных. Они с жадностью набрасывались на мёртвые тела и разрывали их на части. На каждого, кому удалось схватить кусок, нападала целая свора его соперников, и он нередко становился, в свою очередь, следующей жертвой кровавого побоища¹. За ужасной картиной того, как они пожирают друг друга, последовало печальное зрелище осады нашей юрты. Несчастные худые животные едва держались на ногах. Своим непрерывным жалобным визгом они, казалось, упрекали нас в неспособности им помочь. Пытаясь спастись от холода и голода, они толпились у дымового отверстия в крыше юрты. Чувствуя тепло и запах пищи, задние толкали передних, они подступали всё ближе и ближе, пока, наконец, не упали в огонь прямо на наших глазах.

¹ Чтобы защититься от этих голодных собак, мы никогда не осмеливались выходить из дома без палок или какого-нибудь оружия.

Вскоре после нашего прибытия вернулся проводник, который сопровождал солдата, посланного шесть дней назад в Каменное за помощью. Он сообщил, что наш посланец находится в тяжёлом положении, им удалось найти жалкую заброшенную юрту в двенадцати верстах к северу от Пусторецка, где солдат укрывается сейчас от метелей, в которые он сбивался с пути не менее десяти раз. Провизия, которую мы дали ему и его собакам, закончилась, и он теперь нетерпеливо ждёт, когда кто-нибудь выручит его из этого затруднения, без чего он не может покинуть своё убежище ни для того, чтобы исполнить свое поручение, ни для того, чтобы вернуться к нам.

Господин Козлов, отнюдь не сломленный этим новым разочарованием, воодушевил нас сообщением о том, что он, узнав, что близ Подкагерной на берег выбросило кита, отправил туда гонца. Ему было поручено организовать экспедицию, которая привезёт столько мяса и жира кита, сколько сможет. Сколько удастся привезти, было заранее, однако, неизвестно, и потому господин Козлов предложил нам пожертвовать тем небольшим количеством провизии, которое каждый из нас приберёт для своих собственных собак, для сержанта Кабешова, который отправится в Каменное. В том бедственном положении, в котором мы находились, самого слабого луча надежды было достаточно, чтобы заставить нас рискнуть всем. Поэтому мы восприняли предложение с энтузиазмом, доверившись усердию и способностям нашего сержанта.

Он отбыл в 10 часов, снабжённый подробными инструкциями и всей нашей провизией. По пути он должен был захватить нашего бедного солдата и оттуда приступить к выполнению поручения, в котором тот потерпел неудачу. Приняв все эти меры, мы призывали друг друга к терпению и постарались отвлечься от беспокойства ожидания, когда провидению будет угодно выручить нас. И я воспользуюсь этим временем, чтобы дать отчёт о наблюдениях, сделанных мною в Пусторецке.

Эта деревня расположена на склоне горы, омываемой морем; ибо трудно назвать рекой¹ то, что есть не что иное, как очень узкий залив, который простирается от моря до самого подножия этой горы. Вода в нём солёная и не пригодна для питья; поэтому нам приходилось прибегать к талому снегу, который был единственной пресной водой, которую мы могли добыть. Две юрты, в которых живёт человек пятнадцать, составляют всю деревню. Также есть несколько летних балаганов, расположенных дальше от берега.

Всё лето жители проводят на рыбалке и готовят запасы на зиму. Если судить по еде, которую мы видели, то эта часть страны не слишком изобилует рыбой. Во время нашего пребывания пища их состояла из китового мяса и жира, и древесной коры, как в натуральном виде, так и пропитанной китовым или

¹ Река называется Пустая. Залив этот был полностью замёрзший.

тюленьим жиром. Они рассказывают, что часто ловят небольшую треску в открытом море. Я не знаю, есть ли у них какой-нибудь тайник для улова, но мы так тщательно обыскали их и к тому же видели, как убого они живут, что убедились, что они действительно так бедны.

Их способ ловли оленей, которых в этих местах очень много, прост и надёжен. Они окружают определённый участок земли изгородью, оставляя тут и там промежутки, в которых расставляют сети или ловушки. Затем они разбредаются по тундре и начинают загонять туда оленей. Животные бегут через эти просветы в изгороди и ловятся за шею или за рога. Значительное число их всегда убегает, разрывая сети или перепрыгивая через изгородь; но тем не менее двадцать-тридцать человек могут поймать таким образом до шестидесяти оленей за раз.

Кроме обычных домашних дел, женщины заняты также выделкой, окраской и шитьём шкур различных животных, в основном оленьих. Сперва они скребут их острым камнем, закреплённым в деревяшке. Сняв весь жир, они дополнительно скоблят шкуры, чтобы сделать их тоньше и мягче. Единственный цвет, в который они их окрашивают, – это темно-красный. Краситель этот добывается из коры дерева, называемого ольхой. Кору кипятят, а затем трут ею кожу, пока она не впитает краситель. Ножи, которыми они режут кожу, изогнуты и характерны для этих мест.

Тонко расщеплённые сухожилия оленей служат женщинам в качестве ниток. Они прекрасно шьют. Иглы обыкновенные, их привозят из Охотска, а напёрстки похожи на те, которыми пользуются наши портные; надевают их всегда на указательный палец.

Я уже писал об их пристрастии к курению, но хочу вернуться к этой теме, чтобы рассказать о фатальных последствиях этой пагубной привычки. Их трубки¹ вмещают не больше щепотки табака, поэтому они постоянно добавляют в неё табак до тех пор, пока не накурятся, и это происходит следующим образом. Вдохнув дым, они задерживают его в лёгких и не выдыхают, и таким образом вскоре настолько отравляются дымом, что могут упасть куда угодно, даже в огонь, случись ему оказаться рядом. Опыт, к счастью, научил их следить за изменением своего состояния, и они с осторожностью садятся или держатся за первый попавшийся предмет. Такой приступ длится у них, по крайней мере, четверть часа, в течение которого вид их настолько ужасен, что с трудом поддаётся описанию. Тело покрывается холодным потом, с губ стекает слюна, дыхание прерывистое и сопровождается приступами кашля. И только доводя себя до такого состояния, они считают, что получают истинное удовольствие от курения!

¹ Трубки эти сделаны из дерева. Курильщики, из экономии, выскабливают остатки после употребления и добавляют их в следующую порцию табака.

Так же, как и мужчины, женщины не носят рубашек¹; их повседневная одежда выглядит почти так же, но она короче и сделана из оленьей кожи. Когда они выходят на улицу, то надевают поверх неё что-нибудь тёплое. Зимой женщины носят вместо нижних юбок меховые штаны.

12-го числа к нам присоединился господин Шмалев. Его возвращение доставило нам большее облегчение, так как мы очень беспокоились за него. Он отсутствовал шесть недель, а с того времени, когда он должен был встретиться с нами, прошёл почти месяц. Провизии у него тоже осталось мало, но его собаки были не в таком плохом состоянии, как наши, и мы воспользовались этим, чтобы подобрать наши упряжки, которые мы оставили на дороге и о которых до сих пор не имели никаких известий.

Юго-западный ветер, который так сильно мешал нам в нашем путешествии, продолжал дуть с той же силой ещё в течение нескольких дней; затем он переменялся на северо-восточный, но погода от этого стала только ужаснее.

Природа, казалось, сговорилась против нас, посылая нам трудности и несчастья. Только оказавшийся в подобной ситуации может рассказать, как это жестоко — быть в плену проблем, которые постоянно растут и множатся. Мы можем постараться отвлечься от своих мыслей и вооружиться терпением; но силы наши в конце концов ослабеют, и разум потеряет свою власть над нами. Ничто не делает бедствия столь невыносимыми, чем неспособность предвидеть, когда они закончатся.

Письмо, привезённое нам из Каменного, стало для нас настоящим ударом. Кабешов сообщал нам, что мы не можем рассчитывать на помощь с этой стороны. Отряд из Гижиги не может прибыть к нам. За два месяца в Каменном они съели не только всю свою провизию, но и припасы, предназначенные для нас. Их собаки, как и наши, пожирали друг друга, и сорок человек были доведены до крайности. Сержант также прибавил, что он немедленно послал в Гижигу, как нашу единственную надежду, и что он ожидает ответа через несколько дней, но боится, что он будет не очень удовлетворительным, так как там, должно быть, тоже не осталось ни собак, ни провизии из того значительного запаса, который он туда доставил.

Сие печальное известие лишило нас всякой надежды, и мы уже считали себя погибшими. Отчаяние наше было так сильно, что г-н Козлов даже не обратил поначалу внимания на известие о своем повышении, которое доставил тот же гонец. В письме из Иркутска сообщалось, что императрица из благодарности за его заслуги перевела его из Охотска в Якутск. В любой другой ситуации эта новость доставила бы ему величайшее удовольствие. Перед ним открывалось обширное поле для проявления его жажды деятельности и широкие возможности для проявления его талантов в искусстве управления. Но сейчас

¹ Описывая одежду камчадалов, я уже упомянул, что они носят под верхней одеждой короткую нанковую сорочку.

мысли его были заняты вовсе не тем, чтобы подсчитывать выгоды своего нового назначения — он был всецело поглощён ситуацией, в которой мы все оказались.

Я могу приписать только небесному вдохновению внезапно возникшую у меня в такой критический момент мысль о том, чтобы покинуть господина Козлова. Я осознал, что моё присутствие причиняет неудобство ему и губительно для меня. Я попытался выбросить эту мысль из головы, но тщетно. Она упорно не покидала меня. Я думал о своей стране, о семье и своем долге. Я не мог больше удерживать это в себе и открылся командору. Поначалу он посчитал это глупой фантазией и воспротивился. Но моё желание выполнить задуманное подсказывало мне убедительные ответы на все его возражения. Я доказал ему, что, продолжая жить вместе, мы лишим друг друга возможности продолжить наше путешествие. Мы не могли отправиться далее без основательного пополнения нашей собачьей стаи. У нас оставалось их едва ли больше двадцати семи — тех, которые вообще были пригодны, остальные умерли или были совсем бесполезны¹. Отказавшись от этих двадцати семи собак, один из нас мог бы продолжить путь, а его отъезд избавил бы другого от необходимости содержать этих голодных животных. Но, сказал г-н Козлов, мы всё равно должны как-то кормить их, а откуда мы возьмём провизию?

Я не знал, что ответить, но в это время нам сообщили, что прибыл наш гонец из Подкагерной. Более удачливый, чем остальные, он привёз нам много мяса и жира кита. Радость моя при виде провизии была чрезвычайна, все трудности были теперь устранены, и я уже уверился, что уеду из Пусторецка. Я тотчас же вернулся к нашему разговору, и г-н Козлов, которому уже нечего было возразить, и который в действительности был рад моей решимости, согласился на мои просьбы. Было решено, что я отправлюсь не позднее 18-го числа. С этого момента все были заняты необходимыми приготовлениями для того, чтобы моё путешествие совершилось успешно.

Всё крепило во мне надежду на успех. С печальными новостями, которые мы получили из Каменного, были некоторые утешительные обстоятельства. Так, нас заверили, что никаких препятствий со стороны коряков не предвидится. Между ними установилось полное спокойствие, и, чтобы убедить нас в этом, они попросили, чтобы кто-нибудь из их соплеменников сопровождал солдата, которому было поручено доставить депешу господину Козлову. Даже сын вождя мятежников по имени Эйтель стал одним из этих сопровождающих. Коряки, сказал он нам, уже давно с нетерпением ожидают приезда коменданта, и его отец хотел выразить свое уважение господину Козлову, выйдя ему навстречу.

¹ Читатель вспомнит, что при выходе из Большерецка у нас было почти триста собак.

Польщенные мыслью, что нам нечего больше бояться, по крайней мере с этой стороны, мы постарались выразить этим корякам свое удовлетворение за их добрую волю к нам: сделали им подарки, какие только позволило наше положение — табак, разные вещицы, купленные мною во время морского путешествия, и кое-что из того, что оставил мне граф де Лаперуз. Дали им кое-что и для их родных. Но наша главная забота состояла в том, чтобы напоить их так, чтобы они дали самый благоприятный отзыв о том, как их принимали. Приходилось принимать во внимание, что они считали самой сутью вежливости и гостеприимства дать им вдрызг напиться.

Я попросил коряков взять на себя заботу о двух моих дорожных сумках. Поначалу они выражали некоторое нежелание из-за большого расстояния до Гижиги, однако после долгих упрасиваний и не без помощи моего кошелька сумки, наконец, были уложены в их сани. Облегчив себя таким образом, я мог теперь не думать ни о чем, кроме своих депеш. Я не волновался за имущество, доверенное корякам, так как солдат, посланный из Гижиги, должен был возвращаться вместе с ними и обещал проследить за тем, чтобы моё поручение было исполнено добросовестно.

До самого последнего момента моего пребывания здесь господин Козлов усердно занимался написанием писем¹, которые я должен был отвезти. Вместе с ними он снабдил меня «подорожной», которая должна была служить мне своего рода паспортом до самого Иркутска. Эта подорожная была также предписанием всем российским чиновникам и другим подданным императрицы, которых я мог встретить на своем пути, помогать мне в моем путешествии. Предусмотрительность коменданта не упустила ничего из того, что было мне необходимо. Он заботился обо мне, как о родном брате.

Здесь мне надо остановиться, ибо не могу подавить волнение, которое испытываю при мысли, что вот-вот покину этого достойного человека, навсегда ставшего мне дорогим в большей мере благодаря добродетелям его сердца, чем рассудку. Великодушная жертва, которую он принёс, в данный момент тяготит меня, и я не могу не упрекнуть себя за это. Как же я могу оставить его в этой страшной глуши, не будучи уверенным, что он когда-нибудь сможет выбраться отсюда?! Картина его печального положения стоит у меня перед глазами, волнует мой ум. Я повторяю про себя: у меня нет другого способа исполнить возложенное на меня поручение графа де Лаперуза! Если бы не этот мотив, если бы не мой долг, я никогда не смог бы оправдать перед собственной совестью моё стремление покинуть его. Пусть моя благодарность за его доброту ко мне, за его усердие в служении своей императрице, будет

¹ Это было действительно очень утомительно, если учесть, что в этих юртах можно было писать, только лёжа на земле, задыхаясь от дыма, а чернила замерзали прямо на кончике пера.

хоть в какой-нибудь мере способствовать его счастью и успехам; моё счастье будет полным, если я когда-нибудь снова увижу его и заключу в свои объятия!

Глава IX

Отъезд из Пусторецка – Нахожу спрятанную провизию – Нелёгкое путешествие – Неосторожность, опасная для моего здоровья – Лечение упражнениями – Встреча с караванами, отправленными г-ном Козловым – Река Пенжина – Прибытие в Каменное – Ложное обвинение коряков в мятеже – Описание Каменного – Байдары – Господин Шмалев вынужден покинуть меня – Мне дают солдата Егора Голикова – Буря – Прибытие семи чукчей – Беседа с их вождём – О двух женщинах, встреченных мною – Прибытие к чукчам – Описание стойбища – Женская одежда – Описание чукчей – Торговля у чукчей.

Наконец наступило восемнадцатое, и я простился с господином Козловым. Пропущу наше прощание; оно было, конечно, и тёплое и печальное. Я выехал из Пусторецка в восемь часов утра в открытых санях, запряжённых семью собаками, которыми сам и управлял; у солдата, назначенного сопровождать меня, было запряжено восемь собак, а впереди нас ехал проводник, из жителей этой деревни¹, чьи сани, нагруженные остальными моими вещами и провизией, тянули двенадцать псов. Меня сопровождал также г-н Шмалев со своей свитой; но вместо того, чтобы ехать вместе, как было условлено, до Гижиги, мы расстались через несколько дней.

Выехав из Пусторецка, мы спустились к заливу. Поначалу продвигаться было довольно легко; лёд был твёрдым и ровным, и через несколько часов мы достигли устья залива; там наше продвижение сопровождалось большими трудностями. Вынужденные ехать по льду вдоль берега моря, мы ежеминутно натывались на горы льда, похожие на айсберги. Обойти их было невозможно, поворачивая и петляя; прерывистая цепь этих маленьких гор тянулась вдоль всего побережья и преграждала нам путь; у нас не было иного выхода, кроме как преодолевать их, опрокидываясь чуть на каждом шагу. Не раз в этих падениях я едва не получал опасное ранение. Мой мушкет, прикрепленный к саням, согнулся в дугу; все мои спутники получили ушибы, некоторые довольно сильные.

В сумерках мы прибыли в деревушку на берегу моря, состоящую из двух юрт и трех балаганов, все в очень жалком состоянии и совершенно заброшенные. Единственный человек, который жил в одной из юрт, в которую мы

¹ Во время моего пребывания в Пусторецке комендант уволил наших камчадалских проводников. Некоторые из них жили в окрестностях Большерецка и находились на расстоянии четырёхсот лье от своего дома. Эти несчастные, поскольку почти все их собаки умерли от усталости и голода, были вынуждены возвращаться пешком.

направились, сбежал перед нашим приездом¹. Мне сообщили, что он был шаманом; при известии, что мы прибудем на следующий день, он охваченный ужасом, немедленно убежал к алюторцам², где, вероятно, будет ждать, пока не проедет господин Козлов.

Казак, сообщивший мне об этом, был послан господином Шмалевым вперёд вечером накануне нашего отъезда из Пусторецка с приказом остановиться в этой деревушке и постараться найти какой-нибудь тайный запас рыбы до нашего приезда. Эта предосторожность оказалась очень полезна. Казак, когда мы пришли, проводил нас в погреб, который, как мы обнаружили, был полон рыбы. Я взял приличную порцию, т.к. того, что я вёз с собой из Пусторецка, осталось только на два дня.

19-го числа рано утром мы продолжили наше путешествие. Этот день был ещё более утомительным, чем предыдущий. Путь был ужасен. Раз двадцать мои сани, казалось, вот-вот разобьются вдребезги, что наверняка бы и случилось, если бы я не решил, в конце концов, идти пешком. Так, по крайней мере, я избегал увечий при опрокидывании саней. Пришлось идти почти весь день; но, как оказалось, этим я лишь поменял одно несчастье на другое.

Через несколько часов ходьбы я так устал, что хотел было снова сесть в сани, но на первой же кочке они перевернулись, что совершенно охладило моё желание. Не оставалось ничего другого, кроме как тащиться пешком дальше. Ноги подгибались от усталости, я весь взмок, сильно хотелось пить. Снег был слабым облегчением, а больше мне нечем было утолить жажду. Тут, на свою беду, я заметил ручей и, не задумываясь о последствиях своей неосторожности, выломал кусок льда и сунул его в рот. Сделал я это на задумываясь, чисто механическими, о чём вскоре раскаялся. Жажда была утолена; но от чрезмерного жара, на который я только что жаловался, я перешёл к противоположной крайности: всего меня охватил сильный озноб.

С наступлением ночи меня стало сильно лихорадить, я так ослаб, что с трудом передвигал ноги. Я упросил своих спутников остановиться прямо посреди пустынной равнины. Они подчинились мне из чистой вежливости, так как добыть дрова в такой местности было настолько безнадежно, что они предпочли бы продолжить путь. Того, что у нас было едва хватило, чтобы сложить костёр — это было несколько кустиков, таких зелёных, что их почти невозможно было заставить гореть. Как счастливы мы были, когда нам удалось всё же вскипятить на них чайник!

¹ Все кочевые коряки тоже избегали нас, чтобы не быть вынужденными помогать нам.

² Эти люди живут южнее чукчей, на восточном побережье залива. [Алюторцы — ныне практически исчезнувшая как отдельный народ субэтническая группа коряков. Имели свой язык — алюторский, впоследствии перешли на русский. — прим. перев.]

Выпив несколько чашек, я заполз в свою палатку¹, улёгся на подстилку, расстеленную на снегу, и укрылся всем, чем только мог, чтобы хорошо пропотеть. Но все было напрасно, и я не сомкнул глаз всю ночь. К мучениям сухого жара прибавилось гнетущее и беспокойное состояние, свойственное первым симптомам болезни. Признаюсь, я решил, что безнадёжно болен, когда, проснувшись, обнаружил, что не могу произнести ни слова. Сильно болело в груди и в горле; лихорадка не спадала; однако мысль о том, что оставаться в этом месте ещё на какое-то время не принесёт мне никакой пользы и что я могу надеяться на помощь только продолжением пути, заставила меня скрыть от господина Шмалева остроту моей болезни. Я был первым, кто предложил идти дальше, но в этом я больше полагался на свою выносливость, чем на физическую силу.

Я прошёл лишь несколько вёрст, когда моё состояние стало невыносимым. Я был вынужден сам управлять упряжкой и, следовательно, постоянно находиться в движении; из-за плохой дороги мне часто приходилось либо бежать рядом с санями, либо идти впереди и звать собак за собой. Каждый звук давался мне с мучительной болью, которая истощала силы и мучила мои лёгкие. Однако эти усилия, какими бы болезненными они ни были, оказались для меня полезными: я всё-таки вспотел и к вечеру мог дышать более или менее свободно, лихорадка прошла; я уже не жаловался ни на что, кроме сильного насморка, который прошёл через несколько дней. Эти изнурительные упражнения были единственным лечением, которое я использовал. Особенно я старался как можно сильно потеть, и убеждён, что именно этому я обязан быстротой своего излечения. Однако грудь у меня продолжала болеть ещё долго.

Всё это время нам не приходилось страдать от непогоды; воздух был тих, а небо безоблачно. Природа одарила нас самыми прекрасными зимними днями, иначе я, возможно, никогда бы не увидел своей родины. Небеса, казалось, благоволили нашему путешествию, чтобы я смог поскорее забыть о своей болезни.

Но самая живая радость сменялась иногда напоминанием о печальном, когда мы встречали по пути собачьи упряжки, посланные сержантом Кабешовым к господину Козлову. Эта караваны с провизией доставляли мне тем большее удовольствие, что я ни на минуту не забывал о том плачевном состоянии, в котором покинул коменданта. Это была прекрасная перемена в его положении! Он получит запас провизии вместе со ста пятьюдесятью собаками, хорошо накормленными и хорошо обученными! «Он сможет, — говорил я себе, — немедленно отправиться в путь», и если я не могу надеяться, что увижу его

¹ Эта палатка была сделана из льняной ткани, я купил ее у господина Воронкова перед отъездом из Пусторецка.

снова, то, по крайней мере, знаю, что он разрешит свои проблемы. Это, конечно, облегчало то беспокойство, которое я испытывал о нём.

Солдат, который управлял одной из встречных упряжек, предложил мне часть провизии, но я отказался. У него было её не так уж много, да и мы не нуждались. Поэтому я не стал его задерживать.

Перед тем как уехать, он сказал мне, что вождь каменных коряков Эйтель, которого обвиняли в мятеже, отправился в путь, чтобы убедить коменданта в ложности этих обвинений.

Продолжая свой путь, мы увидели за небольшой речкой, окаймлённой кустарником, цепь крутых гор, на которые мы поднялись, чтобы спуститься к другой реке, называемой Таловка. По мере приближения к морю она расширялась, её берега были покрыты густым лесом, я заметил в нём несколько довольно больших деревьев. Мы пересекли эту реку на значительном расстоянии от Каменного, чтобы пересечь обширную равнину и большое озеро; наконец мы пересекли реку Пенжина, почти в самом ее устье в направлении от юго-востока на северо-запад. Ширина реки здесь поразительна, а вид покрывавших его нагромождений льда, имевших чрезвычайную высоту, был бы ещё более живописен, если бы мы могли любоваться ими со стороны; но у нас не было выбора, и нам пришлось идти прямо через них, перетаскивая собак и сани через каждый торос. Трудность и медлительность такого способа передвижения легко понять; он требовал от меня предельного напряжения и осторожности, чтобы остаться невредимым.

До Каменного, куда мы прибыли 24-го числа перед полуднем, оставалось ещё около двух часов езды, когда нас с величайшей вежливостью встретили жители деревни. В отсутствие Эйтеля командование перешло к другому вождю по имени Эйла. Это он вышел нам навстречу вместе с русским отрядом. В деревне нас провели в юрту Эйтеля, которая была давно убрана и подготовлена к приёму господина Козлова.

Эйла выказывал нам всяческое уважение; у нашей двери постоянно стоял страж, которому было приказано пропускать к нам только тех, которым у нас не было причин не доверять. Это не было связано с сообщениями о восстании коряков — у нас не было сомнений, что оно было ложным¹. Их отношение к нам и то, как они приготовились к приёму коменданта, ясно показывали, каково было их умонастроение. Неверно также и то, что это было следствием прибытия сюда солдат, посланных из Гижиги². Их отряд был в таком состоянии, что трудно было рассчитывать на то, чтобы он внушил

¹ Этот рапорт возник из-за ложного донесения инженера Богенова. Он утверждал, что коряки силой оружия воспротивились его плаванию по реке Пенжине. Когда я рассказал им об этом, они возразили, что не только не возражали против поездки этого инженера, но и относились к нему во время его пребывания здесь с большой добротой и дружелюбием.

² Первоначально этот отряд состоял из сорока человек, но по требованию Кабешова к нему прибавилось десять казаков, прибывших в Каменное с припасами, о которых мы уже упоминали.

благоговейный трепет людям вроде коряков, которые, как я понимаю, слишком мало ценят свои жизни, чтобы их можно было запугать; и которых ничто не может сдержать, если у них есть хоть малейшее основание для недовольства.

Однако вид пушки и вооружённых казаков, вошедших в деревню, не объявляя о каких-либо враждебных намерениях, поначалу вызвал у них некоторую тревогу. Тотчас же подойдя к унтер-офицеру, командовавшему отрядом, они потребовали от него ответа, пришёл ли он отнять у них свободу и истребить их, и добавили, что если таков замысел русских, то коряки скорее умрут все до одного, чем покорятся. Офицер успокоил их, заверив, что появление отряда в деревне не должно их тревожить; что они были посланы встретить господина Козлова, что в силу его звания предписывалось военными уставами России. Этого объяснения было достаточно, чтобы рассеять их подозрения, и коряки и русские жили вместе при полном взаимопонимании. Доверие коряков было так велико, что они не приняли никаких мер предосторожности на случай внезапного нападения на них и не обратили бы никакого внимания на постоянное пребывание солдат среди них, если бы не голод, который сделал таких гостей весьма обременительными.

Я намеревался задержаться в Каменном не дольше, чем это было необходимо для отдыха собак, но в ночь на 24-е небо затянуло тучами, а сильные порывы ветра возвестили о надвигающейся буре; опасение встретить её в открытом поле заставил меня отложить отъезд.

Этот острог находится в трехстах верстах от Пусторецка и расположен на возвышенности морского берега, близ устья реки Пенжины. В нем двенадцать юрт и много балаганов, все они очень большие и построены так же, как и те, что я уже описал. Хотя жилища эти расположены довольно близко друг к другу, деревня занимает значительное пространство. Её окружает частокол, который выше и толще, тех, что окружает камчадалские остроги. Оборона также усилена копьями, луками и стрелами, и даже мушкетами. Внутри этих своих убогих укреплений коряки считают себя неприступными. Здесь они отбивают атаки своих врагов, в том числе и чукчей, которые являются самыми грозными из их соседей как по численности, так и по храбрости¹.

Население Каменного едва ли превышает триста человек, включая мужчин, женщин и детей. Я ничего пока не скажу о нравах местных жителей до моего прибытия в Гижигу, которое, надеюсь, произойдёт через несколько дней.

До отъезда я осмотрел дюжину байдар разных размеров, похожих на те, о которой я упоминал при описании Хайлюли, за исключением того, что они

¹ Мне сказали, что эти люди, узнав, что я направляюсь в Гижигу, захотели встретиться со мной, просто из любопытства.

были легче по весу, объёмнее и лучше построены. Многие из них могли вместить от двадцати пяти до тридцати человек.

С самого нашего приезда господин Шмалев предвидел, что не сможет сопровождать меня в дальнейшей поездке. Осаждаемый с утра до вечера целым отрядом солдат, приходивших сообщить ему о своих неотложных нуждах, он считал своим долгом не оставлять их, а употребить все средства, которые давала ему его должность и знание вверенного ему края, чтобы обеспечить им помощь. Ему не терпелось поскорее добраться до Гижиги, где его давно ждал брат, но он все же решил отпустить меня одного.

Он с сожалением сообщил мне об этом обстоятельстве и в то же время дал мне надёжного солдата по имени Егор Голиков¹. Он сказал, что этот человек — ценный подарок, и в дальнейшем я убедился, что он говорил чистую правду.

Мне жалко было так скоро расставаться с этим добрым и доблестным офицером. Я бы с радостью и благодарностью повторил здесь то, что англичане писали о его душевности и вежливости; но оставляю графу де Лаперузу удовольствие вернуть тот долг, который каждый участник экспедиции обязан господину Шмалеву за все услуги, которые он нам оказал.

Я выехал из Каменного в восемь часов утра 26-го марта, при довольно спокойной погоде. Через пятнадцать вёрст мы пересекли горную гряду, которую прежде проходили с этой стороны деревни и затем переправились через реку Шестакова, названную по имени урядника, который был убит там во главе отряда, посланного для того, чтобы усмирить взбунтовавшихся коряков. Коряки захватили их врасплох под покровом ночи на берегу реки и не дали ни одному человеку спастись бегством: все русские были убиты. Мы остановились на этом месте на ночлег.

Меня разбудили порывы ветра, дувшего с невероятной силой. Тучи снега застилали небо до такой степени, что трудно было различить, день это или ночь. Несмотря на ураган, я решил пуститься в путь, но не мог убедить своих проводников даже попытаться сделать это. Они упорно не соглашались идти, опасаясь заблудиться в такую плохую погоду.

Получив отпор со всех сторон, я удалился в свою палатку в не очень приятном расположении духа. В полдень, однако, я был утешен прибытием семи чукчей. Они приехали в санях, похожих на сани кочевых коряков, и были точно так же запряжены оленями. Я принял их в своей палатке и предложил остаться, пока не стихнет буря. Насколько я мог судить по их довольным лицам, ничто не могло бы польстить им больше, чем это моё приглашение.

¹ Таким образом, моя команда состояла из четырёх человек: Голикова, солдата, сопровождавшего меня из Пусторецка, и двух других, выбранных из отряда в качестве моих проводников; однако я счёл необходимым добавить ещё проводника-коряка, так как полагал, что он лучше знаком с дорогой.

Среди моих гостей был вождь по имени Тумме. Он поблагодарил меня за приём, который я им оказал, и заверил меня, что с тех пор, как они услышали обо мне, они ничего так страстно не желали, как знакомства со мной, и очень боялись упустить такую возможность. Он добавил, что они никогда не забудут ни меня самого, ни моей доброты и что они расскажут об этом всем своим соплеменникам. Я отвечал им выражением самой горячей благодарности, сообщив, что уже знаком с их любезным интересом ко мне и что я не менее желал этой встречи.

После этой необходимой прелюдии мы поговорили на общие темы, в основном о наших родных странах. Их любопытство не уступало моему, и время шло в бесконечных вопросах. Когда я сказал им, что, возвращаясь во Францию, я буду проезжать через город, в котором живёт их государыня, они попросили меня рассказать ей о них и положить к её ногам дань их уважения и покорности. Они уверяли, что тем более счастливы быть данниками России, что с каждым днём находят русских более доступными и добрыми. Они говорили с особой похвалой о господине Гагене¹, коменданте Гижиги.

Доброта, которую они открыли для себя в русских, заставила их пожалеть о том, что у них не было возможности поддерживать более частые отношения с этим народом. Для этого было бы хорошо, говорили они, чтобы царица снова учредила свое представительство на реке Анадырь. Они обещали, что не будут больше мешать поселенцам, а будут стараться всеми средствами убедить их забыть о несправедливостях, которые они чинили русским в прошлом. Происшедшее возникло в результате ошибки, от которой они пострадали так же, как и коряки, поскольку раньше считали, что все русские только и хотят, что поселиться на их территории и по соседству. По естественному чувству ревности они считали этих многочисленных иммигрантов своими противниками, чьё ремесло и деятельность были для их странными и подозрительными; и они посчитали, что самое главное, что нужно сделать — это избавиться от незваных гостей, убеждённые в том, что, истребив этих поселенцев, они уничтожат весь народ.

Чукчи утверждали, что поняли свои ошибки и свою глупость, как только хорошо познакомились с русскими. Напрасно их теперь уговаривают восстать, ибо они, напротив, склонны противодействовать мятежным интригам князя чукчей Херорги² — либо ограничив его власть, либо даже выдав его русским.

Не имея возможности понять, в какой части Земли я родился, они спросили меня, не находится ли моя страна по ту сторону большой реки. Прежде чем ответить им, я хотел понять смысл вопроса и обнаружил, что по их представлениям за пределами России, о которой они сами мало что знают, есть

¹ Майор Гаген был комендантом Гижигинска в 1788 году. Больше сведений о нём не найдено. — *прим. перев.*

² Во французском оригинале: Kérougui, в английском: Kherourgui. Георгий? — *прим. перев.*

очень большая река, которая отделяет её от другой страны, населённой другими людьми.

Нелегко было мне объяснить им устройство мира. Я долго говорил, но они не поняли ни единого слова из моей лекции по географии. Они не имели точного представления о числах и расстояниях. Не менее трудно было дать им представление о силе государств, о богатстве и могуществе их правителей. Они никогда не пытались оценить в этом смысле даже Россию. Чтобы дать им возможность судить о ней, я должен был как-то показать изобилие её товаров, её денег и её населения, сравнивая их с числом животных, на которых они охотились, и количества рыбы, которую они ловили каждый год. Это объяснение, в котором я постарался соответствовать их уровню восприятия, чрезвычайно им понравилось. Таким же образом я решил дать им представление о том, как сравнивать расстояния. Я начал с небольшого примера, и, взяв лист бумаги, начертил что-то вроде географической карты, на которой как мог точно обозначил положение России и Франции по отношению к их провинции.

Не без некоторого труда я добился, чтобы меня понимали. И был за это вознаграждён тем интересом и вниманием, с которым меня слушали. Вообще я был поражён их понятливостью и устремлённостью к приобретению знаний. Превосходя в этом отношении коряков, они, по-видимому, также признают в основном только то, что слышат и видят сами. У этих двух народов почти одинаковый язык; разница лишь в том, что у чукчей я обнаружил привычку растягивать окончания слов, и произношение у них медленнее и благозвучнее, чем у коряков. С помощью моего проводника, который служил мне переводчиком, я довольно сносно поддерживал беседу.

То внимание, с которым я рассматривал их одежду, побудило их увидеть французский костюм¹, и я приказал вынуть из багажа мой мундир. Восторг их было полным! Всем не терпелось прикоснуться к нему и выразить своё восхищение его необычностью и красотой. Пуговицы с гербом Франции подверглись особому осмотру, и мне пришлось заново напрячь свою изобретательность, чтобы доходчиво объяснить им, что это такое и каково его назначение. Но не успел я договорить, как они нетерпеливо стали упрашивать меня дать им каждому по пуговице. Я согласился в обмен на обещание бережно хранить их. Смысл обладания пуговицами состоял в том, чтобы использовать их в качестве дружеского знака, который они могли бы показывать чужеземцам, появляющимся на их берегах, в надежде, что среди них окажется француз.

Их соплеменники несколько лет назад видели англичан. «Почему же, — говорили они, — нас не навещают французы? Они могли бы рассчитывать на

¹ Читатель, конечно, помнит, что я был тогда в камчадалском платье.

то, что мы встретим их с радостью и сердечностью». Я поблагодарил их за любезность и объяснил, что расстояние является непреодолимым препятствием, и оно не позволит нам часто пользоваться их добротой. Между тем я обещал как можно подробнее рассказать об их племени во Франции, как только прибуду туда.

Я угостил их, насколько мог, табаком и, не имея больше ничего, что бы доставить им ещё удовольствие, мы расстались самым дружеским образом. Уезжая, они сказали, что я, вероятно, скоро увижу упряжки с их жёнами, которые отстали, позволив мужьям ехать быстрее.

Вскоре после отъезда чукчей ветер стих, и мы продолжили свой путь.

На следующий день, в тот самый момент, когда мы уже собирались остановиться на привал, выбрав удобное место на опушке леса, я увидел далеко впереди большое стадо оленей, пасущихся на вершине холма. Приглядевшись повнимательнее, я различил несколько человек, которые, по-видимому, охраняли их. Сначала я колебался, следует ли мне встретиться с ними или, наоборот, избегать их, но в конце концов любопытство взяло верх, и я поехал к ним.

Мне сказали, что надо ехать вдоль опушки леса. Однако я предположил, что в самом конце меня всё ещё будет отделять от них река, небольшую протоку которой я пересёк четверть часа назад: а в этом месте она была довольно широка. Пока я рассматривал этих людей через реку, ко мне подошли две женщины, которые проходили мимо. Старшая из них заговорила со мной. Каково же было моё удивление, когда я услышал, что они говорят по-русски! Они сообщили мне, что я нахожусь всего в двухстах ярдах от лагеря чукчей, которого не видно отсюда из-за леса. Спустившись к реке, я увидел их жилища и попросил женщин проводить меня к ним.

Пока мы шли, я спросил их, откуда они родом, так как их акцент говорил о том, что они не родились и не всегда жили среди этих людей.

Одна женщина сказала, что она русская, а кочевать с чукчами была вынуждена из чувства материнской любви. Опасности, изнурительная работа, жестокое обращение — на все это она отважилась ради того, чтобы вернуть дочь, которую чукчи удерживают в качестве заложницы. Она потеряла её следующим образом.

Эта молодая женщина вместе со своим отцом и несколькими другими русскими путешествовала два года назад по реке Пенжине. Их отряд, состоявший из девяти человек, спокойно кочевал среди коряков, которые в то время враждовали с племенем чукчей во главе с тем самым Херорги, о котором я уже писал. Чтобы избавиться от своих опасных соседей, коряки задумали

откупиться от них этими русскими¹, сообщив чукчам об их местонахождении. Хитрость удалась. Рассчитывая на большую добычу в виде железа² и табака, чукчи напали на путешественников. Их мужество не могло спасти их, и четверо из них, с оружием в руках, стали жертвами безнадёжного сопротивления. Муж этой женщины был убит, защищая свою дочь, которую завоеватели унесли вместе с тремя оставшимися товарищами по несчастью. Русские постоянно требовали выдачи этих пленников, и чукчи обещали отправить их обратно, но только двое из них были освобождены.

Трогательный рассказ несчастной матери, который часто прерывался слезами, решительно привлёк меня на её сторону. Я не знал, сможет ли моё заступничество оказать ей какую-нибудь помощь, но чувствовал, что готов просить за неё. Я был рад, что в конце концов мои усилия не пропали даром.

Другая женщина рассказала мне, что по рождению она чукчанка. В младенчестве русские привезли её с Анадыря в Якутск, где ей дали самое лучшее образование. Впоследствии она вышла замуж за солдата, но через несколько лет осталась вдовой. Наконец по распоряжению правительства она была отправлена вместе с детьми обратно к чукчам, чтобы она рассказывала им, как многим она обязана русским. Ей было рекомендовано сообщать чукчам, даже самым отдаленным³, мельчайшие подробности, и намекать им на бесчисленные преимущества, которые они могли бы иметь от установления мирной торговли с русскими.

Эта женщина с одинаковой лёгкостью говорила на русском, якутском и чукотском языках. Она сказала мне, что те немногие знания, которые она получила благодаря своему образованию, сделали её в некотором роде достоянием своих соотечественников; что она уже воспользовалась своим влиянием, чтобы развеять некоторые из их предрассудков, и льстила себя надеждой, что постепенно они поймут свою выгоду от общения с русскими. Её надежды основывались главным образом на характере этого народа, который, как она уверяла меня, был очень щедрым, гостеприимным, мягким и во всех отношениях предпочтительным по сравнению с коряками.

Разговор с женщинами настолько захватил меня, что я не заметил, как оказался в лагере чукчей. Радость их при виде меня была необычайной, в одно мгновение меня окружили и стали все разом уговаривать остаться у них ночевать. Мой ответ, что я так и собираюсь сделать, был встречен новыми возгласами одобрения. Я распорядился поставить свою палатку на краю лагеря и пригласил вождей посетить меня, как только она будет готова. Они не

¹ Вероломные коряки часто стремились разжечь вражду между чукчами и русскими либо ложными слухами, либо подстрекательством нападать на русских, когда они сами не могли или не смели нападать. Эти искусные интриги были причиной многих жестокостей, в которых обвиняли чукчей, но которые на самом деле им не свойственны.

² Торговать с чукчами изделиями из железа было строго запрещено вплоть до, по крайней мере, договора о переходе чукчей в российское подданство (1778 г.). – *прим. перев.*

³ То есть за мысом, обозначенным на картах как Чукотский Нос. [Современное название: мыс Дежнёва – *прим. перев.*]

заставили себя ждать, и когда я зашёл в своё убежище, там уже было столько людей, на сколько это жилище и не было рассчитано.

Как только отзвучали необходимые приветствия и комплименты, мы приступили к переговорам, желая каждый узнать то, что нас интересовало. Мы кратко рассказали друг другу о наших странах, нравах и обычаях; вопросы, которые они мне задавали, были почти такими же, как у Тумме и его спутников. Они выражали свою подчиненность России, свое желание торговать с этой страной и чтобы русские вернулись на Анадырь. Затем они подробно рассказали о своём путешествии. Они ехали в Гижигу посетить своих родственников, которые вступили в брак с русскими и поселились там. Был также, вероятно, и какой-то коммерческий замысел, хотя, по их словам, привязанность к своим соплеменникам была единственным мотивом; и в действительности я заметил, что они очень внимательны к той женщине-чукчанке и ласковы с её детьми.

Они настойчиво упрашивали меня выбросить из головы всякую подозрительность и положиться на их дружбу. Они, по-видимому, полагали, что я так же скрытен, как и русские в своих сношениях с ними; но, не имея таких же причин бояться их, я был чужд подозрительности. Я пояснил им, что, по-моему, если я не желаю плохого никому из тех, кто встречается мне на пути, то и мне никто не станет строить козни, особенно люди из народа, чья вежливость и порядочность были мне уже известны. Такой образ мыслей пришёлся им по душе, и они, казалось, были польщены моей уверенностью. Я, конечно, подумал, что мне следует убрать оружие и отвергнуть предложение солдат поставить часового у моей палатки.

Я угостил табаком самых знатных из моих гостей и угостил их чаем и ржаными сухарями. Со мной остались ужинать их вождь по имени Чегуяга¹, обладавший тем же полномочиями, что и Тумме, две его родственницы и две женщины, служившие переводчицами. Трапеза была очень скромной, но весёлой, и мои гости остались довольны, как если бы это был роскошный ужин. Наконец, было уже поздно, нам надо было отдохнуть, и мы расстались.

Как только я остался один, я воспользовался случаем записать то, о чём мы говорили, а также мои собственные наблюдения.

Лагерь этих чукчей был разбит на берегу реки, позади леса, о котором я упоминал. Там стояло около дюжины палаток, выстроенных вдоль берега. Они были квадратной формы и сделаны из оленьих шкур, подвешенных на кожаных ремнях к четырем шестам, укреплённым по углам. Связки копий и стрел, воткнутых в снег перед каждой палаткой, по-видимому, охраняют вход². Он очень низок и закрывается плотно, без щелей. В палатках очень жарко. Так

¹ В оригинальном тексте: Chegouiaaga. – прим. перев.

² Страх быть застигнутым врасплох коряками оправдывает эту предосторожность.

как обшивка и перегородки сделаны из оленьей кожи, то воздух не может проникнуть внутрь, кроме того, в середине каждой из них есть очаг. Что касается спальных мест, то они напоминают камчадалские, которые они устраивают на привалах, и состоят из веток, разложенных на снегу, как подстилка, и покрытых оленьими шкурами. Вся семья спит здесь вместе, без различия пола и возраста. Пространство палатки настолько малое, что просто удивительно, как на нём может уместиться столько людей. Испарения и грязь от такого количества человеческих тел невыносимы; тем не менее обитатели не испытывают никакого отвращения при виде своей пищи и питья среди самых омерзительных вещей, а лень и беспечность их не описать никакими словами.

Среди чукчей этого стойбища, которых насчитывалось около сорока, было пятнадцать или шестнадцать женщин¹ и почти столько же детей, занятых приготовлением пищи и установкой палаток. У каждого главы семьи есть слуги, которые присматривают за оленями и охраняют их по ночам от волков, которыми изобилуют эти места.

Одежда женщин очень примечательна. Она состоит из цельной оленьей шкуры, которая начинается вверху отверстием вокруг шеи и заканчивается внизу штанами ниже колен. Это одеяние надевается через шейное отверстие, и нет другого способа снять его, кроме как ослабить завязки, которые связывают его под подбородком, тогда оно мгновенно спадает с тела и оставляет женщину обнажённой. Неудобство такого одеяния легко представить, когда надо часто разоблачаться. Когда они путешествуют, то надевают поверх обычной одежды кухлянки, на ногах у них нет ничего, кроме сапог, сделанных из шкурок с ног оленя. Волосы у них тёмно-чёрные. Иногда они завязывают их сзади пучком, но чаще разделяют на лбу и заплетают двумя длинными косами по бокам. Уши и шеи женщин украшены разноцветными стеклянными бусами. В холодное время капюшон их одежды служит им головным убором.

Внешность их отнюдь не приятна; черты лица грубые, хотя нос не плоский, а глаза не запавшие, как у камчадалок. В этом отношении они похожи на них меньше, чем корякские женщины. Они также выше их ростом, но не стройнее. Толстая и объёмная одежды придаёт им довольно неуклюжий вид. В то же время они выполняют самую трудоёмкую работу, такую как разведение огня, рубка дров, доставка воды и другие, необходимые в домашнем хозяйстве. Эти заботы ложатся главным образом на пожилых.

Черты лица мужчин кажутся более правильными и совсем не азиатскими. Цвет лица у них, как и у женщин, очень смуглый, а одежда, сани, да и всё

¹ У чукчей допустимо многоженство; можно даже сказать, что допустимо беспорядочное сожительство, ибо говорят, что они гостеприимны настолько, что предлагают гостям своих жён или дочерей. Отказаться от такого предложения считается оскорблением. Я не могу ответить за правдивость этих сведений.

остальное точно такое же, как у кочевых коряков. Я воспользуюсь этим, чтобы описать их вместе.

Эти чукчи каждый год ездят в Гижигу. Они покидают свой край в начале осени и прибывают в этот острог только в марте. Как только их дела закончены, что требует всего нескольких дней, они отправляются в обратный путь, чтобы не упустить преимущества путешествия на санях, но редко достигают родных мест до конца июня.

Товары, которые они везут с собой, состоят главным образом из соболиных и песцовых шкур, а также ценнейшего моржового клыка. Взамен они получают котлы, табак, копья, мушкеты, ножи и другие железные орудия. Они ещё мало привыкли к мушкетам и почти не пользуются ими; но они очень искусны в стрельбе из лука и в обращении с копьём, они, таким образом, являются их главным оружием.

Как и все северные народы, они имеют поразительную склонность к пьянству. Их любовь к водке настолько сильна, что если вы однажды дадите им выпить, вы будете вынуждены повторять своё угощение до тех пор, пока они не будут совершенно пьяны, иначе они сочтут себя оскорбленными и, вероятно, прибегнут к угрозам и насилию, чтобы добиться своего. Такие же непрестанные курильщики, как и коряки, они имеют такие же трубки и так же их используют.

Я решил продолжить свой путь на следующий день и, как только рассвело, отправился проститься с чукчами в их палатку, но духота и нездоровый воздух вскоре вынудили меня уйти. Расставание наше было очень душевное; каждый по очереди обнял меня. Я надеюсь, что не ошибся в своих похвалах и не переоценил гостеприимности этого народа.

Мы выехали довольно рано, и проехали в тот день тридцать вёрст. Примерно на полпути я обнаружил на морском берегу балаган и юрту, где жила корякская семья, а через час после этого мы добрались до острога Парень.

Глава X

Прибытие в Парень – История женщины из Гижиги – Вождь коряков хочет задержать меня – Отъезд из Пареня – Встреча с кочевыми коряками – Кто лучше предсказывает погоду? – Как я использовал компас – Ужасный ураган.

Эта деревня меньше, чем Каменное, но население в ней больше, а расположение лучше. Парень находится на реке с таким же названием, примерно в трех верстах от того места, где она впадает в Пенжинский залив, который в этом месте такой узкий, что в ясную погоду можно видеть от одного берега до другого.

Первым человеком, которого я увидел в деревне, была старуха-полукровка, поразившая меня своим печальным видом. То ли из сострадания, то ли из любопытства я тут же подошёл к ней. Я стал расспрашивать её о причине её горя, но она только громко кричала и рыдала. Но понемногу я уговорил её рассказать о своем несчастье.

Около двух недель тому назад она приехала из Гижиги с мужем, сыном и несколькими друзьями, чтобы навестить родственников в Парене. Застигнутые в пути одним из тех ужасных ураганов, в которых я уже раз двадцать чуть не погиб, путешественники сбились с дороги и потеряли друг друга. Отец и сын ехали в одних санях. Долго блуждая в поисках укрытия или хоть каких-то следов дороги, они в конце концов совершенно заблудились. После двухдневных поисков они были найдены погребёнными в снегу и умершими от холода. Их тела были совершенно заморожены, а поза свидетельствовала о том, что эти два несчастных существа, не в силах больше двигаться, обнялись, чтобы согреться, и так и умерли в объятиях друг друга. Женщина была более удачлива и нашла убежище на берегу реки, в пятнадцати верстах от Пареня, куда она со своими спутниками в конце концов добралась, изнурённая и полумертвая от горя. Она добавила, что во время этой бури не было видно ни неба, ни земли. Снежинки смерзались в воздухе и хлестали людей ледяным градом с такой силой, что не спасала одежда. Но что ещё более усугубляло страдания этой женщины, так это то, что она не могла вернуться к себе домой. Никто не собирался оказать её помощь, о которой она всех просила. Вспомнив об этом, она снова разразилась потоком слез. Я утешал её всеми словами, что подсказывало мне сострадание, но всё это была безуспешная жалость: я не мог помочь и расстался с ней с сожалением, что не способен как-нибудь облегчить её участь.

Пока я беседовал с ней, вокруг столпились жители деревни. Их староста по имени Ультитка, подошёл ко мне, чтобы пригласить на ночлег. Его недоброе лицо подтверждало всё, что я слышал о его вероломстве, и я дал понять, что не собираюсь останавливаться. Тогда он заявил, что невозможно достать мне собак и провизию до следующего утра. Причины, которые он назвал, ясно обнаруживали его недоброжелательность¹ и выдавали, как мне казалось, какое-то злой замысел. Решив ехать во что бы то ни стало, я ответил, что вполне могу обойтись без этого, и что никакие соображения не заставят меня остаться. Он притворился, что не понимает меня, и сослался на якобы ещё

¹ У меня было основание подозревать его, так как его поведение напоминало мне о том, как в прошлом году он задержал одного моряка, который вёз правительственное донесение. Матрос, желая поскорее добраться до места назначения, собирался покинуть Парень, но Ультитка стал оставлять его до следующего дня. Моряк не выказал никакого желания подчиниться, и собрался немедленно уехать. Спор становился все более жарким. Разъярённый коряк бросился на него и убил бы, если бы моряка не вырвали из его рук. Посыльного связали и держали в заточении три дня. Наконец, вытерпев всякое дурное обращение, он был отпущен. Ультитка, возможно, надеялся покончить с ним по пути, но добыча ускользнула от него.

какое-то препятствие, глядя на меня в то же время со злой ухмылкой и не позволяя мне идти. Я чувствовал, что должен быть непреклонен, иначе придётся смиренно подчиниться любому требованию, который этот негодяй пожелает мне навязать. Всё это происходила на глазах всей деревни. По меньшей мере двести человек шумно теснились вокруг меня, то ли желая внушить мне страх, то ли понаблюдать за моим замешательством. В этой опасной ситуации я задумал обратиться к ним на русском языке, надеясь, что среди них найдётся кто-нибудь, кто поймёт меня и окажется менее неуправляемым, чем их вождь.

Моя речь была короткой, но решительной. Я настаивал на том, что я иностранец, что мне требуется их помощь, что я не заслужил худшего обращения своим отношением к ним и о той доброте, с которой ко мне относились их соплеменники на протяжении всего моего путешествия. Я добавил, что за исключением этого случая мне никогда не приходилось требовать помощи — мне оказывали её, не дожидаясь моего приказа, ещё до того, как я успевал выразить, в чём я нуждаюсь.

При упоминании слова «приказ» я заметил, что они посмотрели друг на друга с некоторым удивлением. По мере того, как моё обращение начало на них действовать, я становился все более убедительным и уверенным в себе. Затем, вынув вдруг из кармана свою подорожную и с недовольным видом устремив глаза на Ультитку, подал ему бумагу, заявив, что намерен выехать самое позднее через два часа. Эта неожиданная развязка привела его в замешательство. Он понял, что не может уклониться от исполнения моих желаний, не сделав себя преступником; а мандат коменданта был слишком официальным и внушительным, чтобы он осмелился не исполнить его. Поэтому он приказал немедленно собрать нужное мне количество рыбы, прося меня в то же время обратить внимание на малость её запасов, который я должен был ещё более уменьшить. Именно эта мысль, оправдывался он, заставила его чинить мне препятствия, так как он боялся, что я полностью опустошу их подвалы. Как я вскоре убедился, это была всего лишь отговорка, так как рыбы в хранилищах было с избытком.

Между тем, желая хоть как-то загладить свою невежливость или, может быть, желая заставить меня раскаяться в том, что я вынудил его открыть погреба с «последней рыбой», он предложил мне подождать в его юрте, пока мои люди делают необходимые приготовления к отъезду. Отказать ему означало бы проявить некоторую тревогу; а я, напротив, хотел окончательно убедить его в своей спокойствии. Кроме того, был час обеда, и, надеясь незаметно расположить к себе изменника, я принял его приглашение, предложив ему трапезу лучше, чем та, которую он мог бы предложить мне. Я последовал за ним с таким спокойным видом, будто чувствовал себя в полной

безопасности. Однако, по правде говоря, я несколько забеспокоился, когда, дойдя до его юрты, обнаружил, что мне надо спуститься на сорок футов под землю. Такая большая глубина жилища полностью отдавала меня на милость его хозяина. Мои спутники не могли ни слышать меня, ни помочь мне. Я содрогнулся от собственной неосторожности, но отступать было уже поздно. Я был хорошо вооружён и готов защищаться в случае нападения.

Первой заботой Ультитки было посадить меня на почётное место, то есть в подобие алькова, отведённого для главы семейства. Оно было очень многочисленным, почти восемьдесят человек жили вместе с ним в этой юрте. Все они ушли, как только вошёл я, и оставались с моими людьми, так что я остался один против трёх или четырёх товарищей или родственников Ультитки, которые окружили меня, тычась носами почти мне в лицо. Полагая себя знатоками русского языка, потому что могли кое-как произнести несколько слов, они начали задавать мне множество вопросов, один глупее другого. Моё положение требовало от меня оставаться вежливым, и я отвечал им спокойно и точно. Я провёл таким образом целый час среди этих свирепых личностей, воистину способных внушить ужас, особенно их вождь¹. Мой солдат всё не появлялся, и мне стало не по себе. Я сделал движение чтобы выйти, и коряки тут же встали передо мной. Один из них схватил меня за руку, заставляя сесть, и спросил, не хочу ли я сбежать. Я постарался выглядеть как можно более спокойно, но, признаюсь, сердце моё учащенно забилося. Я снова сел на свое место, и, несмотря на перемену, которую они могли заметить по моему лицу, ответил, что не думаю, что у меня есть какие-либо причины бояться их. Тогда Ультитка попыталась расположить меня к себе. Он клялся, что очень уважает меня, и что я нахожусь в полной безопасности. Его поведение, добавил он, могло бы дать мне повод подозревать его в чём-то, но он считал делом чести исправить ситуацию. Гордый тем, что его назначили судьёй в суд Гижиги², он слишком дорожил своей репутацией, чтобы позволить кому-либо дурно обращаться со мной в его присутствии.

Я уже понял, что этому приятелю лучше не верить, и считал, что мне повезло, что он не осмелился сделать то, что он мог и, вероятно, хотел. Поэтому я поспешил покинуть юрту под предлогом того, что мне нужно найти своих людей и дать им распоряжения насчёт обеда. Однако я не мог избавиться от этого коварного коряка. Он упорно продолжал сопровождать меня. Каждое моё слово, казалось, настораживало его. Не понимая русского языка, он тотчас же

¹ Трудно представить себе человека более уродливого. Большой и приземистый, угрюмое лицо изрыто оспой и покрыто множеством шрамов, чёрные волосы с огромными бровями, из-под которых свирепо глядел только один глубоко запавший глаз, другой он потерял в результате несчастного случая — таков точный портрет этого коряцкого вождя.

² Такой суд называется в России «нижним земским». Судьи избираются по очереди из крестьян острогов каждого уезда. Срок их полномочий ограничен тремя годами. Сами судьи называются «заседателями».

спрашивал о смысле того, что я говорил, и внимательно следил за всеми моими движениями.

Я нашёл своих людей занятыми обменом наших плохих собак на меха и предметы одежды из оленьей кожи. Жадность заставила их забыть о том, что я им говорил, об опасности, в которой они меня оставили. Я не стал, тем не менее, выказывать свое неудовольствие при свидетелях. Я вернулся в юрту в сопровождении Ультитки и двух солдат, которые тотчас же принялись готовить нам обед, а женщины помогали им мыть посуду¹. С помощью водки хорошее настроение постепенно сменило страх и недоверие. Наша трапеза была очень весёлой, я часто старался подражать своим гостям в их громких взрывах смеха, так как единственное, что доставляло им удовольствие — это чрезмерное выражение чувств. Покончив с обедом, я послал одного из своих солдат приказать запрячь собак, часть которых состояла из свежего пополнения. Провизия была уже уложена, и через десять минут я был готов проститься со своими коряками. Они, казалось, были мною довольны; я не знаю, так ли это было на самом деле, но признаюсь, что был рад поскорее убежать от них.

Было только два часа пополудни, но я решил, что должен компенсировать вынужденную задержку в Парени, и потому сделал привал только через пятнадцать вёрст.

В этот день и следующий, 30 марта, не было ничего, о чём стоило бы писать. Мы пересекли множество небольших рек, на берегах некоторых росли редкие кустарники. После Парени мы отъехали от моря и больше не видели его до самой Гижиги, поэтому у нас не было никакой возможности добыть сухие дрова, которые мы раньше собирали на побережье. Это была значительная потеря, нам пришлось подбирать каждый замеченную веточку и бояться, что даже этот ничтожный источник топлива для костра может нас подвести.

Долгое время моей основной пищей была оленина. Каким бы вкусным ни было это мясо, и оно быстро надоедает. Но хуже всего было то, что её запасы стали истощаться. Мы едим мясо уже только раз в день; все остальное наше питание состоит из сушёной рыбы и тюленьего жира. В этот день я был очень доволен парой куропаток, которых мне удалось подстрелить, и которые были поданы к моему столу. Это было приятным разнообразием в утомительной монотонности моей ежедневной пищи.

День был прекрасный, ясное небо обещало нам холодную погоду, о чем мы и мечтали, так как снег был таким мягким, что наши собаки проваливались по брюхо. Чтобы проложить им дорогу, каждый был вынужден бежать впереди на снегоступах. Надежда на то, что скоро нам будет лучше путешествовать,

¹ Они не используют для этого никаких тряпок или салфеток. Они берут деревяшку, строгают её, а затем стружками трут и чистят посуду и другие предметы, используемые для приготовления пищи.

воодушевила моих проводников, и мы набрали изрядную скорость. Было уже поздно, когда мы остановились в совершенно не защищённом месте; там не было никакого леса, кроме какого-то карликового кедра, смолистого, кривого и стелющегося по земле.

Прежде чем удалиться в свою палатку, я заметил на горизонте несколько зловещих облаков. Я уже достаточно знал здешний климат, чтобы судить о погоде по самым незначительным на первый взгляд признакам, и поделился своими догадками с проводниками. Они считали, что их знания в этом вопросе бесконечно превосходят мои, и отвечали, что заходящее солнце было прекрасно, и нет повода опасаться плохой погоды. По их собственным словам, они никогда ещё не ошибались, и мне следовало безоговорочно положиться на их опыт. Поразмыслив, я решил, что если они чувствуют себя в такой безопасности, то и мне не следует бояться провести день в этом месте, открытом всем ветрам.

Как только рассвело, меня разбудил один из проводников, который в шутовском тоне поторопил меня с отъездом, чтобы мы не упустили преимущества прекрасной погоды предстоящего дня. Всё ещё светила луна, на небе не было ни облачка. Пока я завтракал, как обычно, чаем с ржаными сухарями, которые мои люди приберегли для меня, хотя сами бы от них не отказались, они один за другим расспрашивали меня о погоде. Это было соревнование, кто подшутит надо мной больше. Однако я настаивал на своем мнении, отвечая, что лучше подождать до вечера, а потом уж решать, прав я или нет, предсказывая непогоду.

Едва мы свернули наш лагерь, как увидели на некотором расстоянии отряд из пяти корякских саней, запряжённых оленями. Наши собаки, привлечённые запахом этих животных, азартно бросились за ними. Но чем ближе мы приближались, тем больше эти коряки, казалось, удалялись от нас. Сначала я подумал, что это естественное следствие их боязни, но нетерпеливы лай собак вскоре подсказал мне, что было источником их страха. Собаки, без сомнения, бросились бы на них, если бы были свободны. Поэтому я приказал проводникам остановиться. Трудность состояла в том, что бы остановить наших «скакунов». Когда мы справились с этим, то попытались знаками дать понять корякам, что нам хотелось бы побеседовать с ними. Они, по-видимому, посоветовались, и через пару минут послали к нам одного из них. Он остановился примерно в трехстах ярдах от нас и так же знаками показал послать к нему одного из наших и придержать собак. Я приказал Голикову пойти на снегоступах навстречу коряку и спросить его, откуда они пришли, куда направляются, знают ли они что-нибудь о господине Козлове и как далеко, по их мнению, мы находимся от Гижиги.

Через полчаса посыльный вернулся со следующей информацией. Эти люди были кочевыми коряками, возвращавшимися из Гижиги, где они встречались с друзьями и продавали оленьи шкуры. Они слышали, что коменданту были посланы собаки и провизия, но не могли сообщить нам ничего определённого. Их предположение о расстоянии до Гижиги совпадало с мнением проводника, с которым я только что поспорил на эту тему. Спор возник следующим образом.

Пока мы ждали возвращения солдата, я заметил, что над нашими головами быстро проплывают облака, форма и направление которых подтвердили моё опасение, что нам угрожает приближение бури. Голиков был до этого, как и все остальные, не согласен со мной, но сейчас согласился, что есть все основания полагать, что мои предсказания подтвердятся. Он даже упомянул меня, по его словам, в разговоре с коряками, как хорошего предсказателя погоды, и ему было бы жаль, если бы я ошибся уже в самом первом своём прогнозе и потерял к себе доверие.

Это простодушное признание было тем более забавно, что мои проводники были его свидетелями. Это навело меня на мысль, что я, в свою очередь, могу развлечься их невежественной простотой. Возможность была благоприятной. Я повторил, что самое позднее через два часа они убедятся в моем предсказании, но сначала мне нужно знать, не будет ли на нашем пути какое-нибудь укрытие. Один из них ответил мне отрицательно: «До реки Гижиги, нам придётся идти по огромной пустынной равнине, где глаз сможет разглядеть лишь несколько неровностей, образованных почвой или снегом, нанесённым ветрами». Это известие смутило меня, так как я опасался, что нам придётся вернуться под укрытие небольшого леса, который мы только что миновали. Мы были всего лишь в полулиге от него, но настойчивость проводников, утверждавших, что нам нечего бояться, устранило это затруднение. Воодушевлённые своим предполагаемым опытом, они хотели, чтобы мы продолжили путь. Я согласился с ними, надеясь прибыть в Гижигу вечером.

Чтобы осуществить свой план с большей уверенностью, я намеревался прибегнуть к своему компасу, который был бы лучшим ориентиром в метель. Поэтому я спросил самого умного из проводников, в каком направлении находится Гижига, и он тотчас указал на далёкую гору, вершина которой, казалось, терялась в облаках. «Город, — сказал он, — находится примерно вон там. Мы всё ещё в пятидесяти или пятидесяти пяти верстах от него». Я определил, в какой направлении по компасу он находится, и постарался вычислить по своим часам скорость нашего движения. С того момента, как мы выехали, мы шли со скоростью шесть-семь вёрст в час, но я считал, что ураган будет значительно мешать нам, и поэтому рассчитывал только на три версты. Было уже шесть часов утра, и по моим расчётам я надеялся быть в Гижиге ещё до полуночи. Я также узнал от своего проводника, что для того, чтобы

добраться до реки, ведущей в город, нам сначала нужно добраться до очень большого леса, через который она протекает. Это меня успокоило. Большой размер этого леса позволит нам легче найти его.

Приняв эти меры предосторожности, я сказал своим людям, что не желаю ничего больше, как продолжать путь, и что я твердо решил не останавливаться, что бы ни случилось. Я посоветовал им сообщить мне, если они увидят, что заблудились, и тогда я помогу им найти путь. Серьёзность, с которой я отдал этот приказ, привела их в замешательство; они смущённо переглядывались, не смея прямо сказать мне, что я сошёл с ума. Наконец, самый смелый из них заявил мне, что если я никогда не проходил этим путём, то не могу взять на себя смелость вести их, не рискуя совсем потеряться, и что я, конечно, шучу. Я ничего не ответил, только приказал всем сесть в сани, пригрозив наказать всякого, кто ослушается, и тотчас же дал сигнал к отъезду.

В половине девятого мы продвинулись уже на пятнадцать вёрст, и по моим расчётам оставалось только сорок, но горизонт уже почти час был затянут тёмными тучами. Мы видели, что буря постепенно приближается, ветер начал поднимать вихри снега. Мои спутники испуганно молчали. Они уже явно не знали, где находятся и были в замешательстве. Вскоре ураган обрушился на нас с такой силой, что несколько саней опрокинулись. Мы с трудом подняли их. Мои проводники признали себя побеждёнными и заклинали меня остановиться, хотя мы находились на открытой местности. Ослеплённые ветром, дующим в лицо, они боялись заблудиться.

Я напомнил им о своем обещании и продолжал настаивать идти дальше. Я приказал, чтобы все сани держались как можно ближе друг к другу, чтобы каждый мог видеть, что происходит с другими и в случае необходимости помочь. Затем с помощью компаса, который я прикрепил под своей шубой, чтобы он постоянно был у меня перед глазами, я приступил к управлению караваном. Так мы ехали весь остаток дня, и можно сказать, и ночи, так как я не мог видеть даже того, кто ехал сразу позади меня, и даже едва ли его передних собак.

Около семи часов вечера, устав от жалоб и увещаний моих людей, которые постоянно просили меня остановиться, и, кроме того, рассудив, что мы никак не дальше пяти или шести вёрст от леса, я заверил их, что если мы не доберёмся до него к девяти часам, то этой ночью не пойдём дальше; если только, достигнув леса и реки, они не предпочтут идти дальше, так как мы будем уже очень близко Гижиге, и тогда уже они будут вольны делать всё, что им заблагорассудится. Такое условие, казалось, успокоило их; но не потому, что они воображали себя уже близко к цели, а напротив, считали, что заблудились и только желали отдохнуть, чтобы при дневном свете снова найти дорогу.

Без четверти девять впереди начала проступать какая-то тёмная полоса. По мере нашего приближения она становилась все темнее и больше. В следующее мгновение проводники закричали, что они видят деревья и они в безопасности. Действительно, это был лес. Я послал их вперёд, и вскоре они возвратились, с радостью сообщив мне, что мы уже близко к реке.

Почтительный тон, с которым они обращались ко мне, чрезвычайно меня позабавил. Поблагодарив меня за то, что я так хорошо направлял их, коряк заявил, что ни один из их шаманов никогда не совершал ничего столь чудесного. Предсказать плохую погоду в то время, когда всё, казалось, обещает обратное; быть способным направить и спасти их среди этой пурги¹, было мудростью, по его мнению, сверхъестественной. Благодарность остальных членов нашего отряда была такой же безудержной, они никак не могли прийти в себя от изумления. Напрасно я показывал им свой компас и старался объяснить, как я получаю от него все мои знания; они отвечали, что такая колдовская вещь понятна только таким, как я, сведущим в искусстве магии.

Мы были так близко от Гижиги, что я был совершенно уверен, что они не захотят останавливаться на ночлег; каждому из них не терпелось увидеть жену и обнять детей. Я предложил разбить палатку и переночевать в лесу, но они стали уговаривать меня добраться до реки, а там за три часа доехать до города. Я согласился, и мы поехали вдоль берега, пока не оказались напротив Гижиги; там нужно было пересечь реку, протекавшую близко к стенам города. Лёд был достаточно прочный, но сильный ветер покрыл его водой, так что мы изрядно промочили ноги.

У городских ворот я отвечал на обычные в таких укрепленных местах расспросы и должен был ждать, пока обо мне доложат коменданту. Уже давно получив известие, что я в пути, майор Гаген был настолько любезен, что немедленно явился приветствовать меня и пригласил свой дом. Я въехал в Гижигу 31 марта ровно в половине двенадцатого.

Глава XI

Прибытие в Гижигу – Рассказ о корякском вожде по имени Умиавин – Страна коряков – Население – Обычаи оседлых коряков – Их несгибаемое мужество – Образ жизни – Занятия – Еда – Напитки – Особенности – Как женщины носят своих детей – Браки – Похороны – Религия – Особенности языка – Подготовка к отъезду из Гижиги – Суеверие моих солдат – Отъезд из Гижиги.

Этот город — самый большой и населённый из всех, что я когда-либо видел в этих местах. Он расположен на реке с тем же названием, в тридцати верстах от

¹ Так здесь называют снежные бури.

её устья, и защищён квадратным частоколом удивительной высоты и толщины. По четырём углам возведены деревянные бастионы на сваях, вооружённых пушками. В них же расположены различные военные склады. День и ночь их охраняют стражники¹, как и трое городских ворот, из которых открыты только одни. Перед домом коменданта есть небольшая площадь, на которой располагается его охрана. Дома тоже удивительные. Они деревянные и очень низкие, но все имеют одинаковые фасады и, очевидно, построены по одному плану. Г-н Гаген намерен постепенно придать это единообразие всему городу. Избы, которые были построены после его прибытия, помимо красивой внешности, имеют внутри все необходимые удобства. Он задумал также восстановить церковь, которая сейчас имеет жалкий вид и почти разрушена.

Население состоит из пятисот или шестисот жителей, которые являются либо торговцами, либо состоят на государственной службе. Последние наиболее многочисленны и составляют гарнизон этого города. Среди них поддерживается строжайшая дисциплина, которая здесь совершенно необходима, поскольку им приходится часто обороняться. Осторожность и усердие коменданта в этом отношении непревзойдённые. Суды в Гижиге устроены так же, как в Нижнекамчатске.

Торгуют в Гижиге мехами, в основном шкурами оленей. Меха здесь лучше, чем на Камчатке, как по разнообразию, так и по качеству. Правда, шкуры выдры и тюленя идут, в основном, с полуострова, но соболи Гижиги гораздо более высокого качества, хотя их в то же время и меньше. Кроме того, у камчадалов нет куниц, белок и рысей, которых коряки выменивают у соседей-чукчей и привозят в Гижигу вместе с оленьими шкурами. Оленьи шкуры продаются в сыром виде и по очень хорошей цене. Затем они дубятся и выделываются с удивительным искусством. При этом кропотливый ручной труд заменяет здесь инструменты, изобретённые европейской промышленностью. Прочность и долговечность этих изделий не уступают их искусности и красоте. Перчатки и чулки выходят из рук мастера в состоянии полного совершенства. Их шитьё и вышивки из волос северного оленя, шелка и золота сделали бы честь нашим самым искусным перчаточникам.

Но пора поговорить об обычаях коряков. Я специально откладывал этот разговор, что бы теперь остановиться на нём подробно. К тем поверхностным наблюдениям, которые я сделал сам, путешествуя по их разным селениям, я добавлю другие, более точные и исходящие от бесспорного авторитета. В своих беседах с г-ном Гагеном и наиболее значительными жителями города я

¹ Необходимо постоянно быть настороже, опасаясь внезапных нападений со стороны соседних коряков, чей дерзкий и беспокойный характер часто подстрекает их к мятежам. Когда они приезжают в Гижигу с торговыми делами, им не разрешается долго там оставаться.

постарался пролить некоторый свет на эту тему, но главным источником моих сведений был один коряк, которого я здесь представляю читателю.

Моё первое знакомство с ним состоялось в Каменном. Удивлённый вниманием, которое оказывал ему господин Шмалев, я любопытствовал о звании и положении этого человека. Он был, как мне сказали, заседателем в гижигском суде и встретился с нами, чтобы предложить свои услуги. Лёгкость, с которой он изъяснялся на русском языке, и здравость его суждений очаровали меня. Я принял бы его за русского, если бы не услышал, как через минуту он заговорил на своем родном языке. Это был корякский вождь по имени Умиавин¹, брат одного из вождей кочевых коряков.

Любопытство заставило меня задать ему тысячу вопросов. Он отвечал с такой тонкостью и рассудительностью, каких я не наблюдал ни у одного из его соплеменников. Возможность изъясняться с ним без переводчика делала разговор с ним более ценным, и во время моего короткого пребывания в Каменном он стал для меня источником как полезных сведений, так и развлечения. Из всего, что мы обсуждали, наиболее интересной была тема религии. Хотя он был одинаково осведомлен и о русском и о корякском отправлении обрядов, на самом деле он не исповедовал ни того, ни другого. Однако он, по-видимому, был расположен принять крещение и только ждал, пока ему лучше объяснят некоторые моменты, которые он не понимал. Преисполненный восхищения возвышенностью христианской морали и величественной пышностью её обрядов, он признавал, что ничто не может дать ему большего желания стать обращённым в неё; но властная строгость некоторых наших религиозных обрядов², неопределённость небесного счастья и особенно мысль о Боге, угрожающим вечными муками, наполняли его беспокойством и смятением. Со всеми своими идеями и нелепостями религия его народа, говорил он, давала ему, по крайней мере, больше надежды, чем страха; её кары и наказания были ограничены настоящим миром, она обещала ему воздаяние в следующем; злые духи могли только мучить его только при жизни, а после смерти его ожидало счастье. Обеспокоенный этими соображениями, он пребывал в постоянном сомнении и нерешительности. Он не осмеливался ни отречься, ни оставаться непреклонным в вере своих отцов, стыдился её заблуждений, но в душе почитал её.

Искренность, с которым он признавался в своей нерешительности, тем более привлекала меня, что в его суждениях и в его сердце я находил неиссякаемый источник добродетели и необыкновенную любовь к истине. Чтобы привести в порядок свой пребывающий в нерешительности ум, нужно было прежде всего избавить его от предрассудков и ложных принципов, усвоенных им с детства.

¹ В оригинальном тексте: Oumiavin. — прим. перев.

² Больше всего его пугали посты, которые в православии очень суровые и частые.

Любой другой человек, возможно, взялся бы за такие разговоры. Но меня удерживало от этого опасение, что моя попытка не увенчается успехом, так как я не смогу проводить с ним достаточно времени. Он прибыл в Гижигу, как и обещал, на следующий день после меня и оказал мне весьма значительные услуги, стараясь рассказать о своей стране всё, что я у него спрашивал, и обеспечить меня всем необходимым для продолжения путешествия.

Существует во многих отношениях большое сходство между оседлыми и кочевыми коряками; поэтому удивительно, что между ними существуют разногласия, из-за которых они иногда рассматриваются, как два разных народа. Они занимают одно и то же обширное пространство, граничащее на юге с полуостровом Камчатка и Пенжиским заливом; на востоке — страной алыторцев¹; на севере — с территорией чукчей, а на западе — с тунгусами, ламутами² и якутами.

С уверенностью можно утверждать, что эта территория прежде была населена гораздо плотнее, но её весьма значительно опустошила оспа. Я сомневаюсь, впрочем, что она унесла больше жителей, чем их частые стычки с соседями и русскими. Число оседлых коряков едва ли превышает в настоящее время девятьсот человек; и хотя трудно подсчитать кочевых коряков, представляется, что они не намного превосходят это число.

Нравы оседлых коряков достойны порицания и представляют собой смесь двуличия, подозрительности и скупости. У них есть все пороки северных народов Азии, но нет добродетелей. Разбойники по натуре своей недоверчивы, жестоки, не способны ни на доброжелательность, ни на жалость. Чтобы получить от них хотя малейшую услугу, необходимо прежде всего предложить и даже дать им некоторое вознаграждение. Ничто, кроме подарков, не может возбудить их внимание или побудить их к деятельности³.

Из-за их вероломного и дикого нрава им нелегко жить в мире с соседями. Их неуживчивый характер не приемлет никакого иностранного покровительства. Отсюда их постоянные восстания против русских, их дикие грабежи и постоянные набеги на племена, которые их окружают; отсюда их взаимная вражда и месть.

Постоянное состояние войны порождает в них жестокость. Частые нападения и неустанная защита создаёт в них стойкость и мужество, они находят удовольствие в беспрестанных сражениях и гордятся своим презрением к жизни. Их религиозные предрассудки облагораживают в их глазах жажду крови, обязывая их побеждать или умирать. Чем важнее повод

¹ Алыторцы — субэтническая группа коряков, говоривших на алыторском языке. В настоящее время (к 2010 году) считается, что они прекратили своё существование как отдельный народ. По языку и культуре были близки также к эскимосам. — *прим. перев.*

² Тунгусы и ламуты — прежнее название эвенков и эвенов. — *прим. перев.*

³ У меня нет таких жалоб на кочевых коряков. Я нашёл их в основном более искренними и покладистыми и сейчас приведу тому доказательство.

взяться за оружие, тем больше они жаждут смерти. Ни число их противников, ни их храбрость, ничуть не устрашают коряков: именно тогда они клянутся «потерять Солнце». Они исполняют эту страшную клятву, перерезая горло своим жёнам и детям, сжигая свое имущество и с безумным отчаянием бросаясь в гущу врагов. Бой заканчивается только полным уничтожением одной из сторон. Побеждённые никогда не ищут спасения в бегстве — законы чести запрещают это, и ни один коряк не выживает среди них.

Соседство с русскими никак не изменила образ жизни местных коряков. Их торговые отношения с русскими, напротив, только делают их завистливыми к чужому богатству и к стремлению завладеть им. Нечувствительные к преимуществам более приобщённой к культуре жизни, они, по-видимому, чувствуют отвращение к цивилизации и считают свои собственные нравы и обычаи абсолютно совершенными¹.

Их основное занятие — охота и рыбалка, но они не делятся весь год. В остальное время, закрывшись в своих жилищах, они спят, курят и напиваются. Не думая о будущем, не сожалея о прошлом, они не выходят из своих юрт, разве что только по самой настоятельной необходимости. Их юрты больше, чем у северных камчадалов, но устроены почти так же. Я не уверен, что грязь в них менее отвратительна, а так как у них нет ни двери, ни жупана², то дым там должен быть невыносимым.

Эти люди питаются, как камчадалы, сушёной рыбой, мясом и жиром китов и тюленей³. Кита обычно едят сырым, а тюленя сушат или готовят так же, как рыбу, за исключением сухожилий, костного мозга и мозгов; иногда едят его

¹ Кочевые коряки долгое время были ещё более своевольными. Независимость, к которой они привыкли, и природная неугомонность их характера мало располагали к подчинению кому-либо. Кроме того, русские в своём стремлении к завоеваниям, возможно, не отличались умеренностью и стремились внушать скорее страх, чем любовь. Несомненно, им не очень нравилось, когда целые племена при малейшем признаке угнетения внезапно пропадали целыми селениями там, где они надеялись с помощью торговли закрепить их. Это продолжалось вплоть до прибытия майора Гагена. Благодаря своей доброжелательности, настойчивым приглашениям в город и выгодным предложениям он постепенно вернул разбежавшихся обратно. Сначала вернулась одна семья, потом две, потом три; сила примера действовали на других, и когда я прибыл в Гижигу, в окрестностях этого города было уже по крайней мере одиннадцать корякских стоянок.

Искусная политика майора Гагена убедила императрицу воспользоваться торговлей, чтобы постепенно установить между русскими и коряками — как оседлыми, так и кочевыми — взаимопомощь и согласие между людьми, напоминающее нам о древних законах гостеприимства, которые обязательно приведут к изменению в нравах этого народа.

Если коряку приходится ночевать в городе по делам, он просит ночлега у своего русского друга и без дальнейших церемоний поселяется у него. Хозяин считает своим долгом принять его, узнать о его склонностях, предугадывать его нужды и желания, и, короче говоря, не жалеет ничего, чтобы развлечь его наилучшим образом, то есть сделать его совершенно пьяным. Вернувшись домой, коряк с удовольствием рассказывает о том, какой чудный приём ему оказали. После этого он считает своим долгом, священным долгом, отплатить ему при первой же возможности. Это весьма приятный обычай, особенно для русских солдат, которым приходится часто ездить в соседние деревни. Благодарность коряка своему другу не ограничивается предоставлением ему ночлега, угощением и снабжением провизией для путешествия; он также защищает его от своих соплеменников.

² Жупан — отверстие (подземный короб или сени) для впуска воздуха в зимнюю юрту оседлых коряков во время топки. Он также служит запасным, нижним входом для стариков, детей и женщин, мужчины им не пользовались. — *прим. перев.*

³ Все коряки, с которыми я встречался по дороге из Пусторецка, страдали от голода, как и жители этой деревни. Берёзовая кора, смешанная с тюленьим жиром, составляет тогда всё их пропитание.

мясо сырым с большим аппетитом. Их любимое мясо — оленина. Растительная пища также составляют часть их рациона: осенью они собирают различные ягоды, части их идёт на приготовление освежающего напитка¹, а остальное растирают с китовым или тюленьим жиром. Эта паста называется «толкуша», и здесь её очень любят, но мне она показалась весьма неприятной.

Их страсть к крепким напиткам, усиленная дороговизной водки и трудностью её доставки из-за крайней удалённости, побудила их изобрести напиток не менее сильный. Он изготавливается из ядовитого красного гриба, известного в России под названием «мухомор»². Они кладут его в сосуд с определёнными плодами, и как только зелье настоится, приглашают друзей на пробу. Среди гостей начинается благородное соперничество, кто лучше всех поможет хозяину дома избавиться от его нектара. Развлечение длится один, два или три дня, пока напиток не закончится. Часто, если не удаётся быстро упасть от опьянения, в добавку едят сырой гриб. Удивительно, но нет примеров фатальных последствий такого пьянства. Я видел, однако, как некоторые любители серьёзно заболели и с трудом выздоравливали; но опыт ничему не учит их, и при первом же удобном случае они возвращаются к своей пагубной привычке. Это не усиливает их чувственность, они не получают никакого удовольствия от вкуса ликёра, он просто становится для них непреодолимой страстью; они ищут в этих оргиях только состояния забвения и оцепенения, полной отрешённости, прекращения существования, если можно так выразиться; это их единственное наслаждение и высшее блаженство.

Черты лица у большинства коряков не азиатские, и их можно было бы принять за европейцев, если бы не их низкий рост, неказистая фигура и цвет кожи. Кочевые коряки имеют те же черты лица, что и камчадалы; особенно среди женщин очень мало тех, у кого нет запавших глаз, плоских носов и выступающих щёк. Мужчины почти совсем безбородые, с короткими волосами. Женщины не заботятся о своих волосах; обычно они рассыпаны у них по плечам, хотя есть и такие, кто носит их завязанные в пучок или под косынку. Их наряд я уже описывал.

Своих детей женщины носят в чем-то вроде колыбели, форма которой показалась мне необычной. Это своего рода гнездо или корзина, выгнутая дугой, в которой младенец помещается в сидячем положении и защищён от непогоды.

Среди их странных обычаев я упомяну испытание, которому подвергается молодой человек, когда он хочет жениться. Как только он определился со своим выбором, он является к родственникам своей возлюбленной и

¹ Реки близ этого острога так малы, что совершенно замерзают, как только наступают холода, и в течение более чем полугода жители вынуждены пить талый снег или лёд.

² Он используется в русских домах для уничтожения насекомых.

предлагает им, что называется, гнуть на них спину. На юную леди тотчас же надевают множество одежд, которые скрывают её до такой степени, что даже лицо почти не видно. Она не остаётся одна ни на одно мгновение; её мать и несколько старых матрон сопровождают её, куда бы она ни пошла, спят с ней и не теряют из виду ни под каким предлогом. Цель любовника, средоточие счастья, к которой стремятся все его помыслы, — это всего лишь прикоснуться к её обнажённому телу — единственный способ, которым он может её получить. Между тем он с усердием и покорностью исполняет все обязанности, которые налагают на него родственники. Став как бы рабом семьи, он занят всеми домашними делами: рубит дрова, приносит воду, снабжает льдом и т.д. Любовь вселяет в него мужество, а присутствие избранницы даёт надежду. Если он расслабится, то одного её взгляда, пусть даже безразличного, бывает достаточно, чтобы он забыл об усталости и тяжёлой участи своего рабства. Надежда сократить его продолжительность влияет на всё его поведение. Он не спускает глаз с повелительницы своего сердца, следит за каждым её движением, следует за ней по пятам и беспрестанно появляется на её пути. Но как обмануть «недремлющие очи» окружающих её дуэний?! Это постоянное состязание бдительности с хитростью, и каждая сторона здесь действует со старанием и упорством. Глядя на такое усердие, такие переживания влюблённого и на те предосторожности, которые принимаются для защиты невесты, можно подумать, что он собирается похитить какую-нибудь немыслимую красотку. Но кто бы мог подумать, что предмет страсти и желаний этого стонущего от любви коряка на самом деле — само уродство, и что он не стремился ни к какой другой награде за столь немалые усилия, кроме как прикоснуться к грубой, жёлтой и грязной коже? Всё своё свободное время, когда он может быть рядом с возлюбленной, он старается какой-нибудь хитрой попыткой добиться прикосновения к ней, но её многочисленные одежды — непреодолимый барьер. Разъярённый таким количеством препятствий, он рвёт и стаскивает дразнящие покровы. Горе ему, если его в этот момент застигнут родственники! Неумолимые стражницы набрасываются на него и заставляют отказаться от добычи. Если он сопротивляется, в ход идут кулаки и палки, его таскают за волосы, а старые ведьмы-охранницы царапают лицо. Если он впадает в уныние или ропщет на такое жестокое обращение, его немедленно увольняют и навсегда лишают всех прав на брачный союз, что считается самым большим позором, которым может запятнать себя влюблённый коряк. Но трудности только распаляют его желание. Отнюдь не жалуясь и не унывая от такого сурового обращения, он считает себя ещё более достойным того счастья, за которое он борется. Он весел, он радуется всем невзгодам своего мучительного любовного рабства! И он достигает своей цели, хотя часто лишь по истечении двух или трех лет!

Ликуя и торжествуя победу, он несётся сообщить родственникам о своем успехе. Вызываются свидетели, и барышня допрашивается¹. Ее признание необходимо, так же как и какое-нибудь доказательство того, что она была застигнута врасплох и предпринимала попытки защитить себя. Затем ее рука вручается победителю, но он всё ещё вынужден ждать, пока не станет ясно, сможет ли она примириться с тем, чтобы жить с ним. С этого момента, освободившись от своих трудов, он беспрепятственно ухаживает за своей будущей женой, которая, возможно, уже не жалеет, что избавилась от своего громоздкого наряда. Эта вторая стадия ухаживания редко бывает очень долгой; девица в присутствии семьи вскоре даёт свое согласие, и больше ничего не требуется, чтобы предоставить ему все права мужа. Брачный обряд и пир состоят только в том, чтобы собрать воедино родственников обеих сторон, жаждущих напиться в честь новобрачных. Среди коряков не допускается многоженства, однако я видел примеры, когда это практиковалось без угрызений совести.

Их погребальные обряды имеют поразительное сходство с древними языческими обычаями, которые до сих пор соблюдаются различными нецивилизованными народами Нового Света. Когда коряк умирает, его родственники и соседи собираются, чтобы отдать ему последние почести. Они воздвигают погребальный костёр, на который кладут что-нибудь из имущества покойного и запас провизии, состоящий из оленины, рыбы, водки, короче говоря, всего, что, по их мнению, понадобится покойному для его великого путешествия и для того, чтобы он не умер с голоду на том свете. Если это кочевой коряк, то его везут к костру олени; если это оседлый — его тянут собаки или несут родственники. Тело, одетое в лучшую одежду, лежит в подобии гроба. Там с ним прощаются присутствующие, которые с факелами в руках считают за честь быстро обратить в пепел своего родственника или друга. Они печалются только о кратковременном расставании, а не о вечной разлуке. Они не носят траура, и вся церемония завершается попойкой, где в парах спиртного и клубах табачного дыма развеивается воспоминание о смерти. После нескольких месяцев вдовства женщинам разрешается снова выходить замуж.

Суеверные обычаи, соблюдаемые на похоронах, и их мимолётная скорбь о потере самых дорогих им людей являются, по моему мнению, лучшим доказательством их равнодушия к жизни, краткость которой их не удивляет и не огорчает. Их религиозная система, по-видимому, лишает их утешительной надежды на длительное существование. Смерть в их глазах – все лишь переход в другую жизнь; и, покидая этот мир, они не считают, что их удовольствия на

¹ Возлюбленная, вероятно, не всегда упряма, и ей также не терпится положить конец этому трудовому послушничеству, и тогда она признает себя тронутой, прежде чем это действительно случится.

этом заканчиваются, а что их ждут другие удовольствия. Это лестное предубеждение, о котором я упоминал в разговоре с Умиавином, в достаточной мере объясняет его религиозные затруднения и свирепое мужество его соплеменников. Но их абсурдные догмы вправе рассчитывать на более конкретное изложение, хотя культ, на котором они основаны, очень прост и то, что в нем чудесно, отнюдь не привлекательно. Нижеследующий рассказ содержит всю теогонию коряков¹.

Они признают высшее существо, Создателя Всего Сущего. Он обитает на солнце, чей пылающий шар они считают тронem или дворцом владыки природы, или, возможно, он сам является этим небесным светилом. Я склонен верить в это, так как они не боятся его и не поклоняются ему. Они не обращаются к нему с молитвой: добро, говорят они, есть его сущность; все добро, существующее в мире, исходит от него; и невозможно, чтобы он причинял вред. Естественно, что зрелище постоянных и всеобщих благ этого царя небесных сфер, дарующего жизнь, движение и силу всему окружающему миру, должно было убедить их, что это вселенское светило и есть их покровительственное божество.

Принцип зла они рассматривают как злонамеренный дух, который разделяет с верховным добрым существом царство природы². Их силы равны. Один из них стремится к счастью человечества, другой стремится сделать его несчастным. Болезни, непогода, голод, всевозможные бедствия — вот его работа и орудие его мести. Именно для того, чтобы усмирить его гнев, они жертвуют своим личным и молятся ему. Почитание злого духа продиктовано лишь ужасом, которым это грозное божество наполняет сердце каждого из них, и состоит из искупительных жертвоприношений. Они предлагают ему новорождённых животных, оленей, собак³, первую добычу на охоте и рыбной ловле, а также всё, что у них есть самого ценного. Их религиозные ритуалы состоят из молитв и вознесения благодарностей. Для этого нет ни храмов, ни святилищ, злему духу можно поклоняться где угодно; он услышит коряка, который молится один в пустыне также, как и целую семью, которая считает, что они оказывают ему почести, благочестиво напиваясь в своей юрте; ибо пьянство становится у этих людей религиозной практикой и основой всех их торжеств.

Этот демон, этот грозный дух, несомненно, является тем же существом, что и Кутка у камчадалов, чьими служителями и толкователями считают себя шаманы. Здесь, как и на полуострове, мистический язык этих магов работает

¹ Такие же воззрения о происхождении богов существует у чукчей, а до введения христианства были у камчадалов.

² Они верят также в низшие божества. Некоторых они считают домашними богами, хранителями своих жилищ. Эти грубо вырезанные идолы, почерневшие от дыма, висят на самом видном месте юрты. Они одеты по корякской моде и украшены колокольчиками, кольцами и другими железными и медными побрякушками. Другие их низшие божества обитают в горах, лесах и реках, что напоминает нам о нимфах в мифологии древних греков.

³ Я часто видел останки таких собак и оленей, подвешенные на воткнутых в землю кольях.

на доверчивости людей и вызывает благоговение толпы. Они занимаются и врачеванием, и хирургией. Это особые способности, которым, как предполагается, помогает внушение, а не мастерство, обеспечивают им безграничную силу. За ними посылают со всех концов страны, и на них тут же сыплются вознаграждения. Они высокомерно требуют всё, что им заблагорассудится, и считают данью всё, что им даётся. Именно под предлогом совершения надлежащего приношения божеству, чьим представителем они являются, они могут присвоить себе всё, чем владеют пригласившие их, даже самое дорогое и красивое. Можно даже не предполагать, что эти самозванцы обманывают своих приверженцев показной добродетелью, строгим соблюдением традиций и безупречным поведением, а сами, напротив, затмевают их в пороках и не отстают от них в пьянстве. Накануне своих магических церемоний они якобы весь день постятся, но на самом деле ночью наедаются пьянящего мухомора. Это подготовительное опьянение для них обязательно. Вполне вероятно, оно нужно им на следующий день для душевного подъёма, который способствует перестройке их разума и даёт им силу, необходимую для их фантастических путешествий.

Язык коряков не имеет ничего общего с языком камчадалов; они произносят звуки резче и неторопливее, речь их звучит приятнее и не имеет тех необычных звуков, тех шипений, которые так же трудно произнести, как и записать.

Мне ещё надо рассказать про кочевых коряков; но, не удовлетворившись полученными о них сведениями, я подожду до прибытия в дом брата Умиавина, где у меня будет возможность убедиться в их истинности, сравнив их с тем, которые будут непосредственно перед моими глазами.

Со времени моего прибытия в Гижигу г-н Гаген, уступая моим просьбам, старался, как мог, ускорить мой отъезд. Если бы это зависело от меня самого, я бы остановился не более чем на сутки; но, к несчастью, мои собаки были истощены, и во всем городе их было очень мало, да и те не в лучшем состоянии¹. Поэтому мне было предложено взять оленей, что я принял с большей готовностью, так как надеялся ехать быстрее, да и давно хотел испытать этот способ передвижения. Я постарался узнать всё о неудобствах езды на оленях. Как оказалось, с ними больше забот, они быстрее устают и дольше отдыхают, но моё нетерпение заставляло меня не обращать внимания

¹ Я до сих пор не говорил о плате за проезд, потому что, пока я путешествовал с г-ном Козловым, он был этим занят, и мне оставалось только возместить ему расходы, когда мы расставались.

Эти сборы называются в России «прогоном»: курьер платит за версту по две копейки за каждую лошадь, а другие путешественники – по четыре копейки. Копейка равна французскому су или английскому полпенни. На Камчатке и в Сибири сборы меньше в два раза, а так как на полуострове почти всегда используются собаки, то они взимаются по цене за «подвод», то есть упряжку из пяти собак. Три подводы, или пятнадцать собак, считаются в Сибири равными одной лошади, за которую курьер платит по копейке за версту, а другие путешественники – по две копейки.

ни на что, кроме возможности продолжать путь и удовольствия самому судить о скорости этих животных.

Чтобы удовлетворить моё нетерпение и дать мне возможность поскорее продолжить путешествие, г-н Гаген решил встретиться с вождями коряков, кочующих поблизости, и поэтому послал пригласить их к себе домой. Через два дня прибыли двенадцать вождей и ещё несколько рядовых коряков, получивших приглашения.

После обычных приветствий¹ он представил меня собранию, объяснив им в нескольких словах через переводчика, кто я такой, важность моей миссии и необходимость их помощи. Это короткое объяснение вызвало всеобщий ропот. Напрасно г-н Гаген говорил о строгом приказе правительства относительно меня; они подняли такой неистовый крик, что невозможно было понять причину их недовольства. Наконец, из беспорядочного шума стало ясно, что они жалуются, что им достаётся вся работа, в то время как оседлые коряки освобождены от каких-либо обязанностей. Какое у них право на такое послабление? По какому праву им, праздным трутням, позволено бездельничать в своих юртах? Почему бы им, подобно нам, не заняться перевозкой людей? Эти раздражённые, но справедливые претензии начали тревожить меня насчёт исполнения моей просьбы, когда поднялся старый вождь: «Разве сейчас, — воскликнул он, — подходящее время для наших жалоб? Если мы обижены, что наше усердие не оценили, то виноват ли в этом этот чужестранец? Разве он меньше нуждается в наших услугах? Он получит мою помощь, и я проведу его туда, куда ему нужно. Согласитесь только довести его до моего дома. Среди вас, наверное, найдутся те, кто окажет ему такую пустяковую услугу».

После этой короткой речи на лицах всего собрания явственно проступил стыд, и самые мятежные замолчали. После минутной паузы каждый попытался оправдаться за упрёк, который, как он опасался, он заслужил, и тут же нашёлся доброволец, который предложил проводить чужестранца и его спутников до реки Студёной², на которой жил любезный коряк, добровольно предложивший

¹ Эти приветствия не состоят, как у нас, из пустых формальностей и холодных любезностей, сопровождаемых бессмысленными словами. Собрание ещё не успело рассесться, как была предложена выпивка. Прислуга подаёт каждому по три огромных стакана, одного из которых было бы достаточно в любой другой стране, чтобы человека спасовал. Здесь это просто приглашение удвоить, а затем и утроить дозу. Корякский пьяница рассматривает это только так, и когда ему делается такое предложение, он самодовольно улыбается всей компании, а особенно хозяину дома, которому тоже слегка наклоняет голову. Затем он проглатывает один за другим, без малейшего отвращения, все три стакана. Дети пьют так же, без всякого отвращения. Я видел, как ребёнок шести или семи лет выпил один из таких стаканов без всякого выражения на лице.

К этой обильной раздаче водки г-н Гаген никогда не упускает случая прибавить несколько подарков из железа, ткани или табака, не забывая при этом предварительно узнать, что нравится и что предпочитает каждый человек. Он одинаково доброжелателен к чукчам и оседлым корякам. Таким образом он постепенно укротил этих дикарей и приобрел влияние и власть над ними — жалкое вознаграждение за его щедроты, расходы на которые ложатся исключительно на него самого, а при дороговизне каждого предмета в этой стране это должно быть для него нелёгким бременем.

² Река Студёная впадает в Пенжинскую губу примерно в 140 км. (по прямой) на запад от Гижиги. — *прим. перев.*

свои услуги. Таким образом, все трудности были устранены, и мой отъезд был назначен на 5 апреля, и весь гарнизон был обязан в этот день исполнять мои приказания. Старый вождь, столь великодушно вступившийся за меня, первым избежал моей благодарности под предлогом того, что ему нужно было сделать кое-какие приготовления к моему приезду. Как велика была моя радость, когда я узнал, что человек, которому я обязан этой переменной в моем положении, был братом Умиавина, о знакомстве с которым я так мечтал!

С этого момента г-н Гаген начал приготовления к моему отъезду. Под его личным наблюдением было приготовлено несколько небольших пшеничных хлебов и запас ржаных сухарей. Разнообразные съестные припасы, предназначенные для него самого, были, несмотря на мои возражения, упакованы в мой багаж. Он добавил также несколько подарков, от которых я не мог отказаться из-за вежливой и дружеской манеры, с которой они были предложены. Короче говоря, я не могу сосчитать всех добрых дел, которые он сделал для меня. Каждый час моего пребывания у него был отмечен вниманием к моим пожеланиям и стремлением помочь. Его забота вместе с моим отдыхом способствовали восстановлению моего здоровья, которое было не в самом завидном состоянии с тех пор, как я простудился по пути из Пусторецка.

5 апреля, как и было условлено, всё было готово к отъезду, но каково же было моё удивление, когда никто из моих проводников не прибыл! Были отправлены гонцы, но прошёл ещё целый день, прежде чем мы что-то разузнали. Была уже ночь, когда они, наконец, появились, и каждый утверждал, что его задержка была неизбежна.

На следующий день возникло новое препятствие. Было воскресенье, и мои благочестивые солдаты не хотели ехать. По-моему, это было скорее суеверие, чем набожность; на них влияла не святость этого дня недели, а опасение, что они встретятся с каким-нибудь несчастьем. Несмотря на все мои старания и присутствие вместе с ними на русской мессе, их не удалось уговорить отправиться в путь. После долгих бесцельных споров я был вынужден остаться и пообедать с господином комендантом, который вежливо порадовался моей задержке. Обнаружив, однако, что это лишает меня всякого удовольствия, он предложил излечить моих людей от их химерических страхов. Я засомневался в успехе, и он принял вызов. Он тотчас же приказал щедро раздать им всем водку, как русским, так и корякам. Настроение у них заметно улучшилось, и вскоре веселье заставило забыть о воображаемой опасности. Самые упорные стали первыми, кто помог запрячь оленей, и мои сани были готовы в одно мгновение.

В это время произошла сцена, которая чрезвычайно меня позабавила. Умиавин, провожая меня, выпил много лишнего. Он жизнерадостно

сокрушался о моём отъезде и вытворял всякие глупости, которые он называл «прощанием со мной». Он бегал из дома на улицу и обратно и услужливо помогал всем и во всём. Когда мои сани были готовы, он принялся поднимать их, чтобы оценить вес; но не в силах удержаться на ногах, свалился и, падая, сломал острие моей сабли. Огорчение этого добряка при виде такого пустякового происшествия было душераздирающим. Он бросился к моим ногам, обнял их и обливал слезами, заклиная не уезжать, пока я не прощу его. Я попытался поднять его, заверяя в своей дружбе, но он продолжал валяться в ногах и плакать. Только через полчаса мне удалось успокоить его уговорами и словами утешения.

Я вышел из города пешком, сопровождаемый почти всеми его жителями, которые, как они уверяли, желали оказать честь первому французу, когда-либо посетившему их. Г-н Гаген и офицеры гарнизона настояли на том, чтобы проводить меня до ворот, где я ещё раз поблагодарил их за любезность, и мы расстались.

Глава XII

Описание корякских саней – Передвижение на оленях – Почему опасно быть самому возниким – Визит в вождю Амуламуле – В юрте брата Умиавина – О хозяине юрты – Стада северных оленей – Юрты кочевых коряков – Горячие источники Таватомы – Горы Вилиги – Острог Туманы – Буря – Укрытие в заброшенной юрте – План моего путешествия – Иретский залив

Из четырёх солдат, сопровождавших меня, когда я покинул Каменное, со мной остались только двое — Голиков и Недорезов; остальных я оставил в Гижиге, где они жили. Однако по рекомендации господина Гагена я взял с собой молодого купца по имени Киселёв, который попросил разрешения сопровождать меня до Охотска. Во время моего пребывания в Гижиге я часто имел возможность беседовать с ним, знал цену его обществу, и считал удачей встретить такого приятного собеседника.

Я напрасно готовился вести свои собственные сани; все противились мне, опасаясь, что недостаток знаний и умения в отношении новых для меня оленей может привести к какому-нибудь несчастью; кроме того, им было прямо приказано не допускать меня, по крайней мере в первый день. Когда я подошёл к своим саням, мой проводник уже сидел впереди, и я занял свое место, не обратив на него внимания; но когда он обернулся, я узнал в нём корякского вождя по имени Эвиава. Он пылко выразил свою радость по поводу того, что ему выпала честь сопровождать меня, и мы тронулись.

Я уже давно должен был дать читателю описание корякских саней и теперь могу удовлетворить его любопытство. Картина, я надеюсь, будет достаточно интересной, чтобы быть прощённым за задержку.

На двух параллельных друг другу деревянных полозьях длиной в шесть с половиной футов, шириной в три дюйма и очень грубо обработанных, концы которых спереди загнуты вверх в виде полумесяца, помещается корпус саней, представляющий собой не что иное, как ажурную раму, длиной в пять футов и шириной в восемнадцать дюймов, приподнятую на два с небольшим фута над землёй. Два небольших шеста, около пяти дюймов в окружности, составляют раму этого транспортного средства, мелкие части которой образованы толстыми рейками, вставленными одна в другую. Поперечная перекладина, более прочная, чем эти шесты, соединяет их передние части, которые тянутся к дугам полозьев и крепятся к ним кожаными ремнями. Нижняя часть этой ажурной конструкции опирается на своего рода изогнутые ножки, нижние концы которых раздвоены и вставлены в полозья, а открытая спинка выполнена из изогнутого полукругом дерева высотой шестнадцать дюймов и глубиной двадцать четыре, с короткими перемычками, расположенными сверху, в отверстиях полукольца, почти как спинки наших кресел в саду. В этом узком пространстве путешественник обыкновенно помещает свои припасы или что-нибудь, требующее быстрого доступа. Что касается меня, то я поставил на это место свою шкатулку с депешами, и сидел на ней до тех пор, пока не занял место проводника. Его место находится в середине открытой площадки, рядом с перекладиной; он садится здесь верхом, поставив ноги на полозья саней.

Упряжка состоит из двух оленей, расположенных рядом, без всякой другой упряжи, кроме кожного ошейника и ремня, который проходит между передними ногами животного и крепится, от оленю справа, к поперечине саней, а тот, что принадлежит оленю слева — к нижней части одной из арочных опор саней с той же стороны. В качестве поводьев используются два тонких ремешка, один конец которых привязан к корням рогов оленя¹. Когда хотят повернуть вправо, возница плавно натягивают поводья в этом направлении, ударяя в то же время хлыстом животное слева. Когда надо повернуть налево, они два-три раза шлёпают поводом правого оленя. Левая вожжа не имеет никакого другого применения, кроме как в качестве узды для оленя, к которому она привязана. У водителя также есть палка, один конец которой снабжён поперечиной из кости. Один конец кости острый, и используется главным образом для того, чтобы освободить оленя от ремня во

¹ Иногда часть этого повода снабжена маленькими острыми кусочками кости, которые служат для того, чтобы подгонять тех животных, которые упрямы. Запрягая оленей, возницы стараются не ставить справа животное, которое приучено тянуть слева, иначе сани, вместо того чтобы двигаться вперёд, сразу опрокинутся. Этот трюк коряки часто проделывают с русскими, когда считают, что те с ними плохо обращаются.

время движения, если он случайно запутается вокруг его ног; это считается одним из самых главных умений погонщика. Другой конец поперечины тупой и служит для того, чтобы бить им, как кнутом; но удары, наносимые им, гораздо сильнее и к тому же раздаются так щедро, что бедные животные иногда покрываются кровью. Эти палки склонны часто ломаться, поэтому их берут с собой несколько штук про запас и крепят вдоль саней.

До самого вечера мы ехали очень медленно. Единственное неудобство, которое я испытывал, было то, что из-за отсутствия переводчика я не мог наслаждаться беседой с моим проводником-вождём. Это, несомненно, лишило меня некоторых сведений, которые он мог предоставить, и наше взаимное молчание отнюдь не делало путешествие приятнее.

Мы остановились в семь часов. Необходимо было добраться до горы, хорошо знакомой нашим корякам, и которая была отмечена в нашем маршруте как первый ночлег. Напрасно я рассчитывал на убежище в лесу, как это было в случае с собачьими упряжками. При выборе места для отдыха не учитывается удобство путешественника; считаются только с удобством оленей, и место, наиболее изобилующее мхом, всегда оказывается предпочтительным. На полпути к вершине горы наши олени были распряжены, и никто больше не заботился о них, кроме как привязать их кожаными ремнями. Они тут же нашли себе под снегом пищу. На небольшом расстоянии мы развели костёр и поставили на огонь котелок, а продолжительность нашего ужина соответствовала его скромности. Я впустил в свою кают-компанию моего коряцкого князя, который, казалось, был весьма польщен оказанной ему честью. Затем я лёг на снег, и мне было позволено поспать несколько часов; а когда время истекло, меня разбудили без всяких угрызений совести, чтобы продолжить путешествие.

Необходимо отметить, что коряки могут непрерывно путешествовать четыре, пять или шесть дней подряд, почти не отдыхая. Олени привычны бегать днём и ночью. Через каждые два-три часа их распрягают и дают покормиться в течение часа, после чего они снова отправляются в путь с таким же рвением; и это повторяется до тех пор, пока не будет пройден весь путь. Так что я считал себя счастливым, когда наступила ночь, и я мог позволить себе целых два часа непрерывного сна. Однако эта милость оказывалась мне недолго, и мало-помалу мне пришлось привыкнуть к распорядку дня моих непреклонных проводников, хотя и не без особого труда.

Прежде чем я снова сел за поводья, Эвиава сказал, что необходимо облегчить наши сани, так как вес двух человек слишком велик для наших оленей, и что если я захочу поуправлять упряжкой сам, то он пересядет на одни из тех пустых саней, которые мы взяли с собой на случай какого-нибудь происшествия или потери одного из наших оленей. Это предложение

полностью совпадало с моим желанием, так что я немедленно схватил поводья и начал свое новое ученичество.

Учиться оказалось так же трудно, как и тогда, в Большерецке, с той лишь разницей, что тогда я первый смеялся над частотой моих падений, а сейчас убедился в их опасности для жизни. Ремень от левого оленя, привязанный к опоре саней с левой стороны, почти касается левой ноги возницы, который должен быть постоянно настороже, чтобы держаться от нее подальше. По неопытности я забыл об этой предосторожности, и моя нога запуталась. Жёсткое падение или, скорее, внезапная и острая боль в ноге заставила меня непроизвольно отпустить повод, чтобы схватиться за больное место. Но как я мог освободиться? Олени, оставшись без повода, понеслись, и мои попытки освободиться только подгоняли их. Трудно представить, что я тогда вытерпел: меня тащит по снегу, голова беспрестанно ударяется о полозья, и каждую секунду я чувствую, что ногу вот-вот оторвёт! Я уже не мог кричать, Я уже почти потерял сознание, когда совершенно случайно волочащийся по снегу повод попался мне под левую руку. Я так же непроизвольно натянул его и остановил оленей. Тут же подбежали кто-то из моих людей, ожидая найти меня либо серьёзно раненым, либо вообще лишённым жизни. Но после нескольких минут обморока ко мне вернулись чувства, и я поднялся. Единственная травма, которую я получил, была сильный ушиб ноги и боль в голове, которые не имели серьёзных последствий. Радостный, что так легко отделался, я уселся в сани и продолжил путь, как будто ничего не случилось.

После этого случая я стал более осмотрительным и всякий раз, когда меня опрокидывали, немедленно останавливал своих оленей. В тот раз мне просто повезло, что они не утащили меня в горы¹. А как вообще в таком случае можно остановить оленей? Как рассказали мне коряки, на это иногда тратится три-четыре дня, а иногда их так и не удаётся догнать! Это известие заставило меня трепетать от одной только мысли, что шкатулка с донесениями, прикреплённая к моим саням, может убежать от меня каждую минуту.

Слева от нашей дороги я увидел деревню Гарманда², расположенную на берегу моря, в девяноста верстах от Гижиги. Мы подъехали к ней не ближе версты, и она показалась мне очень небольшим острогом. Ещё через три версты я увидел две юрты и шесть балаганов, в которых жили только летом.

Нам оставалось ещё семь вёрст до места, предназначенного для нашего привала — крошечной деревушки посреди небольшого леса на берегу реки Наяхан. Она состояла из одной юрты и трёх или четырёх балаганов, где постоянно жили десять-двенадцать коряков, которые оказали мне сносный

¹ Они действительно сошли с дороги, но оттащили меня от нее всего шагов на пятьдесят.

² Село в устье реки Большая Гарманда, в 1951 переименовано в Эвенск, ныне административный центр Северо-Эвенского района Магаданской области. Не путать с современным селом Гарманда, расположенным примерно в 40 км от устья реки Большая Гарманда. — прим. перев.

приём, ибо они, по крайней мере, приютили меня на ночь; что было не пустяковым удобством для человека, вынужденного спать на открытом воздухе и на снегу.

Около двух часов ночи мы послали за нашими оленями, которых накануне отвели подальше от деревни, чтобы они имели возможность покормиться и были вне досягаемости собак. Следующий день путешествия не принес ничего интересного.

Вечером Эвиава, который не очень хорошо знал, где находится юрта брата Умиавина, предложил мне подняться на гору слева, где он ожидал найти одного своего соплеменника, который мог бы указать нам нужное направление. Полтора часа мы добирались до вершины, но, оглядевшись, не нашли там никаких признаков жилья. Ночь не позволяла нам продолжать поиски. Заметив, что я устал и не расположен идти дальше, Эвиава расстроился. Тогда я предложил ему отправиться на поиски без меня, а я тем временем отдохну здесь до его возвращения. Часа через три он пришел радостный и разбудил меня. Он нашел своего друга, вождя Амуламулу со всем его стадом. Они просили меня не ехать дальше до следующего утра, так как все они хотели встретиться со мной. Признаться, я и не возражал, так как это обеспечило мне отдых почти на всю ночь.

Как только рассвело, пришли мои гости. Вождь подошел ко мне первым, чтобы по-корякски засвидетельствовать свое почтение. Приветствие сопровождалось красивой черно-рыжей лисьей шкурой — сиводушкой, которую он вытащил из своей парки и заставил меня принять¹. В ответ на эту любезность я угостил их всех водкой и табаком, которыми щедро запасся в Гижиге. Вскоре, получив необходимые сведения и поблагодарив их за доброту, мы поехали дальше.

Хотя снег был очень глубоким и совсем не твердым, наши олени бежали удивительно легко и быстро. Имея более широкие лапы, они не вязнут в снегу так сильно, как собаки. В этом их большое преимущество, так как нет необходимости идти впереди на снегоступах, чтобы расчистить им путь. Но собаки не так скоро устают и избавляют путника от неприятной необходимости останавливаться каждые два-три часа.

По дороге я убил несколько куропаток. Судя по их количеству, здешние места очень благоприятны для них. Несколько диких оленей убежали при нашем приближении, и так быстро, что я едва успевал их заметить. К счастью, обилие провизии лишило меня всякого желания охотиться на них.

¹ Это было тем приятнее для меня, что было совершенно неожиданно. Это был первый подарок, который я получил от коряка. Я бы не написал об этом, если бы, только что покинув гостеприимных камчадалов, которые осыпали меня подарками, не испытал искушения сравнить характеры этих двух народов.

В полдень мы уже видели реку Студёную, а через час после этого пересекли её и прибыли в юрту брата Умиавина, в руки которого Эвиава обязался передать меня.

Мой новый хозяин вышел встретить меня во главе всей своей семьи. Удовлетворение от встречи со мной было заметно на их лицах, и они, казалось, состязались, кто из них должен быть ближе ко мне. Речь старого князя была коротка, но полна той сердечности, которую он выказывал прежде. Всё было в моем распоряжении, и я мог пользоваться услугами его самого и его семьи. Они тут же принялись укрывать мои сани и поклажу. Кроме моих депеш у меня не было других забот, и поскольку они хотели побеспокоиться и о них, я должен был объяснить им, что никому не доверяю эту шкатулку.

Когда я зашёл в юрту, моей первой заботой было заплатить Эвиаве за провоз. У меня было двенадцать саней, каждые запряжённые двумя оленями; расстояние, которое мы проехали, было сто восемьдесят пять вёрст, и я должен был, следовательно, семь рублей сорок копеек¹. Получив эту сумму, мой добрый проводник восхитился моей щедростью. Напрасно я старался доказать ему, что заплатил не больше, чем причитается; он не мог понять моих расчётов и постоянно повторял, что никогда не встречал такого честного человека. Заплатить ему то, что я и так был обязан, было, по его мнению, актом высшей добродетели. Его чрезмерная благодарность даёт основание подозревать, что русские практикуют здесь нечто большее, чем бережливость; и становится понятно, почему путешествия в этом краю не сопровождаются большими расходами.

Эвиава и мой хозяин обедали вместе со мной. Водки не жалели, все были в хорошем настроении и мои гости признавались, что не помнят, когда им жилось так же роскошно.

Остаток дня я провёл в наблюдениях и разговорах с окружающими. Но читателю, возможно, будет любопытно узнать что-нибудь ещё о славном коряке, который принял меня с такой любезностью.

Его также зовут Умиавин, но он отличается от своего брата именем Семён, в которое он был крещён в младенчестве. Он чистосердечно признался мне, что понятия не имеет о сущности христианской религии. Об обучении этого молодого прозелита так мало позаботились, что он не знал даже самых важных положений Евангелия. Привыкнув к абсурдной смеси заблуждений шаманизма и некоторых пришлых обычаев христианства², он с радостью нашёл в своем сердце принципы естественной праведности, которыми и руководствовался в своей жизни.

¹ То есть стоимость четырёх лошадей в Сибири и на Камчатке для курьеров.

² В присутствии русских он крестится перед едой и после нее, а также когда входит в юрту.

Как и все коряки, он небольшого роста и смугл. Умное лицо и вся его внешность располагают к себе и излучают откровенность и доброжелательность, а короткие седые волосы и правильные черты лица говорят о его выдающихся качествах. Его правая рука искалечена в отчаянной схватке с медведем. Его товарищи в страхе убежали, а он остался один на один с чудовищем, и хотя у него не было никакого оружия, кроме ножа, он вышел победителем. Охота — его любимое занятие. Соплеменники считают его искусным, бесстрашным и очень удачливым охотником.

Но именно ум его наиболее достоин уважения. Он предложил один проект, который, как он жалуется, ему не позволили выполнить. Это уже говорит о его бóльшем уме и рассудительности, чем можно приписать остальным его соплеменникам. Проект этот возник таким образом.

Непокорный и ревниво оберегающий свою свободу, этот народ долгое время с трудом примирялся с мыслью быть данником России. Суровая администрация края обвинялась ими в злоупотреблении властью, и, действительно, среди многочисленных казацких урядников было немало тех, кто не испытывал никаких угрызений совести, жестоко обращаясь с этими новыми подданными императрицы.

Семён Умиавин был первым, кто выразил своё негодование. Возмущённый более беспощадностью вымогателей, чем их поборами, он говорил, что такое поведение не могло быть разрешено государыней, чья доброта и справедливость постоянно ими же превозносились. Это рассуждение побудило его природную смелость к активным действиям. Тотчас же собрав нескольких своих соплеменников, которые, как и он сам, были жертвами беззакония этих мелких тиранов, он поделился с ними своими подозрениями и планами.

«Братья мои, — сказал он, — чувствуете ли вы тяжесть ваших оков? Неужели вы родились, чтобы носить их, чтобы стать добычей этих алчных правителей, злоупотребляющих вверенной им властью, чья алчность заставляет их смотреть на нас как на собственность, которой они могут распоряжаться по своему усмотрению? Как можем мы освободиться от этого бедствия? Мы не можем прибегнуть к оружию, мы слишком слабы, а новые, ещё более многочисленные враги придут на место убитых. Но мы сможем пройти тот дальний путь, который прошли они, чтобы прийти к нам, и донесём наши жалобы до нашей государыни. Ведь от её имени, но не по её приказу, нас обижают и грабят. Этими жестокостями и коварством они оскверняют мудрость её правления. При этом её распутные посланники ещё и похваляются своим милосердием. Давайте отправимся к ней самой, броситься к ее ногам и расскажем о своих обидах. Она — наша общая мать, она услышит плач своих подданных, о которых она не может знать ничего, кроме злых выдумок своих грешных посланников».

Эта речь, которую я передал почти в том же виде, в каком она была рассказана мне Умиавином, воодушевила присутствующих своей страстью и гневом. После этого было бурное обсуждение, кто поедет в Петербург. Для миссии отобрали самых богатых и смелых. Умиавин, благодаря своему умению сносно изъясняться на русском языке, имел честь возглавить депутацию, и они отбыли, снабжённые множеством ценных вещей, которые предназначались для подарков. По прибытии в Охотск нашим путешественникам понадобилась помощь. Они обратились к коменданту с просьбой снабдить их средствами хотя бы до Иркутска. Тот разузнал в общих чертах об их замысле и, предвидя неприятности для самого себя, принял меры, чтобы расстроить их планы. Под благовидным предлогом получения сперва согласия генерал-губернатора он задержал их на несколько месяцев. Это время он использовал для того, чтобы отговорить их от поездки. Увещевания, уговоры, задабривание — всё шло в ход, но ничто не могло отговорить их от дальнейшего путешествия; они были непреклонны. Тогда применили силу и хитрость: подстроили им нарушение порядка, и в наказание они были вынуждены вернуться, испытывая обиду и унижение от того, что без всякой цели потратили большую часть своего богатства и оленей.

Этот печальный опыт не обескуражил вождя корякского союза, наоборот, он стал в его глазах ещё одним доказательством полезности его замысла и необходимости его осуществления. С этого момента он бережно хранил надежду, что когда-нибудь ему представится более удачный случай. Во время моего визита его сердце всё ещё пылало желанием предпринять эту поездку. «Да, — говорил он, — несмотря на мой возраст, я бы и сейчас отправился в путь. Мои мотивы несомненно будут иными, я уже не боюсь прежних препятствий, поскольку наше нынешнее начальство заслужило наше доверие и одобрение. Моя мечта — увидеть свою государыню! Иногда я пытаюсь представить себе её великолепный дворец, его богатство и всё, что в нём есть, и снова сожалею о том, что мне не позволили увидеть её во всем величии и славе. Если бы мы увидели её божественность и рассказали о ней нашим соплеменникам, то это наполнило бы сердце каждого уважением и покорностью. И мы бы с радостью платили всякую умеренную дань, теперь уже от любви, а не от страха, как раньше. Мы бы научили наших соседей уважать её правительство, показав им пример нашей удовлетворённости и признательности».

Мой разговор с этим добродетельным коряком почти весь был такого рода. Я посчитал себя обязанным записать его здесь, чтобы дать самое полное описание его личности. С вашего позволения я добавлю ещё один эпизод.

Расходы, которые он тогда понёс, едва не погубили его. Потребовалось значительное время, чтобы восстановить его стадо, которое за время его

отсутствия из-за небрежности и неверности тех, кому он его доверил, пришло в полный упадок. И в этот же момент он проявил поразительную щедрость. Один из его родственников за несколько месяцев до этого потерял всех своих оленей и попал в рабство. Семён Умиавин пришёл на помощь и собрал для него небольшое стадо, которое и одолжил ему без всяких процентов. Вернувшись из своего неудачного путешествия, он отказался взять его обратно, потому что оно ещё недостаточно выросло, обеспечив, таким образом, своему родичу средства к существованию.

Олени — единственное богатство для этого странствующего народа. У вождя племени редко бывает меньше двух-трех сотен, а у многих из них — три-четыре тысячи. Стадо Умиавина состояло тогда из восьми или девяти сотен оленей, вид которых доставлял мне большое удовольствие.

Вся эта масса оленей пасётся на вершине горы, недалеко от реки Студёной. Иногда вместе, а иногда порознь, они ищут под снегом мох. Изредка кто-нибудь отбивается от стада, но их всегда без труда возвращают обратно. Вечером в день моего приезда я имел возможность насладиться зрелищем ловли оленей. Сначала собрали их всех вместе для того, чтобы выбрать из них тех, которые предназначались для меня, что потребовало всего четверть часа. По особому крику пастухов прирученные олени направились к нам. Молодые и те, кто не предназначен для работы в упряжке, уходят в другом направлении. Затем от прирученных отделили слишком медлительных и чересчур беспокойных, которые тут же присоединились к остальным, а тех, кто был нам нужен, быстро отловили с помощью лассо, которое коряки бросают с необычайной ловкостью.

Обычно самок оленей не используют в качестве рабочей силы, они предназначены только для размножения. Олени спариваются осенью, а телятся весной. Молодые самцы, предназначенные для упряжки, кастрируются, как и собаки на Камчатке.

В стаде почти всегда есть три или четыре оленя, которых приучают к охоте на других оленей — диких. Способности таких животных непостижимы; они охотятся даже во время кормёжки. Если такой олень замечает дикого собрата, то он начинает, внешне не выказывая никакого интереса или удивления и не переставая щипать мох, подражать походке и движениям другого и приближаться к нему, не вызывая подозрения. Вскоре они уже играют вместе; их рога переплетаются, они бегают друг за другом, сходятся и снова расходятся. В этих весёлых забавах ручной олень постепенно подводит свою добычу под мушкетный выстрел охотника. Хорошо обученный олень может даже поймать своего собрата живым, для этого на рога первого надевается верёвка, которой он в своей игре опутывает рога другого. И чем больше усилий прилагает дикий олень, чтобы убежать, тем теснее затягивается петля и тем

сильнее ручной олень держит верёвку, чтобы дать своему хозяину время подойти. Однако часто случается, что дикий олень начинает что-то подозревать и спасается бегством.

Когда утром коряк выходит из своей юрты, олени толпятся вокруг него в ожидании питья, которое является для них высшим лакомством; это не что иное, как человеческая моча, бережно сохраняемая в сосудах или корзинах из соломы такого плотного плетения, что не пропускает жидкость. Животные так любят этот «напиток», что какое бы количество им ни давали, они выпивают его в одно мгновение.

Семён Умиавин приказал убить молодого оленя, лучшего из его стада. Его освежевали для меня, и добавили ещё половину дикого оленя, мясо которого оказалось ещё более сочным. Он дал мне также четыре очень красивые шкуры¹. Затем мы вошли в юрту, где я провёл ночь на расстеленном в углу тюфяке.

Хотя они и имеют одно и то же название, никакого сходства между жилищами кочевых и оседлых коряков нет. Не зная, как отличить жилища этих людей, русские дали им всем имя «юрта», не утруждая себя первоначальным значением этого слова, означающего подземное жилище. Юрты, о которых идёт речь — это, собственно говоря, просто постройки в виде хижин на поверхности земли. О фундаменте не заботятся, только убирают снег на месте постройки. По окружности на равном расстоянии друг от друга возводится ряд жердей, которые соединяются вместе верхушками. Эта грубая деревянная конструкция беспорядочно покрывается дублёнными оленьими шкурами от основания² до фута или двух от вершины, где оставляется отверстие для выхода дыма. От этого происходит значительное неудобство, так как ничего не защищает центр жилища от дождя и снега; между тем именно на этом месте разводится костёр и готовится пища. Семья и работники, которые заботятся о стаде, спят под «пологами», которые представляют собой нечто вроде низких палаток, расположенных по внутренней окружности юрты и напоминающих квадратные шатры чукчей.

Кочевая жизнь этого странствующего народа побудила их изобрести такой вид жилья. Поскольку перевозка их домов легка и удобна, они всегда готовы переехать на другое место. При первой же необходимости или неудобстве они разбирают свои жилища, прикрепляют шесты вдоль саней, а шкуры укладывают вместе с вещами. Затем находится новое место³, которое вскоре снова покидается для переезда на ещё более новое, и таким образом они всё

¹ Замечу, что среди шкур молодых оленей, которые мы называем «пыжиками», едва ли найдётся пара достаточно красивых для пошива шубы; все они белые.

² Юрта моего хозяина была в виде конуса около восьми ярдов в диаметре и почти такой же высоты. Окружность у основания равнялась двадцати четырем ярдам.

³ Обычно вблизи рек и на других местах, где есть достаточно мха для оленей.

время перемещаются с места на место. Их сани, поэтому, всегда стоят нагруженными рядом с жилищами, а провизия и другие предметы достаются из них только по мере необходимости.

К моему прибытию было приготовлено двенадцать саней. Первым делом Семён Умиавин заверить меня, что он сам будет моим проводником и доведёт меня, если понадобится, до Ямска. Я с готовностью принял это любезное предложение. В восемь часов утра 10 апреля мы тронулись в путь и, преодолев двадцать пять вёрст, в полдень достигли реки Таватум.

Желая увидеть поблизости горячий источник¹, на который указал мне Умиавин, я надела свои снегоступы, чтобы пешком пересечь небольшой лесок, у которого протекает ручей шириной в три сажени, впадающий в Таватум. Со своими людьми я договорился, что они перейдут через высокую гору, которая была справа, и будут ждать меня там, и тем временем накормят оленей и приготовят обед. Я пошёл в сопровождении господина Киселёва, и, пройдя две версты, мы добрались до источника.

Говорят, что он сливается из нескольких других, вытекающих из горы слева от реки. Над источником клубится густой пар, но он не имеет неприятного запаха. Вода очень горячая, и постоянно выделяет пузырьки газа. Вкус её острый и неприятный, что, по-видимому, означает, что вода содержит сернистые соли; а анализ, возможно, обнаружил бы в ней железо и медь. Несомненно, что камни, которые мы подбирали на берегу ручья, имели вулканическое происхождение, но самым необычным было то, как подействовала на нас вода из источника. Я только слегка прополоскал ею рот, а г-н Киселёв умыл лицо — и у него начала слазить кожа, а у меня как будто содрали кожу с языка и нёба, и я после этого ещё долго не мог есть ничего горячего или острого.

Удовлетворив моё любопытство, мы собрались присоединиться к нашей компании. Мы решили, что для этого нам надо перейти через гору, противоположную той, из которой вытекал горячий источник. На подъёме наши снегоступы сильно замедляли наше движение, мы сняли их и поднимались пешком. Примерно через три четверти пути, изнемогая от усталости и опасаясь, что мы ошиблись дорогой, я попросил своего спутника, более привычного к таким подъёмам по снегу, попытаться взобраться на вершину, откуда, как я надеялся, он сможет увидеть наше отряд. Это ему удалось, и после полутора часов беспокойного ожидания я увидел нашего славного коряка, шедшего мне на помощь с санями. Он сообщил мне, что на самом деле мы выбрали неверное направление, и Киселёв чуть не погиб, прежде чем нашёл наш лагерь. По прибытии мы тотчас же отправились в путь

¹ Таватумские горячие источники (60°C) известны своей высокоминерализированной водой хлоридно-кальциевого типа. Находятся на ручье Хоксичан в 2.5 км от реки Таватум и в 8 км от её устья. — *прим. перев.*

и не останавливались, пока не стало уже поздно, проехав от горячих источников Таватумы двадцать пять вёрст.

Мы наметили себе, что 11 апреля достигнем горной цепи, называемой Вилигинской хребет, но это оказалось неосуществимо. На закате дня мы могли только увидеть эти горы; однако продолжали идти вперёд, пока не подошли достаточно близко, чтобы быть уверенными, что достигнем их на следующий день рано утром.

Они казались совсем близко от нас, когда мы были ещё на расстоянии восьми вёрст. Пройдя это место, мы пересекли небольшую реку Вилигу, вьющуюся у подножия этих гор, а затем подошли к самой высокой горе, название которой, тоже Вилига, даёт название всему хребту. На первый взгляд она казалась недоступной. Перед нами открылась узкая тропа через перевал, и, доверившись нашему проводнику, мы ступили на неё. Четырёх часов едва хватило, чтобы добраться до вершины. Представьте себе огромную массив, по меньшей мере двести ярдов высотой и почти вертикальный, с выступающими из него в разных местах голыми скалами, очищенными от снега ветрами. То немногое, что осталось, делало поверхность настолько скользкой, что наши олени падали каждую секунду. Несмотря на все наши усилия, сани всё время норовили скатиться назад по крутому склону, и мы постоянно опасались, что они свалятся прямо на нас. Часто я хватался за камень, который казался надёжным, но он поддавался, и я терял равновесие. Если бы не Умиавин и мои солдаты, которые всегда были рядом со мной и вовремя оказывали мне помощь, я бы непременно упал в пропасть. Когда я добрался до вершины и посмотрел вниз, у меня закружилась голова. Я внезапно осознал, какой опасности мы избежали, и сердце моё содрогнулось.

Я был далёк от мысли, что нахожусь уже в безопасности, так как предстояло ещё спуститься вниз. Мой любезный коряк, чтобы придать мне уверенности, подробно объяснил способ, которым я должен пользоваться при спуске. Его толковые наставления успокоили меня, и я перестал бояться любого неосторожного движения. Но я всё ещё чувствовал себя неловко, так как оставил часть своего багажа у подножия горы. «У кого, — думал я про себя, — хватит теперь смелости пойти за ним?» За это дело взялся бесстрашный Умиавин и ушёл в сопровождении нескольких своих людей.

Меня мучила нестерпимая жажда. На вершине горы был снег, но не было видно ни кустика, чтобы растопить его. Надежда найти их внизу заставила меня принять решение не дожидаться Умиавина, а воспользоваться его советами и спуститься вниз самому. Мы начали с того, что распрягли оленей и привязали их к саням сзади. Затем мы уселись по двое в каждые сани и просто покатались вниз, как жители Петербурга, которые во время карнавала развлекаются таким образом на ледяных горках на берегах Невы. С помощью

наших палок мы направляли и сдерживали наши сани, и менее чем через десять минут были внизу. Мне удалось найти несколько кустиков стланика, я разжёг костёр и утолил свою жажду. Было уже два часа, а в семь мы собрались все вместе. Умиавин вернулся живой и невредимый, но был так измождён, что мы смогли продолжить наш путь только в девять часов.

На следующий день путешествие было менее утомительным, но только для нас, а не для наших оленей. Снег был глубиной более трех футов и такой рыхлый, что они проваливались по шею. Многие из них отказывались идти, и нам пришлось оставить их на дороге. Таковы неудобства, связанные с этими животными, когда вы хотите совершить долгое путешествие с короткими промежутками отдыха: если олени устали, то невозможно заставить их двигаться — приходится или останавливаться, или бросать их.

Я надеялся добраться до деревни Туманы¹ утром 14-го, и мы были уже в десяти верстах от него, когда сильный порыв ветра со снегом почти ослепил нас. Это заставило нас сбавить скорость, и мы прибыли в деревню только в четыре часа пополудни.

Она расположена к юго-западу от Гижиги, на расстоянии четырёхсот сорока вёрст, в небольшом лесу, через который протекает река Туманы. Три юрты, столько же деревянных амбаров и дюжина балаганов составляют весь острог, население которого составляет двадцать семей. Хотя река изобилует рыбой², я видел, как жители, то ли от лени, то ли от какого-то извращённого вкуса, питаются берёзовой корой, пропитанной китовым жиром.

Непогода продолжалась в течение 15 и 16 апреля; но даже если бы мы хотели, то не могли продолжать путь, так как наши олени были не в состоянии везти нас дальше. Умиавин не осмеливался признаться в этом, но его печальный вид говорил мне то, что он пытался скрыть. Когда я сказал ему об этом, он стал извиняться, как будто я имел право жаловаться, что он не может проводить меня, как намеревался, до Ямска. Мне было очень трудно дать ему понять, что я вполне удовлетворён его старанием и благодарю его за все его услуги. Мне даже пришлось изобразить недовольство, чтобы он принял кое-какие подарки, которые я считал себя обязанным прибавить к плате за провоз.

По его совету я уговорил жителей продать мне всех собак, которые у них были, но при всём их старании они могли достать только очень небольшое количество. Так что мне ничего не оставалось, кроме как запрягать молодых собак и даже беременных самок. Великодушные этих людей дошло до того, что они предложили мне часть своей сушёной рыбы, которой у них и так не было в избытке.

¹ Ныне несуществующее селение на реке Туманы в ≈15 км от устья. На современных картах о нём напоминает только название «урочище Старые Туманы». Не путать с «новыми» Туманами — маленьким посёлком на берегу моря в самом устье р.Туманы («урочище Туманы» на современных картах) — *прим. перев.*

² Мы поймали там превосходную форель.

17-го ветер стих, но небо всё ещё было затянуто зловещими тёмными тучами. Тем не менее, я простился с Семёном Умиавином и моими хозяевами в Туманах и отбыл в час дня со своим эскортом и всем моим багажом в пяти открытых санях. Каждая упряжка состояла из восьми или десяти собак. Я взял ещё одного человека себе в возничие, так как у меня уже не было ни сил, ни терпения делать этим самому; это занятие совершенно меня измотало.

Вскоре мы вышли к морю, по которому решили обойти горы на побережье, пройти которые обычным путём было чрезвычайно трудно. Не успели мы пройти и пятнадцати вёрст, частью по льду, частью по берегу, как, к счастью для нас, пришлось возвратиться, так как начался снегопад, а ветер задул с такой силой, что сбивал с ног собак и чуть не переворачивал сани. Мои проводники поздно сообщили мне об опасности, а теперь из-за боязни заблудиться предложили нам укрыться в заброшенной юрте, находившейся не так далеко и хорошо им известной.

Юрта находилась на небольшой реке под названием Йованна¹, в двадцати верстах от Туманов. Мы были сплошь залеплены снегом и сильно замёрзли, когда добрались до неё. Нам всем не терпелось спуститься вниз, чтобы укрыться от бури, но тут мы обнаружили, что вход в неё завален снегом глубиной в четыре фута. Наскоро разобравшись с упряжками, мы взяли, за неимением лопат, свои снегоступы и стали отрывать проход. Эта работа заняла у нас целый час. Там не было лестницы, но самые отчаянные прыгнули вниз, а остальные последовали за ними. Мы наткнулись на замороженные туши тюленей, некоторые были наполовину обглоданы, скорее всего, хищными зверями, которые превратили это подземное жилище в свое зимнее логово. Кожаный невод в углу юрты была единственным признаком того, что здесь жили люди. Наверное, местные коряки пользовались этой юртой в качестве склада. Все стены были в сосульках, так что, по правде говоря, жилище это больше походило на ледник. Оно было квадратной формы размером десять на десять и глубиной пять футов.

Пока мы занимались тем, что перекладывали тюленьи туши, чтобы освободить место для ночлега, проводники привязали наших собак² и дали им еду; вскоре был разведён огонь, и, согревшись и поужинав, я растянулся на кожаной сети, которую мы нашли в юрте. Тюлень под моей головой служил мне подушкой. Спутники последовали моему примеру, и, если не считать неудобством некоторую тесноту, мы провели ночь очень хорошо. Коряки жались друг к другу в своём углу и не могли вытянуться во весь рост; но они не

¹ Реки с таким (Yovanna) или похожим названием в этом районе нет. Возможно, это забытое название рек Учахон (Учусин) или Аслачан (Наслачан), которые впадают в море в указанном районе (≈20 вёрст от Туманов) — *прим. перев.*

² Снегопад был такой сильный, что эти несчастные животные были полностью погребены под снегом. Собаки, однако, привыкли к такой погоде, они сбиваются в кучу и спят; при этом не прячут свои носы, а держат их открытыми — так, чтобы тепло их дыхания проникало сквозь слой снега и создавало проход для свежего воздуха. У них хватает ума также подниматься и встряхиваться, когда снег становится слишком тяжёлым.

жаловались и, казалось, не замечали каких-либо неудобств. Они спали, сидя на корточках, как обезьяны, закутавшись с головой в парки и упёршись локтями в колени; в такой позе, как видно, им было совершенно комфортно.

На следующий день ветер не стих, но поменял направление, и это было тем более неприятно, что теперь он загонял дым в юрту так сильно, что мы были вынуждены зажигать огонь только на время готовки еды.

Я решил спастись от вездесущего дыма и выйти подышать свежим воздухом, но не успел я ступить из юрты, как меня чуть не сбило с ног. У господина Киселёва, сопровождавшего меня, ветер сорвал шапку. Он бросился было догонять её, но это было бесполезно: на расстоянии пятнадцати шагов он совершенно потерял из виду наше убежище и смог найти дорогу назад только по крикам, которыми мы его звали.

Наконец нам удалось соорудить из снега достаточно высокий вал у входа, чтобы улучшить выход дыма. Теперь мы могли жечь костёр без перерыва, днём и ночью, но, несмотря на все старания, мы все мёрзли. Теперь к холоду прибавилась ещё ужасная сырость. Огонь постепенно растопил сосульки на стенах, на наши головы постоянно капало, а под ногами потекли ручьи. Ко всем нашим несчастьям ещё начали таять тюленьи туши, распространяя зловоние. Наших собственных испарений¹ было более чем достаточно, чтобы сделать наше убежище сущей преисподней. Так как очистить воздух было невозможно, мы попытались по крайней мере избавиться от тюленей. Проводники предложили кормить ими наших собак, и я тут же согласился, тем более, что скудость наших запасов вяленой рыбы не позволяла нам транжирить. Присвоив, таким образом, себе то, что досталось нам по случайности, я, несомненно, причинил убыток неизвестным мне обитателям этой местности; но когда дело доходит до крайностей, эгоизм иногда простителен.

Сгорая от нетерпения продолжить наше путешествие, я послал своих коряков посмотреть погоду. Через пару минут они спустились, совершенно залепленные снегом, и такие замёрзшие, что не могли открыть рта. Их рассказ соответствовал их печальному виду; но из всех их восклицаний меня больше всего поразило то, что скалы, которые были в нескольких шагах от нашей юрты и хорошо различимы накануне вечером, теперь совершенно исчезли из виду.

20-го числа, когда погода стала спокойнее, и снегопад почти прекратился, я приказал готовиться к отъезду. Наши собаки были запряжены, и мы уже вылезли из юрты, когда страшный порыв ветра нарушил все наши планы. Снег повалил так же густо, как и до этого, и нам пришлось побыстрее ретироваться, радуясь, что не ушли далеко от укрытия. Почти сразу же я почувствовал себя

¹ Наша компания состояла из десяти человек, семеро из которых были коряками, чья нечистоплотность хорошо известна.

больным. Я не знаю, было ли это вызвано внезапным переходом от холода к жаре, или гнилостным воздухом, которым я дышал все эти дни, или досадой от очередной неудачи, но я пробыл без чувств почти четверть часа. Усердие моих людей проявилось и в этом случае: чтобы привести меня в чувство, один окатил меня водой, а другой так энергично натёр мне виски снегом, что, кажется, содрал кожу.

Мои размышления после этого обморока были столь же печальны, как и моё положение. Я считал, что мои планы полностью рухнули из-за всех этих препятствий и задержек, и опасался не успеть в Охотск до того, как вскроются реки. Между тем это было необходимо, если я намеревался воспользоваться санным путём, чтобы добраться до места, называемого Юдомский крест¹. Оттуда я намеревался отправиться в Якутск кружным путём по рекам Юдома, Майя и Алдан², что позволило бы мне избежать неудобств оттепели, делающей дорогу непроходимой даже для лошадей. Я понимал, что замедление даже в один день могло в результате вызвать задержку на два месяца и более. Надо было быть на моем месте, чтобы понять, насколько обескураживающей была моя перспектива; и даже опасности, которые меня окружали, страшили меня меньше.

Наконец, 21-го числа, можно было выступать. Небо всё ещё было затянуто тучами, и шёл сильный снег, но ветер стих, и мы решили отправиться в путь, несмотря на то, что опасались ещё одного урагана, который был чрезвычайно нежелателен, так как у нас не было никакой надежды найти ещё одно укрытие до самого Ямска. Мы направились к морю, по которому постоянно шли на расстоянии двух вёрст от берега; но вечером сочли благоразумным остановиться поближе. Лёд был совершенно гладким, и мы легко установили наш маленький лагерь.

На следующее утро мы поднялись довольно рано и, чтобы избежать изгибов берега, направились напрямую через море. Накануне вечером мы видели несколько бухт, но они были не так обширны, чем та, которую мы пересекли в этот день. К сожалению, порывистый ветер помешал мне рассмотреть её.

Я узнал от своих проводников, что в эту бухту впадает река Иреть, и что вход в неё почти полностью закрывается и обсыхает летом, во время отливов³. Весной он изобилует водоплавающей птицей. Жители Ямска и его

¹ Почтовый станок на Юдоме в устье р.Крестовка, с которого начинался Юдомский волок на реку Урак, впадающую в Охотское море недалеко от Охотска. На картах начала 18-го века волок между реками обычно обозначали крестом, отсюда и название. В 1727 году здесь умер и похоронен геодезист и исследователь Ф.Ф.Лужин. — *прим. перев.*

² Хотя этот кружной путь составлял более семисот вёрст, скорость течения этих рек гарантировала мне быстрое плавание, благодаря которому я получил бы значительное преимущество во времени, помимо удовольствия наслаждаться первыми проявлениями весны.

³ На самом деле это даже не бухта, а обширный Иретский Лиман площадью ок. 65 кв. км, отделённый от моря Иретской косой с очень узким входом, не более полукилометра шириной и двух метров глубиной. Средняя величина приливов составляет здесь 4 метра. — *прим. перев.*

окрестностей ловят их сетями и бьют палками в сезон линьки. Мелководность бухты, которая во всех местах пригодна для брода, тому благоприятствует.

С наступлением ночи мы вышли на берег и остановились до утра в хвойном лесу на берегу реки Иреть.

23-го апреля не было ничего примечательного. Сильный ветер обрушился на нас посреди равнины, простиравшейся на двадцать пять вёрст. Я опять взялся идти по компасу, но не прошли мы и пятнадцати вёрст, как небо вдруг прояснилось. Тут мы встретили сержанта с донесениями из Охотска, а чуть дальше вышли на реку Яма верстах в трёх от её устья. Мы последовали по ней, по пути миновав справа летнее жилище рыбаков.

Глава XIII

Прибытие в Ямск – Одежда кочевых тунгусов – Гора Бабушка – Острог на р. Средней – Река Сиглан – Ола, тунгусская деревня – Тунгусские юрты – Женское кокетство – Особенности и характер тунгусов – Препятствие в виде разбитого льда – Проходим скалу по ледяному карнизу – В якутском доме – Острог Тауйск – Деревня Горбея – Иня.

Через шесть вёрст мы подошли к острогу Ямск, который находится более чем в ста пятидесяти верстах от Туманов. У нас почти кончились сухари, и мы были вынуждены не только заночевать там, но и оставаться значительную часть следующего дня, чтобы пополнить запасы провизии. Сержант, командовавший гарнизоном из двадцати человек, принял меня вежливо. По рекомендации коменданта Гижиги он старательно снабдил меня всем, в чём я нуждался, и дал необходимые мне сведения.

Ямский острог находится на берегу реки, в десяти верстах от её устья, где она образует бухту, пригодную, по-видимому, для якорной стоянки. Однако изрезанный берег и множество отмелей у входа в бухту делают ее довольно опасной, так как проход для судов узок и заставляет корабли часто лавировать или ложиться в дрейф в ожидании благоприятного ветра, чтобы пройти над отмелями, что почти невозможно при боковом ветре. Очевидно, что если бы это место было более населённым и посещаемым, то кораблекрушений было бы больше¹.

В Ямске всего двадцать пять деревянных домов, часть их, вместе с церковью², окружена квадратным частоколом, как в Гижиге, но не таким

¹ Несколько лет назад здесь потерпело крушение судно из Охотска. Весь груз, состоявший из провизии, был потерян, а экипаж почти весь погиб.

² Все оседлые коряки между Гижигой и Ямском крещены. На эти два населённых пункта всего один священник, постоянно живущий в Гижиге. Изредка он совершает объезд своего округа, который простирается до острога Тауйск, с которого начинается уже Охотская епархия.

высоким и толстым. Население составляет двадцать семей, образ жизни у них русский.

У них я увидел новый для меня способ добывания соли. Они собирают на берегу древесину, которую море выбрасывает на берег, высушивают её и сжигают, пепел затем кипятят, в результате в осадке остаётся очень чистая соль.

За два дня до моего приезда из Ямска отбыл отряд кочевых тунгусов. Чтобы утешить меня от разочарования, что я их упустил, я был удостоен лицецерения их парадного платья, как мужчин, так и женщин. Они не носят никаких рубашек, но есть что-то вроде фартука, застёгнутого сзади и спускающегося до колен. Он расшит оленьим волосом и украшен разноцветным стеклянным бисером, снизу приделаны пластинки из железа и меди и множество маленьких колокольчиков. Под этим фартуком они носят что-то вроде штанов из кожи, а ноги их обуты в высокие расшитые сапоги мехом наружу. На плечах длинный камзол, к концам рукавов которого пришиты перчатки, с отверстием под запястьем, чтобы удобнее было их стягивать. Этот камзол, плотно облегающий грудь и фигуру, заканчивается около середины бедра и также украшен вышивкой и бисером. С поясницы свисает хвост длиной в два фута. Он сделан из шерсти, окрашенной от разные цвета. Головной убор представляет собой небольшую круглую шапочку с клапанами, прикрывающими уши. Вся одежда сделана из шкуры молодого оленя и отделана соболями, выдрами или другими столь же ценными мехами.

Одежда женщин почти такая же, за исключением того, что у них нет ни хвоста, ни перчаток, а в темени их шапочек есть небольшое отверстие около двух дюймов в диаметре, очевидно, чтобы пропускать в него волосы.

Таков парадный костюм этого народа. Зимой они одеты в толстую меховую одежду, при этом аккуратны и стараются не повредить её; как только они входят к себе в юрту, то меняют платье на какие-нибудь старые одеяния; а часто вообще раздеваются догола.

В этот день солнце светило в полную силу, возвещая о приближающейся оттепели. Поэтому я не преминул запастись в дорогу пластинами из китовой кости, которые в случае необходимости можно будет прикрепить к полозьям саней. По совету местных жителей, основанному на опыте путешествий в это время года, я решил ехать ночью и отдыхать днём, когда солнце будет в разгаре. Мы выехали из Ямска в одиннадцать часов вечера, наш караван состоял из девяти больших саней, называемых нартами¹.

На рассвете мы достигли подножия горы в пятидесяти верстах от Ямска. Коряки дали ей название Бабушка. На вершине, говорят они, — могила старой

¹ Плата за провоз здесь такая же, как и на Камчатке для обычных саней, хотя упряжки нарт состоят из вдвое большего количества собак.

колдуньи, знаменитой и грозной. Мои проводники утверждали, что это высочайшая гора в этой части света, но их суеверные страхи, по-видимому, преувеличивали её высоту, так как, по моему мнению, Вилига гораздо выше, по крайней мере, мне было труднее подняться на неё. Добравшись до вершины Бабушки, они надели на обувь железные скобы с шипами и закрепили поперек саней, под полозьями, довольно большие палки, чтобы уменьшить скорость спуска. Более ничего, кроме того, чтобы направлять нарты с помощью «остолов» — палок с железными остриями, не понадобилось, и мы добрались вниз без всяких происшествий. Местные жители, однако, считают этот спуск опасным, особенно когда неровности склона заполнены снегом, под которым остаётся много невидимых расщелин и обрывов, которые, я склонен полагать, могут оказаться смертельными для путешественников.

По всей вероятности, страх, который коряки испытывают перед этой бабушкой, возник следующим образом. Как естественный результат их предрассудков, они склонны к актам благодарности в тот момент, когда оказываются вне опасности. На вершину холма, где, как они полагали, спала колдунья, мои коряки привезли свои подношения: табак, кусочки рыбы, обломки железа и т.д. Другие до нас тоже оставляли там старые железяки, сломанные ножи, стрелы и т.п. Я увидел чукотское копье, украшенное слоновой костью, и подался было вперёд, чтобы схватить его, но коряки закричали на меня. «Что ты делаешь?! — воскликнул один из них. — Ты хочешь нас погубить?! Такое кощунство навлечёт на нас величайшие несчастья! Мы все погибнем в пути!». Я мог бы, конечно, посмеяться над боязливым прорицателем, если бы не нуждался в помощи этих людей. Чтобы не потерять её, приходилось уважать их заблуждения; потому я сделал вид, что осознал грозящую нам опасность, но как только они отвернулись, я улучшил момент и стащил эту «ужасную» стрелу, как памятник их глупого легковерия.

Следующее селение, которое было на нашем пути, был острог Средний¹, в его положении есть что-то живописное, он находится на берегу моря, у входа в глубокую бухту, в которую впадает небольшая река. Вода в бухте свободна от какого-либо солоноватого привкуса. Коряки, населяющие деревню, приняли меня с большой сердечностью. Я отдохнул несколько часов в одной из двух юрт, которые вместе с несколькими амбарами составляют весь острог. Юрты эти построены так же, как и юрты оседлых коряков, с той лишь разницей, что они не подземные, и вход у них расположен на уровне земли. У этих берегов водятся разнообразные съедобные моллюски, они являются главной пищей местных жителей.

¹ Несуществующее ныне селение у узкого входа в бухту (или, скорее, лагуну) Средняя, залив Бабушкин. Лагуна на самом деле весьма мелководная. Поселение коряков было там ещё задолго до прихода русских — в XIII-XVI веках. — *прим. перев.*

Мы выехали вечером со свежими собаками и проехали восемь вёрст по реке Средней. Лёд в некоторых местах ломался под нашими санями, но смелость и ловкость моих проводников справились с этими препятствиями. Если им надо было выйти на берег, они предусмотрительно надевали свои снегоступы, чтобы иметь более широкую опору на хрупком льду. Но самым большим неудобством был скользкий лёд; собаки не могли удержаться на ногах и ежеминутно падали.

Ещё до полудня 26-го числа мы достигли острога Сиглан¹, последнего на корякских землях, расположенного на реке с тем же названием. Он находится в семидесяти семи верстах от Среднего и не отличается от него ни размером, ни населением. В нём есть только одна юрта, построенная на якутский манер; описание её я отложу до моего прибытия к этим людям. Мы задержались в Сиглане, чтобы поработать с нашими санями, а именно — закрепить под полозьями пластины из китовой кости, которые стали необходимы на рыхлом снегу, и уехали в пять часов вечера.

Сначала мы пересекли бухту, названную по имени деревни. Она была большой и хорошо защищённой, за исключением, кажется, юга и юго-востока. Берега её весьма высокие, а сама бухта так широка, что мы добирались до её западного мыса целых восемь часов². Дальше я обнаружил ещё один изгиб береговой линии, ещё более значительный, называемый бухта Ола³. Несмотря на скорость нашего бега, мы десять часов пересекали её в самой широкой части.

27 апреля, около трёх часов пополудни, я остановился в Оле, тунгусской деревне в ста четырнадцати верстах от Сиглана. Она расположена на песчаной равнине в устье реки Ола, которая, расширяясь в этом месте, образует небольшую гавань, у оконечности которой в зимнее время укрываются тунгусы. Два дня назад они переехали оттуда в деревню, состоящую из десяти юрт, в которых будут жить, пока стоит тёплая погода.

Эти юрты не подземные, как у камчадалов и большинства оседлых коряков; они также длиннее и выше. Стены опираются на толстые столбы, а в верхней части крыши узкая щель, которая тянется через всю крышу; очаг также вытянут во всю длину дома. В восьми футах над огнём, который поддерживается всё лето, они вешают на поперечные балки весь свой запас рыбы и тюленей, чтобы высушить и закоптить их, и это на самом деле главное преимущество таких домов. С помощью пары дверей в противоположных сторонах юрты они могут заносить огромные куски дерева, целые деревья для

¹ Сиглан - несуществующее ныне селение. — *прим. перев.*

² На самом деле Лессепс говорит тут не о бухте Сиглан, которая в самой широкой её части не превышает 3-х километров, а о заливе Забияка (тогда его ещё так не называли), в который открывается эта бухта. — *прим. перев.*

³ На самом деле, так же, как и в предыдущем случае, речь тут идёт не о бухте (лимане) Ола, размер которой не превышает нескольких километров, а о северо-восточной части Тауйской губы, ширина которой в этом месте (от мыса Таран до села Ола) составляет ок. 55 км, что вполне соотнобразуется с 10-тичасовым переездом через неё. — *прим. перев.*

очага. У каждой семьи есть своя постель в маленьких отдельных пологах по бокам жилища. Юрта, в которой я побывал, была разделена на отдельные комнаты, стены которых были сшиты из выделанных рыбьих кож, сшитых вместе и окрашенных в разные цвета. Этот необычный гобелен весьма хорошо выглядит.

Зимние юрты круглые и построены на земле, как и летние. Стены сложены из больших вертикальных брёвен, крыша наклонная, как у нас, с отверстием в верхней части для выхода дыма. У них есть дверь, на одном уровне с фундаментом. Чтобы дым выходил лучше, некоторые из юрт имеют внутри своего рода коридор для прохода воздуха.

Вскоре после моего прибытия в Олу, ко мне пожаловали несколько женщин, некоторые были одеты по-русски, а другие — по-тунгусски. Я выразил своё восхищение их красотой и узнал, что это был деревенский праздник; я также понял, что это было их своеобразным кокетством — появляться в своем лучшем наряде перед незнакомцами. Из их самых любимых украшений предпочтение, по-видимому, отдаётся вышивкам из стеклянного бисера. Некоторые из них сделаны с хорошим вкусом; на сапоге одной молодой девушки я видел вышивку, восхитившую меня своим изяществом; но и она не могла поспорить с красотой ножки, обтянутой чем-то вроде кожаных панталон, поверх которых свисала коротенькая юбка.

Есть поразительное сходство между тунгусами и ламутами, у них схожие черты лица и один и тот же язык. Мужчины крепки и хорошо сложены; некоторые женщины имеют азиатскую внешность, но не плоский нос и широкое лицо, как у камчадалов и большинства коряков. Мягкость и гостеприимство, по-видимому, являются характерными качествами этих людей. Они искренне хотели мне помочь, но возможности их были так невелики, что они могли заменить только часть моих собак.

Покинув деревню, мы двинулись дальше по морю. Нас сильно беспокоило состояние льда той ночью, частые звуки от образующихся в нём трещин, которые мы слышали под собой, отнюдь не рассеивали наши страхи.

На рассвете мы достигли берега и взобрались на крутой мыс. Подъём был так сложен, что мы дали себе семь часов отдыха, прежде чем снова выйти к морю, но спуск оказался ещё более трудным, чем представлялось. Нам пришлось пробираться через берёзовый лес. Один из проводников, был сбит санями, которые врезались в него, когда он поворачивал. Он попытался ухватиться за ствол дерева, но, к несчастью, упал на острие своего остола, которое вошло ему в бок; он также сильно ударился головой, и нам пришлось посадить его на одни из грузовых нарт.

У подножия горы мы столкнулись с ещё одним затруднением — лёд на море был разбит. Как же рисковали мы ночью! Мои проводники были напуганы не

меньше, чем я сам. «Что же теперь будет? — восклицали они. — Нам как раз предстоит самая опасная часть пути!». Скрывая свое беспокойство, я попытался ободрить их. Некоторое время мы продолжали свой путь вдоль берега; печальное молчание царило среди моих людей, на лицах их застыло выражение ужаса.

Примерно через полчаса человек во главе нашего отряда вдруг остановился, воскликнув, что дальше идти нельзя. Сначала я подумал, что он преувеличивает трудности от страха, и послал моего солдата Голикова с одним из самых опытных моих проводников, чтобы узнать в чём дело. Они вскоре вернулись и подтвердили дурную весть. Голиков посоветовал вернуться и попытаться найти дорогу по суше, но мои проводники отвергли его совет, заявив, что с этой стороны почти невозможно взобраться на гору, которую мы только что миновали, и что даже если нам это удастся, путь будет слишком трудный, а также опасный из-за быстрой оттепели и их плохого знакомства с местностью. В заключение они предложили бросить сани, взять только самое ценное из моего имущества и пересечь залив, перепрыгивая с одной льдины на другую. Но течение уже начало приводить их в движение, льдины стали отделяться друг от друга, поэтому я не проявил большой охоты к такому способу передвижения, к которому, однако, часто прибегают местные жители. Я не знал, что мне делать дальше, и в конце концов решил сперва попробовать найти какую-нибудь подходящую тропинку вдоль воды.

Берег, который я увидел, представлял собой непрерывную скалу, отвесно падающую в море, и, естественно, не имеющую ни малейшего намёка на какую-нибудь тропку. Море, унеся с собой горы льда, сковывавшего его поверхность, оставило на скале горизонтальную ледяную полку не более двух футов шириной, а местами не более одного, и едва ли один фут толщиной. В восьми футах под этим своеобразным карнизом ревели волны, бьющиеся о скалу, и всюду в море виднелись бесчисленные рифы и отмели в нескольких футах под его поверхностью.

Я не стал отвлекаться на столь драматическое зрелище и забрался на сомнительный карниз. Прочность его показалась мне достаточно убедительной, и я осторожно двинулся по нему, повернувшись лицом к скале. На ней не было ничего, за что бы можно было зацепиться руками, но время от времени попадались узкие полости, в которые я втискивался, чтобы перевести дух. В карнизе то и дело попадались небольшие щели, а в некоторых местах лёд полностью отсутствовал, оставляя брешь длиной в два-три фута. Признаться, сначала мне было страшно, и я перешагивал через них, дрожа от волнения: малейшее неверное движение, самая незначительная случайность могли погубить меня. Мои спутники смотрели на меня, затаив дыхание. Это продолжалось с три четверти часа, в конце концов я достиг другого конца

скалы, и не успел я туда добраться, как уже забыл об опасностях и думал теперь только о своих депешах. Они остались под присмотром моих людей, но только я один мог взять на себя ответственность за их сохранность. Проведённый мною эксперимент ободрил меня, и, гордясь своим достижением, я без колебаний проделал обратный путь.

Мои люди, однако, осудили моё поведение, назвав её безрассудством; они, кажется, даже удивились, увидев меня снова. Я не скрывал от них, что этот путь опасен. «Но если со мной ничего не случилось, то почему же, — спрашивал я их, — вам не последовать за мной? Я ещё раз попытаюсь это сделать и надеюсь, что по возвращении ваши опасения развеются, и вы будете готовы последовать моему примеру».

Не теряя времени, я взял свой кожаную сумку и шкатулку с депешами. Два моих солдата, Голиков и Недорезов, ловкость которых была уже испытана, согласились сопровождать меня. Без их помощи, я думаю, было бы невозможно сохранить этот драгоценный груз; мы несли его по очереди, передавая друг другу или оставляя его в углублении скалы для идущего следом. Я не могу выразить словами, что я чувствовал всё это время; каждый раз, когда несущий его переступал через разрывы в карнизе, мне казалось, что шкатулка вот-вот упадёт в море. Двадцать раз она был на грани того, чтобы вырваться из наших рук, и я чувствовал, как кровь застывает в моих жилах, как будто я видел саму смерть, глазеющую на меня из бездны под ногами. Действительно, я не могу сказать, что бы я сделал от отчаяния, если бы имел несчастье потерять её. Я не успокоился, пока, наконец, не положил бесценный груз в безопасное место.

Очередная удача внушила мне такую уверенность, что я уже не сомневался в возможности перенести таким же образом наши сани. Я поделился своими соображениями с моими солдатами: воодушевлённые моим примером и успехом их первой попытки, они бодро вернулись со мной за нашими упряжками. По моему приказу часть собак распрягли; затем к четырем углам саней привязали длинные кожаные ремни, которые я велел держать тем, кто шёл впереди и позади каждой нарты. Вскоре мы убедились в полезности этой меры предосторожности; наши сани иногда были шире карниза и, следовательно, держались только на одном полозе, так что без надёжной поддержки груз неминуемо опрокинул бы их в воду. В иных местах карниз, как я уже говорил, полностью исчезал, тогда нужно было быстро приподнимать их на руках. Мускулистые руки моих проводников едва справлялись с весом, и иногда мы все спешили друг друга на помощь. Ко всем трудностям прибавлялось то, что не было никакой возможности удержаться за скалу; кроме того, мы постоянно боялись, что один из нас утянет вниз другого или что карниз вдруг обломится под нашими ногами.

Затем мы ещё раз вернулись за остальными собаками. Казалось, эти бедные животные лучше нас понимали степень опасности, так сильно они лаяли и не желали идти, особенно в трудных местах. Бесполезно было подбадривать их голосом, нужно было подгонять их ударами или силой тащить за собой. Среди них было четверо, которые от неловкости или страха не могли перепрыгнуть, через разрывы карниза, как остальные. Один пёс погиб на наших глазах, и у нас не было возможности помочь ему¹, второй удержался за лёд передними лапами, и одному из проводников, при поддержке своего товарища, удалось спасти его; ещё двоих удержали от падения за их постромки.

Эти переходы туда и обратно стоили нам семи часов непрерывного труда и волнений. Как только мы оказались вне опасности, мы возблагодарили небеса, как и всякие, спасшиеся от смерти. Мы все крепко обнялись, словно каждый из нас был обязан своему товарищу спасением жизни. Короче говоря, счастье наше было так велико, что у меня не хватает слов, чтобы описать его!

Мы поскорее исправили беспорядок в нашем снаряжении и немедленно двинулись по каменистой дороге, ширина и твёрдость которой избавили нас от всякого беспокойства. Примерно через два часа, на небольшом расстоянии от острога Армань², мы встретили несколько упряжек, возвращавшихся пустыми в Олу, и которые, конечно, не имели другого пути, кроме того, которым мы только что проехали. Мы рассказали проводникам об ожидающих их трудностях и пожелали им такого же успеха.

Деревня Армань находится в восьмидесяти верстах от Олы. Она состоит всего из двух юрт, летней и зимней, расположенных на берегу одноимённой реки. Мы проехали ещё триста шагов до дома одного якута, где, как мне сказали, я найду себе хорошее жилье. В этой юрте, стоявший посреди большого хвойного леса, он жил уже тридцать лет.

В его отсутствие меня с величайшей сердечностью приняла его жена. Она предложила нам молоко и кисловатый напиток, приготовленный главным образом из кобыльего молока, под названием «кумыс». Вкус его был вполне приятен, и мои русские, несмотря на своё суеверное отвращение ко всякой еде, которую доставляет лошадь, очень любили его. В это время приехал муж, почтенный старик, но ещё полный сил и здоровья. Жена и Голиков, который, будучи уроженцем Якутска, служил переводчиком, сообщили ему о цели моего путешествия, и мой хозяин тотчас же убрал самое почётное место в комнате, чтобы я мог отдохнуть. Вскоре меня разбудило приглушённое мычание стада, вошедшего в юрту. Оказалось, что со мной делили жилище восемь коров, бык и несколько телят. Несмотря на такое общество, здесь царил чистота, а воздух

¹ Это была настоящая потеря для моих проводников: есть собаки по цене до пятидесяти рублей, и ни одна из них не продаётся меньше чем за пять.

² Армань – ныне существующий посёлок в устье одноимённой реки, впадающей в Амахтонский залив. – *прим. перев.*

был свежим. Этот якут не тратит жизнь, подобно корякам и камчадалам, на ловлю и заготовку рыбы — пищи, которой он придаёт мало значения; охота и уход за скотом занимают всё его время и удовлетворяют все его потребности. Кроме стада, у него есть ещё десять лошадей, которых он использует для различных целей и которые содержатся в загоне на небольшом расстоянии от юрты. Каждая вещь в его жилище удобна и радует глаз. Я не знаю, что придавало особое очарование нашей трапезе — вид стада, изобилия на столе или превосходные молочные продукты, но мне показалось, что это было самое роскошное застолье из всех, на которых я присутствовал за долгое время. Хозяин дома был так любезен, что перед отъездом добавил к моему запасу провизии немного дичи.

Мы расстались в тот же вечер, довольные друг другом. Ехали мы всю ночь и утром прибыли в острог Тауйск, находившийся на расстоянии сорока двух вёрст. Этот острог, где, согласно намеченному нами плану, мы провели весь день, расположен на реке Тауй¹. В нём около двадцати изб, небольшая церковь, обслуживаемая священником из Охотска, и здание для приёма ясака, окружённое частоколом в виде бастионов. Все население состоит из двадцати якутов и несколько коряков с двумя вождями, которые поселились там, привлечённые удачным расположением острога. Гарнизон состоит из пятнадцати солдат, которыми командует сержант Охотин, в доме которого я остановился до вечера.

Ночью мы проехали через деревню Горбея², населённую якутами и несколькими коряками. На рассвете мы потеряли море из виду. Некоторое время мы шли по берегам реки Тауй и постепенно продвигались все дальше вглубь материка. В течение 1 и 2 мая мы путешествовали по равнине и по реке Кава³, не видя ни одного жилья.

В тот самый момент, когда мы собирались остановиться посреди хвойного леса, поднялся сильный ветер со снегопадом. Мы укрылись под палаткой, растянутой над грузовыми нартами. Нужно было как-то развести костёр. Проводники, взявшиеся добывать дрова, погружались в снег по пояс и даже на снегоступах проваливались по колено. После полудня ветер переменялся, и небо прояснилось. Мы тотчас же тронулись в путь, но глубокий снег заставил нас по очереди протаптывать путь для собак.

¹ Тауйский острог был основан в 1653 году русским землепроходцем Михаилом Стадухиным в устье реки Тауй, где его и посетил автор. Сейчас примерно на этом месте находится село Балаганное. В конце XVIII века Тауйск был перенесён восточнее и ныне располагается в устье реки Яна, впадающей в Охотское море. — *прим. перев.*

² Горбея (тж. Гэрбэй, Гырбей, Горбей, Гарбей, Горбейская, автор называет её Gorbé) — несуществующее ныне поселение. Оно находилось в устье реки Тауй на правом берегу примерно напротив Тауйска. Отмечено на многих старых картах, как российских, так и зарубежных (Gorbeya) вплоть до 1940-х годов. По некоторым данным, на этом месте сейчас находится метеостанция. — *прим. перев.*

³ Реки Кава и Челомджа, сливаясь, образуют реку Тауй в ~60 км от её устья. — *прим. перев.*

Утром 4 мая мы перевалили через гору Иня¹, в двухстах двадцати верстах от Тауйска. По высоте её можно сравнить с горой Бабушка. Когда мы достигли вершины, холод пронзил нас до такой степени, что мы остановились, чтобы разжечь огонь и согреться. Примерно через пять часов мы вышли на берег моря и в вечерних сумерках прибыли в деревню Иня.

Этот острог находится в тридцати верстах от гор, которые мы пересекли и населён русскими и якутами, чьи жилища — избы и юрты. Их стадо из двухсот лошадей мы видели в десяти верстах от деревни. Я намеревался лишь сменить упряжки и немедленно снова пуститься в путь, но нас задержала неожиданная трудность: начальник этого места оказался мертвецки пьян, и только через час настойчивых поисков нам удалось раздобыть достаточное количество собак.

В двадцати пяти верстах от Ини мы миновали две юрты, населённые якутами и тунгусами. Эта деревушка называется Ульбея². Здесь я оставил мои экипажи под присмотром моего верного Голикова с приказом следовать за мной как можно скорее, а сам с Недорезовым отправился далее. Через некоторое время мы встретили несколько конвоев с мукой, которая должна была быть распределена в соседних деревнях и превращена в сухари для снабжения кораблей господина Биллингса, о котором мне вскоре представится случай рассказать.

Мы снова подошли к берегу, и прошли по нему сорок семь вёрст. За это время я увидел множество тюленей и выброшенного на берег кита. На вершине горы под названием Марекан³, то есть на расстоянии двадцати пяти вёрст, я имел удовольствие видеть город Охотск⁴, но тут поднялся сильный ветер, который заставил меня опасаться новой задержки. Я решил продолжить наш путь, несмотря ни на что. Однако мужество моё не было подвергнуто испытанию; прежде чем мы достигли берега, погода успокоилась, и я смог удовлетворить свое любопытство, осмотрев обломки судна, выброшенного на берег. Осторожно⁵ перейдя реку Охоту, мы вошли в Охотск 5 мая, в четыре часа пополудни.

¹ Собственно, это не отдельная гора, а небольшой отрог хребта Сунтар-Хаята – Хейджанская гряда, выходящая к Охотскому морю в районе между нижним течением реки Иня (к востоку от неё) и верховьев р.Кава. – *прим. перев.*

² Ульбея - посёлок возле устья одноимённой реки. Ныне заброшен. – *прим. перев.*

³ Гора высотой 103 метра на мысу Марекан. – *прим. перев.*

⁴ В 1815 году Охотск был перенесён на его современное место. – *прим. перев.*

⁵ Лёд прогибался под нашими санями на каждом шагу.

Глава XIV

Прибытие в Охотск – Визит к госпоже Козловой – Не можем купить оленей – Описание Охотска – Отъезд из Охотска – Опасная ситуация на реке – Протест проводника – Вынужден вернуться в Охотск – Известие о прибытии г-на Козлова в Гижигу – История торговли в Охотске – Администрация Охотска – Экспедиция г-на Биллингса – Ледоход на реке Охота – Голод долгой зимой – Подготовка к отъезду.

Я остановился у дома майора Коха¹, которому было поручено командование в отсутствие господина Козлова, прибытия которого он давно ожидал. Письмо коменданта сообщало ему о причине нашего расставания, и я вкратце рассказал ему о печальных обстоятельствах, сопровождавших его. Я поспешил засвидетельствовать моё почтение госпоже Козловой и передать доверенные мне пакеты, но она была в деревне в четырёх верстах от Охотска, а я так устал, что господин Кох не разрешил мне нанести ей визит в этот день. С письмами и моими извинениями был отправлен посыльный, а я назначил свой визит на следующий день. Полагая, что я главным образом нуждаюсь в отдыхе, майор любезно проводил меня в предназначенную мне квартиру в доме господина Козлова. В ней я нашёл все удобства, которых был лишён с тех пор, как покинул Гижигу. Я не спал в постели на протяжении трехсот пятидесяти лье, за исключением одного раза в Ямске.

Как только я встал утром, меня навестил господин Кох, а также главные чиновники и купцы города. Среди них был и господин Аллегретти, хирург экспедиции господина Биллингса. Судя по лёгкости, с которой он говорил по-французски, я принял бы его за соотечественника, если бы он, представившись, не сказал, что он итальянец. Моя встреча с ним была тем более удачной, что меня беспокоила возобновившаяся боль в груди. Я тут же посоветовался с ним и рад возможности заявить, что благодаря его искусству и заботе, которой он окружил меня во время моего пребывания здесь, я совершенно излечился.

Господин Кох пригласил меня к себе на обед, где я имел возможность познакомиться с ним поближе². Он был так любезен, что составлял тысячи планов развлечений, которые он охотно сообщал в надежде побудить меня остаться с ним.

Если бы мой долг не запрещал всякую самовольную задержку, я, наверное, не смог бы устоять перед настойчивостью его приглашений и очарованием его

¹ Иван Гаврилович Кох (ум.1811), коллежский ассессор, исполняющий обязанности правителя Охотской области в 1786–1793 годах. – прим. перев.

² Г-н Кох родился в Германии и говорил по-русски так же свободно, как и на своём родном языке; ему нужно было только немного больше уверенности, чтобы так же хорошо изъясняться по-французски. Он давно уже поселился здесь с женой и тремя детьми, где живёт в мире, окружённый своей маленькой семьёй и уважением окружающих, и счастливый тем, что его положение даёт ему возможность творить добро.

общества; но верный оказанному мне доверию, я должен был пожертвовать своими желаниями и отдыхом ради быстрого путешествия. Я убедил в этом своего хозяина, и, уступая моим доводам, он удовлетворился моим стремлением покинуть его и даже поддержал моё рвение, пунктуально предоставив мне всё необходимое для скорого отъезда.

Всё время моего пребывания в Охотске не прекращался дождь, а люди, посланные обследовать дороги, считали их непроходимыми, по крайней мере для собак. Судя по их донесениям, ежедневное приближение оттепели лишало меня всякой надежды продвинуться дальше, разве что с помощью оленей, и потому господин Кох послал гонца к племени кочевых тунгусов, покинувших Охотск за несколько дней до этого, чтобы найти для меня этих животных.

Приняв эти меры, майор сопровождал меня в Булгин¹, в загородный дом госпожи Козловой, которая приняла меня как друга и соратника своего мужа. Её супруг был предметом всего нашего разговора. Сначала она потребовала рассказать о наших трудностях в то время, когда мы расстались. Напрасно я старался смягчить в своем описании те обстоятельства, которые могли произвести на нее слишком сильное впечатление; ее чуткость подсказала ей, что я боюсь причинять ей боль, и это только ещё больше встревожило её. Я не очень хорошо знал, как утешить её, так как сам тревожился за её мужа; но с помощью господина Коха мне удалось придать разговору необходимую долю спокойствия. Я старался делать лишь предположения, а майор, со своей стороны, упоминал различные утешительные обстоятельства, и в конце концов мы восстановили спокойствие в душе этой любящей женщины, обнадежив её скорым приездом господина Козлова. Эта дама родилась в Охотске и, по-видимому, получила прекрасное образование; она изящно говорила по-французски. В уединении своем она больше всего радовалась тому, что воспитывала трёхлетнюю дочь, точную копию своего отца.

Совершив все свои визиты к офицерам гарнизона, я вернулся в Булгин, как и обещал, чтобы отобедать с госпожой Козловой. Она передала мне письма к своим родственникам в Москве.

На следующий день прибыл наш посыльный, но он не смог догнать тунгусов, они разъехались по своим кочевьям. Наша надежда найти оленей на этом закончилась. Между тем я понимал, что откладывать отъезд нельзя, так как дороги с каждым днём становились всё хуже. «Чем дольше я буду ждать, — сказал я себе, — тем меньше будет шансов добраться до Юдомского Креста до того, как реки совсем вскроются, и тем больше будет опасность, что меня остановят паводки. С этими размышлениями я вновь стал умолять господина Коха позволить мне продолжить путь. Напрасно он перечислял все те

¹ Поселение Булгин образовалось 1770-х годах в 4 верстах на С.-В. от Охотска и было любимым местом отдыха жителей города, своего рода «дачами». В 1792 г. там была построена часовня, и Булгин стал селом — *прим. перев.*

многочисленные неприятности, которые мне предстояло пережить, препятствия, с которыми я должен был столкнуться, опасности, которым я должен был подвергнуться, так как время года было слишком позднее, чтобы путешествовать на санях, но я настаивал на своем решении. Наконец он уступил и пообещал отдать необходимые распоряжения, чтобы ничто не могло помешать моему отъезду на следующий день, при условии, что я вернусь, как только окажусь в неизбежной опасности. Я был рад получить свободу и согласился на всё, что он предлагал. Остаток дня я провёл, прогуливаясь по городу, чтобы дать его описание, в сопровождении нескольких человек, которые могли помочь в моих изысканиях.

Вытянутый в длину, город Охотск простирается почти по прямой линии с востока на запад; море находится на юге в ста ярдах от домов, берег твёрдый, каменистый; на севере стены острога омываются рекой Охотой; на востоке находится устье этой реки; то есть перешеек, на котором построен город, здесь заканчивается, и город может расти только на запад. В городе нет ничего экстраординарного; строение домов не отличается разнообразием, это обычные избы; некоторые, расположенные к востоку, больше и просторнее остальных и предназначены для офицеров. Господин Кох живёт на другом конце города; ворота его двора выходят на главную улицу, на которой находится площадь, на ней — дом коменданта и дом заседаний, оба под одной крышей. Напротив них казарма, а на левой стороне площади — уездная церковь. Эти здания не очень красивые. Раньше они были обнесены частоколом, который ещё кое-где сохранился. Остатки ворот к западу от правительственного дома показывают, что это было то, что они называли крепостью. За ней, почти у самой реки, тянется улица, населённая торговцами, чьи лавки выстроились по обеим её сторонам.

Порт этот настолько невелик, что я не мог бы назвать его так, если бы не насчитал в нём семь или восемь галиотов, одни из которых были казёнными, а другие принадлежали купцам, торгующим мехами с Америкой. Порт находится на востоке, почти у самой оконечности города, на повороте реки. В сопровождении господина Холла¹, лейтенанта военно-морского флота, я прошёл на пристань, чтобы посмотреть два небольших корабля, которые строились для исследовательской экспедиции, порученной господину Биллингсу. Матросы, солдаты и плотники были посланы сюда с величайшими затратами, так что постройка и снаряжение этих кораблей, которые шли полным ходом, должно обойтись императрице в огромную сумму.

Верный своему обещанию, господин Кох сделал все приготовления к моему отъезду, и 10 мая вечером, когда сани стояли наготове нагруженные и

¹ Роберт Холл, в русской традиции — Роман Романович Галл (1761-1844) — лейтенант, помощник Биллингса, капитан судна «Чёрный Орёл», на котором он совершил плавание по сев. части Тихого океана в 1791 году. — *прим. перев.*

запряжённые, я простился с ним и остальными офицерами, которые выразили пожелание вскоре увидеть меня возвращающимся.

Моя отряд пополнилась двумя людьми, которые должны были служить мне лоцманами на реке Юдома. Я ехал всю ночь, несмотря на ужасное состояние пути, которое соответствовало обещанному. Дорога были полностью покрыта водой, и в некоторых местах, особенно в лесу, она доходила до брюха наших собак. Ветер продолжал дуть с юга, небо всё больше затягивалось тучами, и всё указывало на то, что оттепель вряд ли прекратится.

Тем временем, переправившись через Охоту, мы без всяких происшествий прибыли в деревню Медвежья Голова¹, которая находится в сорока пяти верстах от Охотска и населена русскими и якутами. Мы вошли туда очень рано утром, но наши собаки так устали, что мне пришлось провести там весь день и даже ночь, так как других собак найти не удалось.

Я надеялся быть в Мундукане² на следующий день, а это в двадцати верстах от предыдущего острога. На полпути часть наших собак отказалась работать, и мы рискнули ехать по реке, по которой, как нам показалось, будет легче продвигаться. Но не успели мы сделать и нескольких шагов, как вдруг под нашими санями раздался треск; в следующее мгновение я почувствовал, что плавно погружаюсь, но кусок льда всё ещё держал меня на себе. Через мгновение он сломался, и полозья моих саней скрылись под водой. Тщетно я пытался выбраться из полыньи, малейшее движение погружало меня всё глубже и глубже. К счастью, в этом месте было всего четыре фута глубины, и мои люди смогли вытащить меня, но сами они так же нуждались в помощи, так что нам пришлось помогать друг другу выбраться на берег. Между тем снег таял так быстро, что наши собаки только барахтались в воде, не делая ни шагу вперёд, и падали, изнемогая от усталости.

Среди моих проводников был сержант, которого господин Кох дал мне для бóльшей безопасности. Его репутация храбреца и опытного человека позволяла мне считать его своим путеводителем и хранителем, и я не спускал с него глаз, наблюдая за его движениями и вглядываясь в его лицо, которое до сих пор было неизменно спокойным. Среди ропота остальных членов моей команды пока он один не произнёс ни слова, и вообще не дрогнул ни одним мускулом своего лица, выражая какие-нибудь эмоции. Я, естественно, истолковал это молчание, как отрицание тех страхов, которые мне пытались внушить, а его спокойствие — как побуждение идти дальше. И потому изумлению моему не было предела, когда он внезапно остановился и заявил,

¹ Это была деревня Медвежка на р. Охота, ныне заброшенная. Под названием Медвежья Голова она обозначена на картах до 1950 года, позднее — как Медвежка. — *прим. перев.*

² Мундукан или Мета — одна из станций на бывшем Якутско-Охотском тракте, на правом берегу р.Охота на расстоянии, по разным данным, от 54 до 80 вёрст от Охотска. Отмечена на некоторых картах вплоть до середины XX века. На некоторых картах, впрочем, Мундукан и Мета отмечены, как два разных селения. — *прим. перев.*

что не сделает дальше ни шагу. Я потребовал объяснений. «Я больше не могу молчать, — ответил он, — из гордости и желания показать другим образец бодрости духа я до сих пор воздерживался от выражения своего мнения относительно тех опасных действий, которые вы хотите предпринять; но чем больше я восхищаюсь вашим бесстрашием, тем больше я думаю, что обязан предотвратить те роковые последствия, которые оно может вызвать, и предупредить вас о множестве опасностей и препятствий, которые каждое мгновение будут возникать перед вами. Большая часть рек уже освободилась ото льда, и даже если бы вам удалось перейти через них, то вскоре вас настигнет паводок. Какой тогда будет у вас выбор? Искать убежища на горе или в лесу, если вам посчастливится найти их? А сможете вы построить себе хижину на дереве, как жители этих мест в подобных обстоятельствах¹, чтобы оставаться там две или три недели, пока вода не спадёт? А вы уверены, что даже на этой высоте она до вас не доберётся и не повалит дерево вместе с вами? Вы уверены, что у вас достаточно провизии на это время? Если этого краткого перечисления бедствий, ожидающих вас, недостаточно, чтобы заставить вас задуматься, продолжайте — вы сами себе хозяин. А я выполнил свой долг, и поэтому позвольте мне покинуть вас».

Это резкое и откровенное возражение и содержащееся в нем грозное предсказание произвели на меня сильное впечатление, и я решил, что не могу поступить лучше, чем немедленно вернуться в Охотск, от которого нас отделяло всего пятьдесят пять вёрст.

В тот же вечер мы добрались до Медвежьей Головы, где я пробыл до четырёх часов пополудни следующего дня. Отсюда до реки Охота не было никаких других неудобств, кроме того, что мы ехали очень медленно, но эту короткую передышку с лихвой компенсировала опасности и тревоги, которые мы испытали, когда переправлялись через реку. Признаюсь, все мы были напуганы и не отваживались ни измерить глазом ширину реки², ни на мгновение отвести взгляда от полозьев своих саней. Ненадёжность льда, который постоянно двигался, заставляла нас опасаться, что он не выдержит нашего веса; каждую минуту мы ждали, что вот-вот разверзнется бездна и поглотит кого-нибудь из нас. Добравшись, наконец, до берега, мы пересчитались, чтобы убедиться, что никто не пропал, и радуясь, что избежали смертельной опасности, без приключений проехали оставшуюся часть пути до Охотска, куда прибыли 14-го числа в полдень.

Столь быстрое возвращение вызвало шуточные замечания господина Коха и других офицеров; каждый из них напомнил мне о своем предсказании. Но я

¹ Такая хижина из ветвей называется «лабаз». Случается, что наводнение не спадает долгое время, в этом случае люди могут погибнуть от голода.

² Она примерно такая же, как у Сены в Париже.

был не столько смущён глупостью своей попытки, сколько огорчён её неудачей. Я с горечью подсчитал, что пробуду в этом городе не меньше месяца. Поглощённый тысячью печальных мыслей, я некоторое время был не в состоянии отвечать ни на какие проявления радости и дружбы, которые обрушились на меня. Мне припомнились все препятствия, с которыми я столкнулся ещё в Петропавловской гавани, и понял, что неодолимая рука судьбы противостоит успеху моей миссии. Напрасно я употреблял все средства для того, чтобы ехать быстрее; напрасно я доводил свое рвение до безрассудства и во многих случаях подвергал опасности и свою жизнь, и свои депеши. Я по-прежнему был ещё далеко от Петербурга! В то же время известно, что для этого путешествия часто достаточно шести месяцев; а судно, выходящее из Большерецка в июле, если не будет никаких происшествий, обычно прибывает в Охотск через три недели или месяц, а иногда даже через двенадцать или пятнадцать дней. От Охотска до Якутска верхом — это всего лишь месяц, и точно так же от Якутска до Иркутска, плыть ли вниз по Лене или ехать вдоль неё по берегу. В Иркутске, вероятно, придётся подождать месяца полтора до наступления холодов, а там уже легко добраться до Петербурга на санях за такое же время; генерал-губернатор как-то проделал этот путь всего за двадцать восемь дней.

Невозможно выразить моё отчаяние, когда я сравнивал скуку моего путешествия с этим примером скорости передвижения. Прошло уже восемь месяцев, а я всё ещё был не дальше Охотска. Правда, у меня не было выбора — почти три месяца я провёл в Большерецке; кроме того, вынужденный совершить сухопутное путешествие по Камчатке, я боролся с непогодой и тысячью других препятствий, каждое из которых было хуже предыдущего. Эти задержки были неизбежны (об этом свидетельствует письмо, которое дал мне г-н Кох. Оно прилагается к свидетельству г-на Козлова, читатель найдёт его в конце этой книги); и хотя они могут быть приведены в моё оправдание, они не устраняют сожалений, которые неотделимы от воспоминания о них. Всегда досадно не иметь возможности исполнить оказанное вам доверие, особенно когда известно, что в другое время и при других обстоятельствах эта задача была бы проще; но ещё более огорчительно, когда она сопряжена с тоской по родной стране и самым дорогим людям. Таковы были размышления, волновавшие мой ум по возвращении в Охотск, и в течение многих дней они отравляли мне те удовольствия, которые все стремились мне доставить. Однако в конце концов внимание, которое мне оказывали, и развлечения, которые обрушивались на меня со всех сторон, рассеяли мою досаду, и в самоограничении моем больше не было никакой необходимости.

Среди офицеров гарнизона я особо обязан господину Ловцову, старшему инспектору. Он немедленно отдал приказ, чтобы у окрестных жителей забрали

упряжь их несчастных лошадей, и держали их в полной готовности отправиться в путь по первому же сигналу¹. Эта предосторожность позволила бы мне воспользоваться первой же благоприятной возможностью, которая, как я льстил себе, должна была представиться раньше, чем все ожидали.

Госпожа Козлова, узнав о моем возвращении, была так добра, что каждый день присылала мне предостаточно молока, которое, как она знала, было предписано месье Аллегретти, как единственная пища, способная облегчить боли в моей груди. Я был тем более обязан этому, что знал, что в Охотске ни за какие деньги нельзя было достать молока.

Через несколько дней я услышал новость, которая доставила мне истинное удовольствие. Курьер из Гижиги сообщил нам о прибытии господина Козлова в это поселение, но он не привез никакого письма от коменданта, и вскоре наша радость сменилась тревогой. В каком положении он находится? Почему же он ничего не написал? Может быть, ему не позволило здоровье? Мы все по очереди расспрашивали гонца, и ему с трудом удавалось убедить нас в благополучии господина Козлова. В конце концов его рассказ и наши собственные надежды, столь естественные, когда речь идёт о дорогом нам человеке, убедили нас, что страхи напрасны, несмотря на мой печальный опыт трудностей пути и неблагоприятного времени года. Впрочем, надо признаться, что очарованный этим человеком, я часто обманывал себя и уменьшал препятствия на его пути, желая поскорее увидеть его перед отъездом.

Охотск был административным центром и главным торговым портом России в этом крае, и здесь я, таким образом, оказался у первоисточника знаний об этом. Общество, в котором я жил, предлагало мне тысячу возможностей получить сведения, которые невозможно было не принять во внимание. Сначала я занялся изучением торговли, исследуя причины, которые привели к возникновению, развитию и росту русских колоний в этой части света. В моих расспросах мне помогали самые просвещённые люди и самые осведомлённые купцы; а чтобы удостовериться в истинности их рассказов, я часто сравнивал их друг с другом и с утверждениями Кокса². Я прошу позволения изложить в этом месте то, что я записал для самого себя. Если в этих заметках читатель найдёт какие-нибудь достаточно интересные для него

¹ Это была нелёгкая задача, учитывая крайнюю слабость этих бедных животных, у которых в течение всей зимы не было никакой другой пищи, кроме ивовых и берёзовых веток. Чего же хорошего можно было ожидать от них при такой диете! Чтобы восстановить силы после такого долгого поста, им, несомненно, нужна передышка от работы, которую они обычно делают в это время года; и даже ранней весной неразумно использовать их, пока они не попадутся на хороших пастбищах. Как только поля освобождаются от снега, они разбредаются в поисках любой травинкой и пожирают побеги почти сразу, как только они показываются из земли; как бы быстро ни росла растительность в этой местности, надо полагать, что требуется значительное время, чтобы лошади восстановили свои силы.

² Уильям Кокс (1748-1828) — английский историк и педагог. Автор ряда трудов, среди которых наиболее примечательны записки о путешествии по России эпохи Екатерины II. — *прим. перев.*

подробности, оправдывающие моё отступление, я достигну своей цели и буду щедро вознаграждён за свой труд.

Присоединив к себе восточную часть Сибири, русские завладели многочисленными и богатыми рудниками, которые не могли быть по достоинству оценены местными жителями. Наряду с добычей железа завоеватели открыли запасы серебра, золота и других драгоценных металлов — предметов вечной человеческой алчности. Эти новые источники богатства воспламенили решимость авантюристов — они пожелали расширить свое владычество ещё дальше, и их жадные взоры устремились за Иркутск, который был тогда пределом Российской империи.

Первые завоеватели этих территорий с разочарованием обнаружили, что в них нет тех преимуществ, на которые можно было бы надеяться. Даже природа была здесь неприветлива, как мачеха. Бесплодие почвы, суровость климата, и непреодолимая инертность диких жителей, которые были главным образом охотниками, скотоводами и рыбаками, не обещали никаких привлекательных промышленных ресурсов и прямо противоречили авантурным планам завоевателей. Но их хитроумная алчность придумала, как нажить богатство даже здесь. Одежда дикарей сразу же навела их на мысль о том, что можно у них приобрести, и пришельцы быстро осознали возможность получения от такой торговли огромной прибыли.

По мере того как они продвигались все дальше на восток Азиатского материка, они замечали, что меха становятся всё красивее, и этого было достаточно, чтобы убедить правителей России в том, что в её интересах подчинить своим законам всю эту огромную территорию. До сих пор это был театр военных действий казаков и татар, к которым присоединились некоторые русские, подстрекаемые тем же духом наживы. Успех их стал известен, и соблазн богатства привлёк ещё большее число завоевателей, дерзость которых возрастала по мере того, как они встречали сопротивление со стороны туземцев. Напрасно природа поселила этих дикарей в бесплодные пустыни и среди лесов, где их независимость казалась неуязвимой; тщетно она воздвигала преграды в виде холода, гор и ледяных морей; все это преодолевалось честолюбием, страстью завоеваний и жаждой богатства. Храбрость туземцев побуждала их сражаться с чужеземцами, но она не могла спасти их от угнетения; эти новые конкистадоры, если можно их так назвать, появлялись в ещё большем числе на смену погибшим в кровавых схватках. Подкрепления, посылаемые правительством, восполняли эти потери и не давали побеждённым оправиться от удивления и досады, что они уступили горстке иностранцев, чьи вторжение всё углублялось с каждой победой. Силой оружия они уже овладели всей территорией вплоть до Охотска, а на севере достигли берегов Анадыря.

Чтобы защитить свои обширные владения, необходима была система управления и торговли, потому немедленно были построены города и крепости. Эти поселения, какими бы ничтожными они ни были, давали убежище русским и другим коммерсантам, путешествующим по этим местам. Здесь они могли отдохнуть в своих опасных поездках и получить защиту от посягательств со стороны мстительных туземцев.

Независимо от всякого рода притеснений, которыми они подвергались, без сомнения, без ведома правительства, которому они были данниками, туземцы часто ещё больше страдали от коварства, жестокости и прочих безобразий, чинимых беспощадными завоевателями, развращёнными всесилием и богатством, и уверенными в своей безнаказанности. Совершая эти варварские поступки, подчинённые следовали примеру своих начальников, даже тех, которые были назначены для прекращения беспорядков, ставших в конце концов столь чудовищными, что возбудили негодование императрицы. Дань уже не поступали в казну в прежнем изобилии; собранное разворовывалось лицами, назначенными заботиться о ней. Отсюда и частая смена наместников, которых справедливо обвиняли в развращённости или недееспособности и которые заслуживали по крайней мере немедленного отзыва. Отсюда же отсутствие дисциплины в войсках, путаница в делопроизводстве, ежедневные доносы, убийства и все прочие преступления, порождаемые беззаконием.

Так было на Камчатке, когда один из казачьих атаманов подчинил жителей этого полуострова русскому игу. Как тяжело оно было поначалу! Сколько бед и грабежей учинило, сколько бунтов породило! Эта тяжёлая и жестокая война прекратилась только тогда, когда был принят лучший способ правления.

Тогда возник новый порядок: стали больше уважаться права туземцев, не так произвольно собирались налоги, все функции управления стали выполняться более добросовестно. Освободившись от многих ограничений, стала процветать торговля, множились торговые сделки, богатые российские купцы открыли в Охотске свои фактории, и город стал метрополией для других возникавших в этом краю поселений. Выгодность его положения в центре завоёванных земель давала ему преимущество, несмотря на малость самого порта. Но судоходство здесь почти полностью ограничивается каботажным плаванием, и корабли, которые плавают до Камчатки, главным образом галиоты.

Грузы, которые они привозили оттуда, то есть ценные меха, полученные от жителей путём обмена или в качестве дани, затем отправлялись в центр империи, где они продавались под надзором правительства и главным образом в его пользу. Каприз покупателей, будь то соотечественники или иностранцы, был единственным мерилom рынка: искусство продавцов состояло в том, чтобы поднять цену своего товара; но их мастерство и старание

приносит реальную прибыль только правительству в виде огромных пошлин, взимаемых со всего, что продаётся и покупается.

Между тем Охотск процветал, и число коммерческих судов, приходящих в порт и выходивших из него, увеличивалось с каждым днём: всё более обширные торговые связи порождали всё более глубокие знания об окружающем мире.

Русские караваны шли через Сибирь, по пустыням и горам, до самых границ Китая. После долгих жарких споров и множества нарушенных договорённостей было, наконец, решено, что обе страны будут торговать на границе. Этой привилегии, которой Китай не предоставлял ни одной другой соседней стране, Россия добилась, чтобы дать русской торговле дальнейшее развитие¹.

Как только купцы узнали об этом новом рынке для продажи мехов, они тут же принялись добывать их в ещё большем количестве. Их суда, ведомые лоцманами с правительственных кораблей, отправились на восток от Камчатки. Не сколько искусные, сколько смелые, эти мореплаватели оказались удачливы даже более, чем надеялись; они не только открыли неизвестные острова, но и возвратились из похода, нагруженные таким большим грузом великолепных мехов, что петербургский двор счёл себя обязанным уделить этим открытиям самое пристальное внимание.

Решив следовать за ними и надеясь в один прекрасный день включить эти острова в российские владения, правительство поручает исполнение своих замыслов самым способным морским офицерам, таким как Беринг², Чириков³, Левашов⁴ и другим, не менее известным. Одни снаряжали свои суда в Охотске, другие отплыли из порта Петропавловска на Камчатке; все стремились пересечь огромный архипелаг, открывшийся перед ними; все шли от одного открытия за другим. По очереди были найдены остров Медный и Беринга, Алеутские и Лисьи острова, и новые подати обогатили царскую казну. Долго блуждая по морям, эти удачливые аргонавты достигли берегов Америки. Их взору предстал полуостров Аляска; высадившись на берег, они поняли, что он составляет часть большого континента; всё указывало на то, что это новая часть света, и, радуясь удаче, они отплыли обратно в свою страну.

Едва они отчитались в успехе своей экспедиции, подтверждая его своими наблюдениями, как торговые люди тут же устремились к землям, предлагавшим неисчерпаемые ресурсы.

¹ Я мог бы здесь дать отчёт о происхождении, развитии и сегодняшнем состоянии торгового союза между этими двумя империями; но так как караваны, посылаемые русскими в Кяхту, обычно собираются в Иркутске, то я отложу его до моего прибытия в этот город, где я, возможно, получу более точные сведения.

² Витус Ионассен Беринг (1681–1741) – капитан-командор, руководил I и II Камчатскими экспедициями. – *прим. перев.*

³ Алексей Ильич Чириков (1703–1748) – капитан-командор, исследователь сев.-зап. побережья Сев.Америки, сев. части Тихого океана и сев.-вост. побережья Азии. Помощник В. Беринга в I и II Камчатских экспедициях. – *прим. перев.*

⁴ Михаил Дмитриевич Левашов (ок.1738 – ок.1775) – мореплаватель, исследователь Аляски и Алеутских островов. – *прим. перев.*

Российские торговые посты были основаны на Аляске¹, и с тех пор, несмотря на расстояние, поддерживается активнейшая связь между факториями и их основателями.

Вот как осуществляется торговля в Охотске, откуда в Америку каждый год отправляется несколько судов. Когда купец решает совершить такое путешествие лично или с помощью одного из своих агентов, он просит согласия губернатора, в чем ему редко отказывают. Груз делится на доли, и каждый человек волен их приобрести. Эти доли составляют только ту сумму, которая необходима для покрытия расходов по снаряжению и приобретению товаров, состоящих из предметов питания, железной утвари, стеклянных безделушек, платков, водки, табака и других вещей, ценимых дикарями. У офицеров и матросов нет жалованья, но им разрешена их собственная часть груза, которая называется «пай». Плавание длится три, четыре, а то и шесть лет, а соображения выгоды могут привести судно в самые неожиданные места — туда, куда редко заглядывают торговцы, а иногда даже делаются открытия новых земель².

По возвращении эти корабли подвергаются строгому досмотру. Владельцы платят государству пошлину, которая зависит от характера груза и оценивается по коносаментам. Затем производится оценка остатка, который делится на равные части: каждый владелец получает натурой или деньгами сумму своего капитала (с учётом фрахта и убытков) и свою долю в прибыли, если таковая образовалась. Понятно, что величину дохода или убытка определяет только случайность. В частности, часть товаров продаётся в Охотске, а часть отправляется в Якутск, оттуда в Иркутск и, наконец, в Кяхту, к постоянным покупателям — китайцам.

¹ Я не буду вдаваться в подробности в отношении того, каким образом были основаны эти поселения. Русские, к сожалению, не проявили ни больше порядочности, ни больше человечности, чем в своих предыдущих завоеваниях; и я хотел бы, чтобы в моих силах было навечно скрыть сцены ужаса, которые они повторили по прибытии в эти края. Но многочисленные случаи несправедливости и нечестности, практиковавшиеся начальниками, торговцами и моряками, вызвали столько жалоб и исков, и столько авторов написали на эту тему, что моё молчание не будет иметь никакого эффекта. Хорошо известно, что многие корабли, занятые в этой торговле, были обвинены в том, что они забирали силой, а не покупали меха, которые они привозили и продавали с огромной прибылью. Не довольствуясь тем, что они отбирали у несчастных индейцев плоды их труда, они иногда заставляли их, под их непосредственным наблюдением, и для выгоды экипажа, охотиться на выдр, бобров, морских коров, лис и других животных; и часто от недоверия или жадности, охотились сами. Такое поведение заставляет нас думать, что они были виновны в преступлениях ещё более шокирующих. Не следует полагать, что все предписания и угрозы императрицы будут действовать и предотвращать чудовищные события на таком большом расстоянии. Опыт показывает, особенно в обширной Российской империи, что власть слабеет по мере удаления от центра. Сколько лет нужно быть бдительным и дисциплинированным, прежде чем можно будет подавить злоупотребления и добиться повиновения! Это уже давно было целью существующей администрации, и есть основания предполагать, что её усилия не были напрасными.

² Таков был замысел одного моего знакомого купца, который рассчитывал извлечь из него внушительную прибыль. С картой путешествия Кука в руках он намеревался войти в реку, носящую имя этого знаменитого мореплавателя, и продолжить свой путь до окрестностей залива Нутка. Если бы он нашёл средства осуществить свой план, то, возможно, его надежды оправдались бы, а соотечественники были бы обязаны его знаниям и смелости за открытие новых источников богатства. [План действительно масштабный, т.к. залив Нутка находится на западном побережье острова Ванкувер у тихоокеанского побережья Канады — 6.5 тысяч километров по морю от Охотска. Реки Кука там, правда, нет, хотя именно Джеймс Кук посетил эти места в 1778 году. — прим. перев.]

Система управления заслуживает не меньшего внимания, чем торговля. Во время моего пребывания на полуострове, суды которого, как я уже писал, находятся в подчинении охотских судов, я получил самые полные сведения по этому вопросу. Поэтому здесь мне осталось только внимательнее рассмотреть как поддерживается порядок в гарнизоне и устройство городской полиции — и то и другое весьма впечатлило меня.

Я ожидал увидеть, как это было раньше, распущенную солдатню, шайку свирепых казаков, разбойников по натуре, не признающих никаких законов, кроме своих желаний и интересов. Не проходило и дня, чтобы кто-нибудь из них не дезертировал с оружием и амуницией, а их дерзкие банды часто грабили склады. Представители государя без всякого успеха проявляли строгость, чтобы положить конец этим дезертирствам и грабежам; совершенно бесполезно все преступники, которых удавалось поймать, подвергались «битью батогами», и другим наказаниям, применявшимся в русской армии. Эти отчаявшиеся люди были так ожесточены и неисправимы, что на следующий день учиняли очередное бесчинство; и самое суровое наказание не могло удержать ни их, ни других. Однако в настоящее время в гарнизоне установлена ещё более суровая дисциплина, и случаи неповиновения теперь редки. Великая похвала должна быть воздана реформаторам, чьё умение и настойчивость привели к таким хорошим результатам.

Не меньшее внимание уделялось и департаменту полиции, который было нелегко создать в городе, имеющем среди своих жителей значительное число ссыльных. Большинство из них несут на себе несмываемые клейма, которыми рука правосудия пометила их виновные головы, а остальные, осуждённые на галеры, непрестанно размышляют во время своих трудов в порту, как бы незаметно разорвать свои цепи. Иногда совершаются побегы, и горе тем, с кем повстречаются эти преступники! Но постоянная бдительность коменданта не позволяет им долго пользоваться их губительной свободой; вскоре их ловят и наказывают ещё более тяжёлыми цепями, восстанавливая общественную безопасность. Поведение господина Коха в этом случае показалось мне благоразумным и решительным; к духу умеренности, составляющему сущность его характера, присоединяется исключительная бескомпромиссность.

Ламуты, тунгусы и якуты не привлекаются к работе в администрации из-за постоянных жалоб на них и по причине частых неповиновений, особенно во время сбора налогов. Это ведомство вверено заботам господина Ловцова, старшего инспектора, который благодаря своей деятельности и благоразумию обладает искусством утихомиривать беспорядки, улаживать споры и исполнять указы своего государя без лишнего насилия. У меня была

возможность судить, как все соперничающие стороны были полностью удовлетворены его решениями.

Таково было благополучное положение, в котором я нашёл эту область управления. Пусть свидетельство, которое я хочу дать в его пользу, противостоит моим первоначальным рассказам и защитит читателя от негодных предрассудков, которые, как считается, внушает ему вид прежнего ущербного правительства. Новые правители имеют право на такую справедливость, и если злоупотребления всё ещё преобладают, то, по крайней мере, они прилагают непрерывные усилия, чтобы положить им конец, как только такие беззакония становятся известны.

Недавно распространился слух, не знаю от какого ведомства, что есть намерение переселить жителей Охотска либо в Удское¹, либо в какой-нибудь соседний посёлок. Если правительство действительно задумало такой проект, то оно должно было, я полагаю, иметь необходимость в более значительном городе в этом краю, а выбор нового порта определится удобством, близостью и безопасностью места для него.

Я обещал читателю рассказать о поручении господина Биллингса. Я уже писал, что для него в Охотском доке строятся два корабля, но я был бы в значительной затруднении сказать, каково их назначение. Проникнуть в эту тайну невозможно, и всё, что я знаю, это то, что господин Биллингс, благодаря его репутации и таланту, проявленному в одном из путешествий его соотечественника капитана Кука, был приглашён в Россию и в чине капитана назначен командовать секретной экспедицией, цель которой, как предполагается, состоит в том, чтобы сделать какое-то открытие. Полномочия, предоставленные ему, по-видимому, безграничны; а материалы, рабочие, матросы и всё остальное присылается правительством в необходимом количестве.

Чтобы не терять времени, г-н Биллингс разделил своих людей и послал часть их в Охотск под начальством г-на Холла, своего лейтенанта, чтобы построить два судна, а сам вместе с остальными отправился в Ледовитый океан на прочных шлюпах и других судах, спешно построенных на реке Колыме.

Задача этой экспедиции до сих пор остаётся тайной, и по этому поводу строятся различные предположения. Самые умные люди сошлись во мнении, что он должен обогнуть эту часть Азии, мыс Восточный² и попытаться вернуться в Охотск по Камчатскому морю. Если таков был его план, то,

¹ Удское основано в 1679 году как Удский острог на левом берегу реки Уды, в 90 километрах от её устья. До 1880 года был окружным городом Удского округа Приморской области, после чего управление округом было переведено в Николаевск-на-Амуре. Переезд жителей Охотска в Удское, если такой план существовал, был бы довольно радикальным решением, т.к. от Охотска до Удского по воде ок. 800 км. — *прим. перев.*

² У автора в тексте: *мыс Святой* — очевидная ошибка, т.к. мыс Святой Нос находится гораздо западнее устья Колымы и Биллингс никак не мог его обогнуть. Современный мыс Дежнёва, который, очевидно, имеется в виду, в то время назывался Восточным — капитан Кук назвал его так в 1778 году, за 10 лет до описываемых событий. — *прим. перев.*

вероятно, он столкнулся с какими-то непреодолимыми препятствиями в его осуществлении, так как после трёхмесячного плавания вернулся на Колыму и оттуда отправился в Якутск.

Оснащение судов под руководством господина Холла было приостановлено на значительную часть зимы, но во время моего пребывания в Охотске оно возобновилось и продолжалось с большой энергией. Корпус одного судна был уже готов, а киль другого лежал в доке. Такелажники, кузнецы, плотники, парусники, конопатчики¹ — все имели отдельные мастерские. Усердие рабочих оживлялось постоянным присутствием надзирателей. Несмотря на эту активность, которой я был свидетелем, я сомневаюсь, что корабли эти будут готовы для плавания в течение следующих двух лет.

Река Охота всегда освобождалась ото льда до 20 мая, но к большому удивлению жителей, в этом году ледоход начался только 26-го числа пополудни. Это было зрелище для всего города, и меня пригласили на него, как на увеселительное представление. Полагая, что оно должно быть похоже на то, что я видел в Петербурге, я не обнаружил особого желания или любопытства. Но меня так настойчиво приглашали, что я в конце концов отправился к реке. Толпа уже собралась, все хором восклицали при виде огромных ледяных глыб, несущихся по реке. Они с шумом вставали на дыбы, переворачивались и наваливались друг на друга. В следующее мгновение до моих ушей донеслись громкие стенания. Я попытался выяснить, откуда они доносятся, и увидел множество мужчин и женщин, с отчаянными криками бегущих по берегу. Я направился к ним, уверенный, что какому-нибудь несчастному ребёнку грозит опасность утонуть, но тут понял, что ошибся.

Причиной плача была стая примерно из дюжины собак, плывущих на льдине. Их хозяева дружно оплакивали судьбу этих несчастных животных, гибель которых казалась неизбежной. Те спокойно сидели на льду и с удивлением смотрели на собравшуюся на берегу толпу, но призывные крики и знаки не могли сдвинуть их с места. Двоих только инстинкт заставил попытаться спастись, и они с трудом выбрались на противоположный берег; остальные через несколько минут скрылись из виду; унесённые в море, где они неминуемо погибнут.

Эти собаки были единственными жертвами ледохода, но иногда его последствия настолько ужасны, что приводят к разрушению всех домов вблизи реки². Разбросанные по берегу руины свидетельствуют об этих драматических

¹ Все они, а также различные морские офицеры, были привезены сюда из России. Однако для пополнения судовых экипажей г-н Холл набрал рекрутов из местных. Полномочия, которые он имел, были таковы, что комендант снабдил его людьми и материалами по первому требованию.

² Эти здания составляли торговую часть города — см. описание Охотска. Встревоженные частыми наводнениями, жители этого района разобрали свои лавки, решив переехать на правительственную площадь; в результате на них возложили обязанность перестроить казармы и значительно увеличить их число.

событиях; мне рассказали, что за несколько лет город потерял почти четверть своих домов.

А пока жители с нетерпением ждут, когда река вновь войдёт в свои берега, настанет сезон рыбной ловли и избавит их от голода, который уже начинает давать себя знать. Запас рыбы, добытый прошлым летом, и так скудный, почти истощился. Другой еды также осталось немного, и та была так дорога, что простым людям она была не по карману. Добросердие господина Коха дала о себе знать и в этом. В казённых складах имелся запас ржаной муки, и он распределял её среди неимущих слоёв населения. Это принесло им некоторое облегчение, но ненадолго. Г-н Кох, принимавший за своим столом много гостей, был вынужден прибегнуть к съестным припасам, которые остались ещё с прошлых лет. Наконец и у нас не осталось ничего, кроме вяленой говядины. Чтобы раздобыть запас свежей провизии, майор несколько раз отправлял солдат охотиться на оленей и горных баранов, но им посчастливилось только однажды.

Когда ледоход закончился, он приказал немедленно начать ловлю неводом. Я присутствовал на такой общественной рыбалке, и это зрелище, по моему мнению, было гораздо лучше всего, на что меня приглашали ранее. Не выразить того удовольствия, того взрыва эмоций многочисленной толпы зрителей когда невод вытащили первый раз. Было поймано огромное количество мелкой рыбы, похожей на корюшку или селёдку. Весь улов этого удачного начала был отдан самым голодным. Я не мог сдержать слез, глядя на этих несчастных; целыми семьями набросились они на рыбу, которую поедали прямо сырой.

После рыболовной кампании, которая с каждым днём становилась все более успешной благодаря лососю¹ и другой крупной рыбе, поднимающейся вверх по реке, горожане переключились на охоту на водоплавающую дичь², которой было столько, что она сплошь покрывала поверхность водоёмов: это стало их новым средством существования.

Тем временем наступил сезон дождей и частые туманы, но время от времени наступали погожие дни. Они были тем более приятны на фоне того, что ночью 29 мая выпал снег глубиной в два дюйма, а температура упала до одного градуса ниже нуля. Вода постепенно спадала, но растительности пока нигде не было видно. Редкие стебли прошлогодней травы, печальный плод последних усилий природы, были единственной пищей, которую земля могла предложить лошадям до возвращения благодатной весны.

¹ Метод заготовки лосося на зиму здесь такой же, как на Камчатке.

² Я уже рассказывал об этом промысле, который происходит в сезон линьки, и писал, что единственное оружие, используемое в нём — это палка.

Мне уже не терпелось ехать, и хотя я не мог обманывать себя относительно жалкого состояния этих животных, я попросил господина Коха распорядиться, чтобы те, которые были назначены для меня, были собраны в городе, решив выехать из Охотска не позднее 6 июня. Его распоряжения были исполнены, и благодаря его заботам, доброте госпожи Козловой и щедрости многих друзей, которых я обрёл в этом поселении, я сразу же оказался обеспечен хлебом и сухарями. Если бы не память о голоде, я бы почувствовал себя польщенным этими подарками; но мысль о том, что я буду поддерживать себя жертвами их дружбы, ранила мои чувства, и не без душевных сомнений я был вынужден принять то, что никакие отказы не могли заставить их взять обратно.

Вечер перед отъездом был посвящён прощанию. Я имел удовольствие узнать, что господин Ловцов намеревался сопровождать меня в Мундукан и что лейтенант Холл, вызванный туда же по каким-то делам, связанным с оснащением находящихся под его опекой судов, должен был отправиться вместе с нами. Я не ожидал увидеть ещё и третьего спутника, но господин Аллегретти сообщил мне, что он тоже приготовил все необходимое, чтобы проводить меня до Юдомского Креста. Как велико было моё удивление и благодарность, когда я понял, что личная приязнь была единственным мотивом его поездки! Из двух моих солдат меня сопровождал только Голиков; Недорезов остался в Охотске, но я взял его отца служить мне лоцманом на реке Юдома. Несколько рабочих, как я и договаривался с майором, должны были немедленно отправиться вслед за мной, чтобы починить те лодки, которые потребуют ремонта, чтобы я не подвергнулся новым опасностям и задержкам.

Глава XV

Отъезд – О наших несчастных лошадях – Подробности путешествия – О наших стоянках – Еда якутов – Встреча с караваном купцов – Чуть не утонул! – Уракское Плотбище – Обычай, соблюдаемый якутами, когда они оставляют лошадь на дороге – Несчастный случай с Голиковым.

Наконец, все мои приготовления закончены, и я вырвался из объятий господина Коха. Несколько жителей оказали мне честь, проводив до ворот города, где нас ждали лошади и где после взаимных повторений добрых пожеланий мы расстались. Мои хозяева, я надеюсь, понимали, что для человека, которого они так принимали в своём доме, долг остался превыше всего.

При виде лошади, на которую мне предстояло сесть, я с ужасом и состраданием отпрянул назад. Я никогда ещё не видел такого жалкого животного! Его бока были тощими и впалыми, так что можно было

пересчитать все рёбра, ягодицы узкими и заострёнными, голова обессиленно качалась между ног, бедра дряблые и слабые. Таково точное описание моего коня. Вы можете судить о других, среди которых мой считался одним из лучших. Седла были очень похожи на наши французские. Те, что предназначались для багажа, были поменьше и сделаны из кусков дерева; сверху были прикреплены крест-накрест две палки, на которых подвешивался груз¹, с таким расчётом, однако, чтобы вес был одинаковым с обеих сторон, так как при малейшей диспропорции животные неминуемо потеряли бы равновесие.

Вот в таком жалком состоянии был наш караван. Чтобы утешить себя за медленный темп нашего путешествия, каждый из нас отпускал шуточки насчёт своего «скакуна». В двенадцати верстах от Охотска мне показали довольно большую солеварню на берегу моря, все занятые на ней были каторжниками. Затем мы оставили море слева от себя и некоторое время ехали вдоль Охоты.

Если разливы этой реки вызывают такую тревогу у жителей города, то и для её окрестностей они не менее губительны. Поднимаясь над берегами, вода не только заливает всё вокруг, но и несётся потоком, набирающим силу по мере своего продвижения. Утверждают, что видели, как вода поднималась на два фута выше самых высоких деревьев. Можно предположить, что опустошения от этого были ужасны, и я действительно видел в лесах овраги поразительной глубины, которые, как говорят, были результатом этих наводнений.

На небольшом расстоянии от Медвежьей Головы подо мной упал конь, к счастью, я успел выскочить из седла и потому остался невредим, но заставить его снова встать я не смог. Мы оставили его в этом месте², где он, несомненно, через некоторое время скончался. У нас оставалось ещё одиннадцать лошадей; я сел на одну них, и мы добрался до деревни без происшествий.

На следующий день, в девять часов утра, мы перешли вброд реку Охоту, теперь нам предстоит идти не по её берегу. Тут и там я замечал якутские юрты. Они почти всегда были на значительном расстоянии друг от друга, редко можно было видеть их вместе.

¹ Он состоял из кожаных мешков и сумок; с той особенностью, что они никогда не касались боков лошади. Обычный вес – пять пудов, или двести фунтов, и никогда не больше шести пудов, то есть двухсот сорока фунтов. Такой груз называется *вьюки*, а лошадей, которые их везут – *вьючные лошади*. Если багаж лёгкий или не такой громоздкий, его кладут на спину животного и закрепляют волосяной верёвкой, проходящей под брюхом.

² Якуты, по-видимому, не сильно беспокоились о потере этих животных и не собирались оказывать им никакой помощи. Когда они отказываются идти дальше или падают от слабости или усталости, их бросают на произвол судьбы, оставляя туши на съедение медведям, которые обгладывают их до последней косточки. Мы постоянно проезжали мимо таких скелетов, а от Охотска до Юдомского Креста я видел их, думаю, больше двух тысяч. Мои проводники рассказывали, что большинство из них погибло в прошлом году, когда перевозили из Якутска различные материалы для экспедиции г-на Биллингса, вследствие того, что были застигнуты врасплох наводнением, которое было настолько внезапным, что проводники с трудом спаслись. Часть их груза до сих пор ещё оставалась на лабазах, о которых я уже говорил, где путешественники спасаются, пока не спадёт вода. Добавлю, что перевоза различные предметы торговли, якуты теряют четыре-пять тысяч лошадей ежегодно.

Склонность якутских семей жить таким изолированным образом проистекает из жизненной необходимости. Лошади всегда были их главным богатством, и если бы владельцы стад (некоторые из которых числом более тысячи) строили свои жилища ближе друг к другу, то как бы лошади могли добывать себе пищу? Пастбища поблизости скоро бы истощились, и пришлось бы посылать их пастись на значительное расстояние, но сколько неудобств возникло бы тогда из-за нерадивости или нечестности пастухов!

Прибыв в Мундукан, мы провели там ночь и весь следующий день 8 июня, так как наши лошади сильно устали. Я уже писал, что эта деревня находится в двадцати верстах от Медвежьей Головы; она получила свое название от реки, на которой находится.

На рассвете я расстался с господами Холлом и Ловцовым, которые должны были остаться здесь. Вскоре мы поднялись на высокую гору под названием Урак¹, вершина которой всё ещё была покрыта снегом; он доходил до брюха наших лошадей, которым было очень тяжело на этом подъёме.

У подножия горы протекает одноимённая река. Она широкая, глубокая и быстрая, на её берегу есть юрта, в которой живут лодочники. В это время их не было, вероятно, ушли на охоту, незапертые двери их дома указывали на то, что они уехали недавно.

Устав звать и ждать их, мы нашли несколько вёсел и спустили на воду наименее повреждённую из лодок, которые были привязаны к берегу. Затем разгрузили и расседлали лошадей, погрузили багаж в лодку и переехали на другой берег. Наши кони всё ещё оставались на месте, и я волновался, опасаясь, что они не смогут переплыть реку. Беспечность моих якутов в этом отношении казалась мне невероятной, они загнали их в воду кнутами, лодка поплыла впереди, чтобы вести их, и один из наших проводников остался на берегу, чтобы бросать в них камнями и пугать криками, чтобы они не повернули назад. Примерно через полчаса все они благополучно добрались до нас, их немедленно оседлали и загрузили², и мы продолжили наше путешествие.

Слабость наших лошадей вынудила нас остановиться в двадцати пяти верстах от Мундукана, в месте, где было хорошее пастбище и где, как нам показалось, почти не было следов медведей. Легко представить себе, насколько страшен аппетит этих зверей после шестимесячной спячки. Покинув свои логова, они рыщут в поисках пищи и из-за недостатка рыбы, которой в реках ещё немного, нападают на любых встречаемых животных, особенно на лошадей. Мы были вынуждены принять меры предосторожности также и для

¹ Гора (837м) с таким названием находится в другом месте – в верховьях р.Урак. Автор же, очевидно, имеет в виду небольшой горный кряж на левом берегу реки с вершиной 566 м (59.659408°, 142.423858°) в центре. – *прим. перев.*

² Якуты так привыкли к этим седланиям, что им могут позавидовать самые проворные конюхи. Они связывают лошадей по три друг за другом, и одной верёвкой ведут их всех.

нашей собственной безопасности. Из следующего описания читатель сможет составить себе представление о характере наших стоянок.

Расположившись на выбранном месте, мы разгрузили лошадей и отпустили их пастись. Затем на равном расстоянии вокруг нашего маленького лагеря мы развели костры, а я несколько раз выстрелил из мушкета в надежде, что звук выстрела и запах пороха испугают и прогонят медведей. На рассвете мы собираем лошадей; если кто-нибудь из них и ушёл далеко, то они прибегают на крик моих якутов, которые в этом отношении столь же умелы, что и коряки со своими оленями.

Увидев пучки конских волос, развешенные по ветвям деревьев, я поинтересовался о причине этого, и мне ответили, что это подношения местных жителей духам лесов и дорог. У моих проводников были свои любимые места, где они благочестиво подносили подобные дары. Это суеверие, по крайней мере, имеют одно полезное свойство — они служат хорошими указателями пути для путешественников.

В предыдущие дня мы пересекли множество притоков реки Урак, но ни один из них не заставил нас задержаться. Но 11-го числа, около пяти часов пополудни, мы снова встретились с притоком этой реки, ширина которого была не очень велика, и, если бы не прошедший накануне дождь, который переполнил реку, то мы бы без колебаний перешли её вброд, как это было в предыдущих случаях. Мой главный проводник определил её как опасную; но так как меня предупредили, что если я буду прислушиваться к их советам, то они будут заставлять меня останавливаться даже в полдень, чтобы отдохнуть самим, а не для отдыха лошадей, то я решил, по крайней мере, проверить глубину. Однако проверка эта убедил меня, что проводник был прав. Человек, которому я приказал войти в реку, был вынужден быстро вернуться, так как его лошадь потеряла опору уже в нескольких шагах от берега. Нам пришлось разбить в этом месте лагерь¹, а наши лошади, к счастью, нашли что-то съестное.

Чтобы не терять времени, я ограничился одной вечерней трапезой, довольствуясь в течение дня ржаными сухарями. Но я также попросил моих людей сообщать мне, если они увидят какую-нибудь дичь², и мы некоторое время жили плодами моих охотничьих успехов. Необходимость — хороший учитель, а обычай восполняет недостаток мастерства.

Если мне случалось подстрелить белок, то они попадали на стол моих якутов, кроме шкурок, которые они возвращали мне. По рассказам Голикова вкус этих грызунов отвратительный. Однако однажды, соблазнившись видом

¹ В тот вечер я увидел одну вещь, которая заслуживает того, чтобы о ней рассказать. Мои якуты ловко отделили от сосны большие куски коры и сделали из неё нечто вроде шалаша или навеса, под которым устроились на ночлег.

² Кроме различных видов водоплавающих птиц, мы часто встречали тетеревов и белых куропаток; мы также употребляли их яйца, когда удавалось найти их.

варёного мяса этого маленького зверька, я съел кусочек: он имел привкус хвои, но вовсе не ужасный, как мне внушили. В голодное время я бы счёл их вполне съедобными и вполне понимаю якутов за их пристрастие к ним.

Их основная пища, которую они называют «бурдук», вызывала у меня ужасное отвращение. Это что-то вроде густой каши, приготовленной из ржаной муки¹ и воды, в которую после того, как снимают с огня, наливают рыбий жир. Количество этого кушанья, которое они могут съесть, поражает меня. Мне говорили, что вообще они не очень много едят; однако прибавили, что когда в качестве угощения им готовят лошадь, то очень небольшое число гостей уничтожают её за несколько часов, при этом внутренности животного считаются отнюдь не самой плохой пищей. Кто бы мог подумать, что люди с таким ненасытным аппетитом в иное время могут быть воздержаны на грани сохранения жизни, а часто могут и вовсе обходиться без пищи несколько дней?

Рано утром меня разбудили проводники, сообщившие, что за ночь река значительно спала. Пока они седлали и грузили лошадей, с той стороны реки переправилось несколько всадников, которых таким же образом задержал высокий уровень реки; они переправились без всякого риска, что внушило нам ещё большую уверенность.

Люди эти были разорившимися купцами, решившими попытать счастья в качестве агентов состоятельного человека, чьи торговые операции получили одобрение правительства и у которого были все необходимые для этого разрешения. Его целью была торговля мехами, в основном соболями, которых добывали коряки и чукчи. Эти агенты должны были расстаться в устье реки Пенжины и разъехаться по стране. Им было отпущено на это четыре-пять лет, и они намеревались не только скупать меха, но и сами охотиться на пушного зверя. Они не предвидели никаких препятствий, кроме тех, которые могли бы быть вызваны туземцами; чтобы отражать их нападения, у них было оружие и боеприпасы.

Прощаясь с нами, они с жалостью смотрели на наших бедных животных, а мы, напротив, с завистью наблюдали за их сильными и упитанными. Пришедшие из окрестностей Якутска, где нет недостатка в зимней провизии, их лошади представляли собой совершенный контраст с нашими, которые от этого сравнения казались ещё более несчастными.

Когда мы переправились через реку, я спросил проводников, можно ли надеяться, что это будет наша последняя переправа. Они ответили отрицательно, сообщив, что в течение дня нам предстоит ещё три. Из их слов я заключил, что это, должно быть, другие притоки Урака. Как бы то ни было, мои опасения всё увеличивались, и мысль о том, что лошадь может упасть вместе с моей шкатулкой, заставляла меня содрогаться.

¹ Если нет муки, то используют сушёную и растёртую в порошок сосновую заболонь.

Выйдя из густого леса, мы оказались на берегу стремительного потока шириной не менее двухсот ярдов; на некотором расстоянии он впадал в Урак. Мы решили, что он пригоден для переправы, и с этой уверенностью я прищипорил коня, заставляя его спуститься в воду. На середине реки я почувствовал, как у него задрожали ноги. Я подхлестнул его, и он пошёл дальше, и вода теперь доходила мне только до колена. Ободрённый, я поплотнее устроился в седле, так как вид течения вызывает у меня головокружение. Я уже подходил к противоположному берегу, как подъем на него потребовал новых испытаний. Чтобы подняться на него, нужно было преодолеть ледяной припай, который все ещё оставался у берега. Склон был крутым, но лучшего места вблизи всё равно не было. Решение было принято, и я направил коня к рискованному подъёму. Он уже упёрся передними ногами и готов был переступить задними, но тут потерял равновесие и упал навзничь в воду. Я не удержался в седле и плыл теперь отдельно от лошади. Вода была глубока, а моя громоздкая одежда сковывала движения, и я начал выбиваться из сил. Неистовое течение неумолимо несло нас, и мы уже приближались к тому месту, где сливались два потока, как вдруг в моей голове явственно прозвучало: «Хватайся за уздечку коня, или тебе конец!» Этот голос и грозящая опасность вывели меня из замешательства, я изо всех сил рванулся вперёд, протянул руку и схватил поводья. Провидение, несомненно, позаботилось о моем спасении, потому что в тот же миг мой конь почувствовал под ногами дно и остановился. Я скользнул рукой к верхнему концу уздечки и крепко обвил руками шею животного. Так я и остался висеть как бы между жизнью и смертью, не смея пошевелиться и громко взывая о помощи. Спустя мгновение чья-то сильная рука схватила лошадь под уздцы и вытащила её на берег!.. Оказалось, что это мой верный Голиков всё время следовал за мной, но слабая его лошадь не могла догнать мою, это именно он прокричал мне спасительный совет схватиться за лошадь и как только сумел взобраться на берег, поспешил ко мне на помощь — и всё это за какие-то минуты!

Моей первой заботой, не считая благодарного объятия моего избавителя, было снять кожаную сумку, прикреплённую к моему поясу. Несмотря на клеёнку, в которую были завернуты бумаги, вода проникла внутрь, и я опасался за состояние двух важных пакетов, на которые граф де Лаперуз особенно обратил моё внимание. Я с удовольствием обнаружил, что они почти не пострадали.

Свою шкатулку я оставил на другой стороне реки; моё беспокойство по поводу нее было вскоре развеяно появлением господина Аллегретти и других, которые привезли её мне. Они всё ещё были взволнованы той неприятностью, в которую я попал, и считали чудом, что я сумел спастись. Я только что видел смерть слишком близко, чтобы не быть того же мнения.

Мы снова оседлали лошадей и поехали, но, признаюсь, меня охватил ужас, когда мы приблизились к очередной переправе через реку. Впоследствии я стал посылать кого-нибудь из проводников вперёд, и не успокаивался, пока он не подавал мне знак с противоположного берега.

В этот день, как и во все предыдущие, начиная с нашего отъезда из Охотска, мы всё время ехали по лесу или по берегам рек. В лесу деревья¹ вдоль дороги невелики, но ветвисты и так густо поросли кустарником, что моим якутам часто приходилось расчищать дорогу тесаками², что ещё больше замедляло наше передвижение, так что мы никогда не ехали быстрее, чем пешком.

В Уракское Плотбище³ мы прибыли довольно рано. Это было первое поселение, которое мы видели после юрт лодочников, мы провели там остаток дня. Деревушка эта стоит на берегу Урака; жителей в ней всего пять солдат, каждый живёт в своей избе. Они назначены охранять склад для казённых грузов, прибывающих из Охотска или Якутска. Иногда они сопровождают товары до устья Урака; но на этой реке столько препятствий — отмелей и порогов, а суда такие непрочные, что плавание здесь весьма утомительно и опасно.

На следующее утро, то есть 13 июня, мы переправились на лодке через реку; она берет свое начало недалеко от большого озера⁴, где мы остановились в тот же вечер. Озеро расположено на возвышенности, имеет около семи вёрст в окружности и, как говорят, изобилует рыбой.

Не могу не рассказать о сцене, происшедшей в тот день с моими проводниками, которым пришлось оставить на дороге лошадь. Они остановились и стали совещаться вокруг животного. Сгорая от нетерпения и не видя конца их дискуссии, я уже готов был выразить свое недовольство, но они опередили меня, прося прощения за задержку, которую они создали. Обычно, когда они теряют лошадь, случайно или от чрезмерной усталости, то обычно отрезают у неё хвост и уши, которые они обязаны предъявить владельцу, чтобы оправдаться или оплатить потерю. Но сейчас спор шёл о том, должны ли они положить конец бедному умирающему животному. Это потребовало некоторого времени, а я был не в том настроении, чтобы жертвовать им, и поэтому заявил им несколько сердито, что есть более

¹ В основном это были ива и ольха, но в глубине леса мы замечали высокие ели и берёзы.

² Для этого они используют длинное и широкое лезвие, закреплённое на конце рукоятки длиной в три фута. Этот инструмент служит им одновременно копьём и топором. [Якутское название этого сибирского оружия-инструмента — *батыйа*, русское — *пальма* или *палма*. — прим. перев.]

³ Уракское Плотбище было основано на реке Урак (примерно у впадения в эту реку притока Нют) во время Первой Камчатской Экспедиции под командованием В. Беринга для постройки плотов и плоскодонных судов, на которых грузы из Якутска сплавляли в устье Урака и затем морем доставляли в Охотск. Это была альтернатива сухопутного пути до Охотска. — прим. перев.

⁴ Очевидно, это озеро Крестовка (Сис-Кюль, 59°52'55" сев.ш, 140°7'12" вост.д). Оно расположено в верховьях реки Урак, и через него же протекает река Крестовка (она берёт своё начало из озера в 3.5 км на юго-восток, всего в 200 метрах от реки Урак), которая впадает в Юдому и в устье которой находится Юдомский Крест. — прим. перев.

простой, быстрый и менее жестокий способ достижения этой цели. Я обещал им засвидетельствовать потерю и вместо обычных доказательств взять на себя вину за гибель лошади. Они без колебаний согласились на моё предложение, и это, как мне сказали, было немалым доказательством их уважения.

В надежде, что мы поедem быстрее, я поручил наш багаж заботам старшего Недорезова, а сам отправился вперёд с господином Аллегретти, Голиковым и одним якутом. Нам встретилась небольшое болотце, глубиной около фута. Я поехал по нему вместе с господином Аллегретти, а Голиков последовал за нами, держа мою шкатулку на седле. Но не успела его лошадь сделать и десяти шагов, как споткнулась и сбросила седока; более заботясь о порученном ему грузе, чем о собственной сохранности, он упал, не выпуская шкатулки из рук. Я тут же соскочил и прибежал к нему на помощь; но он упал в мягкую трясиину и не получил никаких повреждений. Больше всего его беспокоило то, что шкатулка была мокрой, но я утешил его, показав, что вода не проникла внутрь.

Наши лошади так устали, что нам пришлось спешиться и вести их под уздцы, а якут подгонял их ударами сзади. Так мы ехали весь день, отдыхая каждые полчаса там, где уже начинала появляться свежая трава¹, чтобы в какой-то мере накормить наших бедных животных.

Глава XVI

Юдомский Крест – Плохое состояния лодок – Пороги – Чёртова протока Юдомы – Река Мая – Встреча с лодками экспедиции Биллингса – Удачная покупка лошадей – Якутские песни – О путешествие до Амги – Пребывание в Амге – Описание якутской юрты – Напиток под названием кумыс – Обычаи и нравы якутов – Сказки – Похороны – Деревянные идолы злого духа – Летние жилища якутов – Прибытие в Ярманскую – Ширина Лены у Якутска.

Около трех часов пополудни 16 июня мы прибыли в Юдомский Крест². На возвышенности, недоступной для речных паводков, находятся несколько складов. Их охраняют четыре солдата, склады также служат им убежищем, когда их жилища на берегу Юдомы затопляет; эти же солдаты служат лодочниками и перевозят путешественников.

Увидев мою подорожную, они изъявили готовность исполнять все наши указания. К несчастью, все их лодки находились в самом плачевном состоянии,

¹ Я уже упоминал о быстроте её роста – оно было заметно каждый день; деревья, которые так долго были голыми, постепенно возвращали свой наряд, и вскоре всё вокруг стало походить на огромный луг, пестревший яркими пятнами полевых цветов. Какое зрелище для того, чьи глаза в течение шести месяцев не видели ничего, кроме замёрзших рек, седых гор и снежных равнин! И сами мы, казалось, оживали вместе с природой!

² На берегу реки действительно установлен крест.

какое только можно себе представить, а у нас не было ни материалов, ни рабочих, чтобы их починить. Те, кто был послан из Охотска, вряд ли скоро придут, а мне не терпелось начать плавание¹ вниз по рекам Юдома, Майя и Алдан. Среди тех солдат только один когда-то совершал это путешествие, но с тех пор прошло девять лет, и он совершенно забыл маршрут. Мне посоветовали не брать его, если только все остальные не откажутся.

Поэтому единственной моей надеждой оставался Недорезов, который и сопровождал меня в качестве лоцмана. Но какой был из него лоцман! Только однажды, двенадцать лет тому назад, он был на этой реке, когда три года ехал из Якутска в Охотск. Он вёл тогда большой караван строительного леса, якорей, снастей и других материалов для постройки кораблей.

Из четырёх лодок, стоявших на берегу, я выбрал самую лучшую и самую узкую — двенадцать футов в длину и шесть в ширину². Осмотрев её, я определил, что она должна быть проконопачена, просмолена и иметь дополнительную доску в носу, чтобы она могла противостоять волнам. С помощью двух досок и нескольких гвоздей из старой лодки один из солдат, который немного разбирался в плотницком ремесле, сделал последнюю часть дела, но нам нужны были ещё материалы для ремонта других лодок. Мы безрезультатно рылись в складах, и в течение всей ночи я не переставал ломать себе голову, придумывая какой-нибудь выход.

На рассвете, идя к лодкам, я удачно запнулся о старый толстый канат, валявшийся на берегу. Я отнёс его своим солдатам; он был тотчас же разрезан на куски и распущен; таким образом, у нас появился запас пакли, и три самые большие течи были законопачены. Теперь трудность состояла в том, чтобы закрепить паклю; мои рабочие предлагали закрыть щели планками, но у нас не было ни одного гвоздя. Но, как говорится, «голь на выдумки хитра!». С помощью буравчика, который был нашим единственным инструментом, мы наделали отверстий вокруг щелей; через них пропустили тонкий шнур, который я нашёл в своём багаже, и таким образом прочно закрепили планки на щелях. Отверстия, чтобы вода не проникала в них, забили колышками. В три часа пополудни мы закончили ремонт, починили руль, поправили весла, и я приказал своим людям быть готовыми к следующему утру.

Когда мы уже собирались отплыть, появился караван якутских купцов; они направлялись в Охотск, и я попросил господина Аллегретти воспользоваться случаем и пойти вместе с ними. В девять часов мы расстались. Сердце моё было тронутό теми услугами и той привязанностью, которую мне выказал этот замечательный доктор.

¹ Понижение уровня воды каждый день было заметно даже на глаз, и дальнейшее промедление подвергло бы нас опасностям отмелей и перекатов.

² Эти лодки плоскодонные и остроконечные в носу и корме.

Я нанял для гребли двух солдат, один из которых был тем самым, который совершал это плавание прежде. Недорезов стоял у руля, а мы с Голиковым должны были сменять его, когда он устанет. Стремительное течение несла нас с такой силой, что мы легко могли обойтись и без вёсел. При той скорости, с которой мы плыли, мы должны были, по мнению солдат, добраться до пресловутого порога¹, до которого было более восьмидесяти вёрст, ещё до наступления ночи. Все их разговоры были исключительно о тех опасностях, с которыми нам придётся столкнуться. Хотя я уже пришёл к убеждению в их неопытности, постоянно слыша эти боязливые речи, я и сам начал, наконец, тревожиться и решил действовать со всей возможной осторожностью, чтобы у меня не было потом причин упрекать себя. Я часто выходил на берег и шёл вдоль реки, чтобы посмотреть, насколько безопасен дальнейший путь. Ближе к вечеру подул западно-северо-западный ветер, принёсший дождь. Не желая рисковать нашим багажом и мокнуть самому, я приказал остановиться и поставить над моей лодкой палатку.

На следующий день, после четырёхчасового плавания, прерываемого частыми высадками для разведки подходов к порогам, мы, наконец, увидели их. Я взял двух моих лоцманов и отправился осматривать это место. На небольшом расстоянии выше него я увидел маленький каменистый островок, который виден только тогда, когда вода начинает спадать. Солдаты советовали мне пройти, если вода будет достаточно высока, по протоку справа от него; хотя спуск там очень быстрый, они уверяли меня, что это ничто по сравнению с порогом. Я решил, что совет этот весьма разумный, и мы вернулись к лодке, решив применить его на практике. Я подбадривал моих людей, как только мог, а затем встал у руля. Недорезов сидел рядом со мной, а Голиков помогал одному из гребцов, потому как у нас было только два весла. Так мы шли, пока не достигли места разветвления на два потока, один из которых вёл в протоку, а другой терялся в порогах. Стремительность последнего чуть не увлекает нас, но выручает сила и ловкость наших гребцов. По моему сигналу их мускулистые руки напрягаются и ударяют по вёслам; вокруг бушуют и пенятся волны, яростно раскачивая лодку, мои непрерывные подбадривания и более всего страх удваивают пыл нашей команды. Наконец, мы преодолеваем коварное течение и устремляемся в проток. Стремительный спуск, и — нас встречают приветливые и спокойные воды. Мои люди отдыхают, я сижу за рулём, его достаточно, чтобы управлять лодкой.

Когда пороги были уже позади, любопытство заставило меня обернуться. Невольная дрожь охватила меня от их грозного вида, и я возблагодарил небеса за то, что показали мне в них безопасный путь. Дай Бог, если хоть одна лодка из десяти, которые попытаются проделать этот путь, не потерпит крушение!

¹ Порог Кютепский находится ок. 1 км выше впадения в Юдому правого притока — реки Кютеп. — *прим. перев.*

Какова же будет судьба какого-нибудь судёнышка, если его, несмотря на все усилия, понесёт по течению? Во время нашего стремительного спуска я видел, как вода с оглушительным шумом падает с порога высотой двадцать футов на три огромные камня в обрамлении пены. Что, если не чудо, спасёт его от гибели? Между тем, когда уровень воды настолько низок, что проток, которым мы прошли, становится непригодным для прохождения любых судов, другого пути не остаётся. Мои проводники сообщили мне, что лодки всегда разгружаются перед тем, как пройти этот опасный участок, и что к этому сводятся все меры предосторожности, а всё остальное возлагается на мастерство экипажей.

Нам предстоял ещё трудный участок, которого боялся наш экипаж; он называется Подпорожный и находится примерно на расстоянии версты от порога¹. Они всё ещё говорили об этом, когда мы приблизились, и у меня едва хватило времени объяснить им манёвр, который я считал необходимым совершить. Наша цель состояла в том, чтобы выбрать самый глубокий участок; на него указывала тёмная вода, и я направился к ней. Крутые волны швыряли нас с силой большей, чем если бы мы были в открытом море. В одном месте нашу лодку внезапно ударило о валун, который находился на одном уровне с водой и который никто не заметил. Все повалились от удара; мои товарищи уже вообразили себя погибшими и не смели подняться; напрасно я призывал их грести дальше; они не обращали никакого внимания на мои крики. Я вернулся за руль и, увидев, что лодка не пострадала, убедил, наконец, команду занять свои места. Своим спасением мы были обязаны мху, которым оброс камень; лодка коснулась его вскользь и не пострадала.

Чтобы избежать подобных случаев, нужно проходить точно по середине потока и не обращать внимания на волны, которые выглядят так, как будто разбиваются о скалы. Длина этого Подпорожного переката примерно триста ярдов, в конце его в Юдому впадает другая река; её прозрачная вода и ровность течения по сравнению с быстрой и суматошной Юдомой образуют столь разительный контраст, что глаз долго отличает воды одной реки от другой.

На Юдоме, с левой стороны находится ещё одно препятствие, столь же грозное, оно называется «Чертовская протока»². Она находится примерно в тридцати верстах от того места, где река впадает в Маю. Протока известна своими камнями и мёртвыми деревьями, которыми завалено её русло в верхней части; если вы не будете постоянно держать курс вправо, вас затянет в протоку очень быстрое течение, и ваша гибель будет неизбежна.

¹ Очевидно, это перекас, который отмечен на современных картах, как Кютепский и находится чуть выше устья реки Кютеп – *прим. перев.*

² Вероятно, это протока, современное название которой – Миша-Тебюлех. – *прим. перев.*

В одном месте я увидел медведя, который рыскал по берегу; я зарядил ружьё крупной дробью и выстрелил, но он, несмотря на рану, убежал в лес, и я сразу потерял его из виду. В следующее мгновение в пятнадцати шагах от меня появился прекрасный олень, но моё ружьё не было заряжено, и он убежал. Я видел также множество архаров, лебедей, гусей и лисицу, но не смог подстрелить никого из них.

В этот день я впервые после Юдомского Креста увидел сосновый лес. Те нескончаемые хвойные леса, которые до сих пор встречались нам на берегах реки, были лиственничные — именно её используют на всех верфях этого побережья для постройки кораблей, в частности, из неё делают мачты.

Я чувствовал себя нездоровым из-за приступа лихорадки, но не обращал на это особого внимания; я просто лежал в лодке и не соблюдал никакого другого курса лечения, кроме как пил холодную воду. Мы больше не останавливались на ночлег, так как наше плавание стало очень простым.

Несмотря на то, что я слышал, мне было нелегко поверить, что Урак быстрее Юдомы. По последней мы проплывали по десять, двенадцать, а то и пятнадцать вёрст в час. Её генеральное направление, по-видимому, западное, а в своем устье она разделяется на множество рукавов.

Мы достигли реки Мая в два часа ночи 22-го числа и поплыли почти на север, время от времени склоняясь к востоку. Берега этой реки не такие крутые и мрачные, как у предыдущей, хотя время от времени встречаются горы и даже скалы. Разница в скорости течения была ещё заметнее, так как мы делали всего четыре версты в час.

Около полудня мы встретили девять лодок, нагруженных различным военным снаряжением для экспедиции г-на Биллингса. Их тянули вверх по реке люди. Мы не могли приблизиться к ним, но я уверен, что офицер, который ими командовал, был господин Беринг¹, сын мореплавателя, которому Россия обязана такими интересными открытиями на северо-западном побережье Америки. Они рассчитывали, как мне сказали, за шесть недель пройти тот путь, который мы преодолели всего за четыре дня.

Нам стали невыносимо досаждают комары. У нас не было другого способа, кроме как отпугивать их дымом от гнилушек, для этого мы были вынуждены день и ночь поддерживать огонь.

После полудня 23 июня мы вышли из реки Мая в другую, более широкую и быструю, называемой Алдан²; мы пересекли её, чтобы найти себе пристанище на другой стороне, напротив устья Май³.

¹ Это был его не сын, а внук — Христиан Тимофеевич Беринг (1761-1799), капитан 1 ранга, исследователь северной части Тихого океана, участник экспедиции Биллингса-Сарычева. — *прим. перев.*

² Он впадает в Лену на небольшом расстоянии от Якутска и к северу от него.

³ Это место называется Пристань Усть-Мая.

Там я нашёл нескольких моряков из экспедиции господина Биллингса, которые посоветовали мне воспользоваться недавно прибывшими вьючными лошадьми, которые на своём обратном пути могут доставить меня до Амги. По плану я должен был плыть до Бельской переправы¹ и оттуда взять курс на Якутск, но, идя через Амгу, я мог значительно сократить путь. Эта обстоятельство и удачный случай, предоставивший мне лошадей, побудили меня изменить мой первоначальный план.

Я заплатил своим проводникам², и так как им было приказано оставить лодку на Бельской переправе, которая находилась в ста пятидесяти верстах ниже, они продолжили свой путь по Алдану. Они не отплыли и версты от меня, как я уже раскаялся, что отпустил их. Якуты, которым принадлежали лошади, боялись слишком утомить их и с неудовольствием восприняли, что я намерен ими воспользоваться. Не смея открыто отказать мне, они попытались незаметно скрыться: их догнали и с помощью обещаний вернули обратно. На всякий случай мы заперли их всех в одной избе, из которой им не разрешалось выходить, пока они не согласятся проводить меня до Амги; к тому же была предпринята ещё одна предосторожность — мы отобрали для нас десять лучших лошадей.

После хорошего ночного отдыха, который совершенно избавил меня от вчерашнего недомогания, я с удовольствием вскочил на коня и мы тронулись в путь. После выговора, сделанного нашим якутам Голиковым, они стали более послушными. Я был удивлён их хорошим настроением, от которого они пели всю дорогу.

Их пение не очень приятно и состоит из долгих монотонных горловых вибраций. Однако они прекрасно импровизируют. Для слов их песен не нужно никакого воображения, они просто поют обо всём, что происходит перед их глазами или приходит им в голову. Если рядом пролетит птица, они споют о ней песню, которая будет длиться целый час. Но образы её не меняются, напротив, это будет просто бесконечное повторение слов: «О! Птица летит!».

В продолжении ста вёрст мы ехали через топкое болото, в котором наши лошади увязали так глубоко, что нам приходилось спешиваться и помогать им выбраться; но остальная часть пути была не так уж плоха. Посреди большого леса я видел на берегу озера двух рыбаков, занятых приготовлением припасов на зиму. Их жилищем был просто навес из древесной коры, под которым они проживут всё лето.

25-го числа был очень дождливый день, особенно когда мы останавливались, а это было с четырёх часов дня до восьми вечера. Мои якуты, чтобы

¹ Бельская переправа через реку Алдан — почтовый станок на сухопутном Якутско-Охотском тракте. Здесь начинался самый сложный участок тракта — вьючная тропа через лесистые горы и многочисленные речки до Юдомского Креста. Ныне здесь находится посёлок Охотский Перевоз. — *прим. перев.*

² За пять дней плавания мы прошли около семисот вёрст.

защититься от дождя, накинули на плечи медвежью шкуру на манер плаща. Метёлки из хвоста лошади, закреплённого на рукоятке, служили им для защиты от мух. Мы были так измучены ими, что я тоже не преминул воспользоваться этим полезным приспособлением.

26 июня не было ничего примечательного. Вечером мы прибыли на реку Амга, в двухстах верстах от Усть-Маи. Глубина её была такая, что у нас не было никакого желания переправляться вброд, а лодки тем временем были уже все на том берегу. Мы звали их, но безрезультатно. Потеряв терпение оттого, что никто не появлялся, один из якутов разделся и поплыл за лодкой. После этого переправа всего нашего каравана заняла около часа. Мы тотчас же оседлали коней и поспешили к дому якутского вождя — иначе, князька — по фамилии Жирков. По пути я увидел несколько юрт, все они были по меньшей мере в версте друг от друга. Голиков уехал вперёд, чтобы подготовить нам хороший приём.

Князь действительно проявил ко мне большую вежливость; он не только пригласил меня в свою юрту и угостил молоком и превосходным маслом, но и обещал, что его лучшие лошади будут на следующий день к моим услугам¹. Узнав, что я нуждаюсь в отдыхе, он указал мне на юрту, которая предназначалась для меня, и пока она готовилась, он любезно ознакомил меня со своим жилищем, которое было одним из лучших, какое я когда-либо видел.

Размеры этих домов варьируются в зависимости от богатства владельца и численности его семьи. Брёвна, поставленные рядом и оштукатуренные глиной, образуют наклонные стены, которые не похожи на наши, вертикальные. Они поддерживают крышу, наклон которой очень незначителен: в некоторых юртах крыша поддерживается столбами. В доме только одна дверь, и он разделен, как я уже писал, на две комнаты. В одной из них, чистой, живёт семья, которая спит в своего рода каморках, расположенных вдоль стен, и которые я могу лучше всего сравнить с маленькими каютами на голландских кораблях. У каждой семейной пары есть своя каморка. Другая часть юрты предназначена для скота и представляет собой не что иное, как хлев. В центре юрты находится очаг с круглым дымоходом, сделанным из дерева и защищённым от огня толстым слоем глины. Когда в нём зажигают огонь, дрова укладывают вертикально. В дымоход иногда вставляют поперечные жёрдочки, на которые они вешают свои чайники и котелки.

В одном углу юрты стоит кожаный ушат, в него ежедневно наливают кобылье молоко и размешивают палочкой, подобной той, что служит для взбивания масла. Каждый проходящий, особенно женщины, прежде чем

¹ Кроме другого разнообразного скота, он имел в своем распоряжении две тысячи лошадей в очень хорошем состоянии, хотя и потерял значительное их количество на перевозках для экспедиции г-на Биллингса. По тому, как он говорил о своей покорности воле императрицы, я понял, что он готов идти на любые жертвы, чтобы доказать своё рвение.

заняться каким-либо другим делом, несколько минут помешивает молоко; именно таким способом они приготавливают кисловатый, и в то же время приятный напиток, называемый «кумыс». А если дать ему забродить, то он становится к тому же весьма хмельным.

Мой хозяин довольно хорошо говорил по-русски¹, и я воспользовался случаем почерпнуть у него некоторые сведения об обычаях, нравах и веровании его соплеменников, которые я помещу здесь вместе с другими записями, сделанными мною ранее по этим предметам.

С наступлением лета они покидают зимние жилища и вместе с семьями и необходимым количеством лошадей отправляются косить сено на зиму. Делают они это подальше от своей юрты и самых плодородных угодий. Остальные лошади остаются на попечение слуг, которые пасут их на окрестных пастбищах.

Я очень сожалею, что не присутствовал на их празднике в честь возвращения весны в мае месяце. Они собираются на открытой местности, едят до отвала жареную телятину и жеребятину, выпивают массу перебродившего кумыса, танцуют, поют и в конце концов заканчивают гаданиями. Их шаманы верховодят на этих празднествах и делают всем свои экстравагантные предсказания.

Эти колдуны здесь более почитаемы и меньше преследуются властями, чем на Камчатке. Считаясь толкователями желаний духов, они даруют свое посредничество наивным якутам, которые, однако, всегда безропотно платят за это. Я видел, как эти глупцы отдают своего лучшего коня, чтобы он отвёз шамана в его деревню. Нет ничего более безобразного, чем магические сеансы этих самозванцев. Поскольку я ничего не знал о них, кроме как из написанного другими, мне очень хотелось присутствовать на таком представлении самому. Я убедился в полной правдивости этих свидетельств; и, поскольку я уже подробно описывал это зрелище ранее, я ограничусь описанием шамана, который предстал передо мной.

Одетый в костюм, украшенный колокольчиками и железными пластинками, издававшими оглушительный шум, он к тому же с ужасной силой бил в бубен. Затем он носился, как сумасшедший, с разинутым ртом и мотая во все стороны головой. Его чёрные всклокоченные волосы² скрывали лицо, и под ними в одно мгновение раздавались стоны, в следующее — рыдания, а затем громкие раскаты смеха — прелюдии его прорицаний.

В идолопоклонстве якутов мы находим все те же нелепости и суеверия древних камчадалов, коряков, чукчей и других жителей этих мест. Однако у

¹ Я встречался со многими вождями, которые говорили на нём так же хорошо, как и на собственном.

² Нет ничего проще, чем отличить шаманов, которые отращивают волосы и завязывают их сзади, от якутов, которые носят короткие волосы.

них есть несколько более определённых принципов, и среди нелепых вымыслов, за которыми они скрыты, мы встречаем достаточно остроумные идеи, касающиеся Верховного Существа, чудес и будущих поощрений и наказаний.

Но больше всего меня поразила живость и необычность их образа мыслей. Они восхищаются сказками, почерпнутыми из их абсурдной мифологии, и рассказывают их со всей убеждёностью своего легковерия. Сравнивая их с нашими собственными мифами, мы уже не испытываем искушения так высоко ценить наших древних и современных сказочников, когда видим, что этот вид творчества культивируется такими соперниками. Две следующие сказки были переведены мне Голиковым слово в слово.

Однажды в большом озере разгорелась жестокая борьба между различными видами рыб. Спор шёл о создании верховного суда, в чьи обязанности должно было входить управление всем рыбным племенем. Селёдка и большинство мелких рыбок считали, что они имеют такое же право голоса, как и Лосось. Мало-помалу спор стал таким жарким, что мелкие рыбки объединялись в одну Гигантскую рыбу против тех больших, которые раньше пользовались слабостью маленьких, чтобы обижать и преследовать их. И вот произошла кровопролитная война, которая закончилась поражением больших рыб. Победённые, спасаясь от гибели, убежали в маленькие ручейки, а Гигантская рыба, одержав победу, стала хозяином озера. Таков закон сильнейшего!

Другая басня имеет ещё большее сходство с нашими бабушкиными сказками, которыми пугают детей и обманывают скуку деревенских вечеров. Я склонен подозревать, что она была сочинена шаманом.

Один якут не проявил должного уважения или нанёс какой-то вред своему шаману. Злой дух, чтобы отомстить за последнего, превратился в корову и, смешавшись со стадом якута, ухитрился, пока оно кормилось у леса, украсть самых лучших телок. Вечером, когда пастух вернулся, разгневанный хозяин обвинил его в небрежности и выгнал из дома. Тотчас же явился злой дух в виде другого пастуха, нанялся к якуту на работу и на следующий день погнал коров в поле. Прошёл один день, два дня, а стадо всё не возвращается. Обеспокоенный якут пошёл с женой, искал повсюду своих коров и, наконец, нашёл их — но в каком беспорядке! При его приближении они начали прыгать и танцевать под звуки флейты¹ вероломного пастуха. Хозяин стал ругаться и возмущаться! «Постой! — сказал ему злой дух. — Можешь упрекать меня в том, что я ограбил тебя, обидевшего самого уважаемого шамана, но пусть это послужит тебе уроком и научит давать каждому человеку то, что он заслуживает».

¹ Инструмент, который я здесь называю флейтой, сделан из полых кости и напоминает наши «луковые флейты», имеют такой же высокий тембр. [Луковая флейта (флейта евнуха, flûtes à l'oignon) — старинный инструмент, родственник мирлифону (мембранофону) или американскому «казу» — прим. перев.]

После этого стадо и пастух исчезли, и несчастный якут потерял всё своё имущество.

Место, где это произошло, с тех пор считалось обителью адских сил. Можно, конечно, заподозрить, что злой дух, укравший коров, был не кто иной, как сам шаман, но таково уж простодушие целомудренных якутов, что они с негодованием отвергают такие подозрения и считают их ужасным богохульством.

Мне часто показывали в лесу останки старых якутских могил. Это были грубо сделанные гробы, подвешенные на деревьях. Я не знаю, по какой причине они отказались от этого обычая хоронить своих умерших таким способом и подальше от своих жилищ, но в настоящее время их способ погребения такой же, как у христиан.

Похороны проходят с некоторой пышностью, соответствующей общественному положению и богатству покойного. Если это вождь, то он облачен в свои лучшие одеяния и с ним самое дорогое оружие. Семья несёт гроб с телом к могиле; громкие стенания возвещают о скорбном шествии. Любимая лошадь покойного и ещё одна, самая лучшая из его табуна, обе богато украшенные и ведомые слугой или ближайшим родственником, идут рядом. На месте погребения их привязывают около могилы к двум столбам¹, и, пока их хозяина хоронят, перерезают им горла. Это кровавое возливание — дань уважения его привязанности к этим животным, которые, как предполагается, последуют за ним в другой мир, где он снова сможет пользоваться ими. Затем с них снимают шкуры; их, вместе с головами, растягивают горизонтально на ветвях деревьев рядом с могилой, получается своего рода мавзолей. Затем разжигается огонь, и последнее доказательство уважения к покойному состоит в том, чтобы зажарить и съесть на этом месте его любимых животных. По окончании застолья все расходятся. Тот же самый ритуал соблюдается и для покойной женщины, за исключением того, что вместо лошади приносят в жертву её любимую корову.

Якуты крепкие и вообще крупные. Чертами лица они похожи на татар. Утверждают, что есть большое сходство в языках этих народов; я могу только утверждать, что якуты говорят отрывисто и резко, а слова в их речи звучат отчётливо.

Их одежда проста и почти одна и та же на все времена года, с той лишь разницей, что зимняя сшита из шкур. Поверх рубахи они обычно надевают большую куртку с запахивающимися полами. Короткие штаны едва достают колен, но длинные сапоги, называемые «сáры»², доходят выше колена. В жаркую погоду они не носят ничего, кроме штанов.

¹ Они очищены от коры и либо окрашены в разные цвета, либо украшены грубой резьбой.

² Длинные мягкие непромокаемые сапоги из конской кожи. — *прим. перев.*

Они считают, что ездят верхом лучше, чем любой другой народ в мире, и их тщеславие в этом отношении заходит так далеко, что они избегают давать путешественникам своих самых резвых коней¹.

Многоженство является частью социальной жизни этих народов. Вынужденный совершать частые путешествия, якут имеет жену в каждом месте, где он останавливается, но жёны эти никогда не встречаются. Несмотря на эту вольность, они ревнивы до крайности и являются заклятыми врагами всякого, кто осмелится нарушить законы гостеприимства.

На следующее утро, когда я проснулся, девять превосходных лошадей, благодаря заботам Жиркова, были уже осёдланы². Он предложил мне свою любимую лошадь, которая была прекрасным иноходцем. Преисполненный благодарностью, я попрощался с ним в ранний час 27-го июня в утешительной надежде чаще встречать такие поселения, где можно отдохнуть и получить свежих лошадей.

Недалеко от нашего пристанища, называемого Амгинским становьём, я увидел у дороги деревянные изображения птицы величиной с утку или баклана; это были символические изображения злобного духа, наводившего ужас на всю эту местность. Про него рассказывают самые нелепые истории; говорят, например, что этот дьявольский дух часто сбивал с дороги путников и пожирал их лошадей.

Вечером я остановился в доме другого якутского князька³, который только что переехал в своё летнее жилище, показавшееся мне очень чистым и опрятным. Я приведу здесь описание его «урасы», ибо именно так называются эти живописные постройки.

Подобно юртам кочевых коряков, они круглые, просторные и построены из шестов, меньших по количеству, но расставленных таким же образом и удерживаемых на расстоянии друг от друга чем-то вроде обруча наверху; все это покрыто берестой⁴, нарезанной полосами шириной восемнадцать дюймов по высоте. Полосы окантованы зубчатой лентой, сделанной тоже из бересты, таким же образом ураса украшена и внутри. Орнамент этих украшений определяется вкусом владельца, в них есть своего рода довольно забавная первозданность. Такое же украшение на кресле и кровати главы семьи. Остальные члены семьи и работники лежат на земле на циновках или шкурах, а посреди урасы горит огонь.

¹ Говоря о сёдлах, я должен был бы добавить, что стремяна у них очень короткие.

² За три лошади здесь платят столько же, сколько за одну в Сибири.

³ Я бы без конца повторялся, если бы стал упоминать все любезности, которые оказали мне каждый из этих якутских князей.

⁴ Береста снимается с деревьев весной.

28-го числа мы подошли к реке Суола и довольно долго ехали вдоль её берегов. Жара мучила меня не меньше, чем мухи, мне так хотелось пить, что я останавливался у каждой юрты, чтобы выпить кумыса.

На следующее утро мы добрались до места под названием Ярманская¹, которое находится в двухстах верстах от Амги, на берегу Лены. Переправившись через эту реку, я должен был быть в Якутске, но по постановлению коменданта каждый путешественник должен был ждать здесь разрешения войти в город. Как ни неприятен был этот вид карантина, но я примирился с ним, когда один из младших офицеров попросил меня пройти ещё двести ярдов, где я должен был найти инспектора и лейтенанта из команды господина Биллингса. Им сообщили о моем прибытии, и они приняли меня с самыми лестными проявлениями уважения и радушия. Не успел я объяснить им, насколько задержка, которая мне угрожает, будет противоречить моим планам, как они тотчас же приказали отвести меня на другой берег реки, прибавив, что они уверены в одобрении коменданта, который уже давно ждёт моего прибытия.

В полдень мы сели в предоставленную нам лодку и целых четыре часа пересекали Лену по диагонали. Насколько я мог определить на глаз, река была в этом месте не менее двух лиг шириной².

Глава XVII

Прибытие в Якутск – Ужин с господином Биллингсом – Описание Якутска – Жители – Плавание по Лене – Люди, занятые на этой службе – Олекминск – Встреча с тунгусом – Тунгусские лодки – В гостях у тунгусов – Хорошие черты этого народа – Пеледуй – Киренга – О бурятах.

Высадившись на берег, я был встречен офицером полиции, который, как положено, отвёл меня в квартиру, которую он счёл подходящей для моего проживания. Я попросил его направить меня в дом господина Маркловского, коменданта³, которого я немедленно посетил. Он принял меня с величайшей вежливостью, разговаривая исключительно на очень хорошем французском.

¹ Ярманская (Ярмонская) – бывшее поселение (почтовый стан) на правом берегу Лены напротив Якутска, между современными сёлами Нижний Бестях и Тэхтюр (ближе к последнему). Исчезло после революции 1917 года. На некоторых современных картах о нём напоминает только название «урочище Ермонка». – прим. перев.

² 2 морские лиги ≈ 11 километров. – прим. перев.

³ Александр Иосифович Маркловский — подполковник, 1-й комендант Якутской области (1784—1788). Формально в тот момент (29.06.1788) Маркловский уже не был комендантом, т.к. с 5 июня 1788 года и.о. на эту должность был назначен надворный советник Вильям Иванович Дразман. Но, очевидно, Дразман в это время ещё не прибыл в Якутск. – прим. перев.

Похвалив меня за быстроту моего путешествия¹ и удачное прибытие, он пригласил меня отдохнуть несколько дней в Якутске.

Но из всех его любезных предложений ничто не польстило мне больше, чем приглашение поужинать в тот же вечер с господином Биллингсом². Мне очень хотелось познакомиться с ним поближе, и я с нетерпением ждал этого момента. Наша общая профессия путешественника придавала встрече некоторую фамильярность, и нас можно было принять за старых знакомых; между тем мы оба были совершенно сдержанны в отношении наших миссий, тщательно избегая в разговоре всего, что могло бы их касаться. Я восхищаюсь деликатностью и сдержанностью г-на Биллингса в этом отношении: во время моего пребывания я один раз обедал в его доме, и каждое утро и вечер мы встречались у коменданта³; но во время нашего общения от него не последовало ни одного нескромного вопроса.

Он очень сожалел, что не встретил в своем плавании суда нашей экспедиции. Он счёл бы за счастье и честь исполнить великодушные намерения своей императрицы, оказав графу де Лаперузу всяческое содействие, какое только было в его силах. Это долг, сказал он, который он не имел другого способа исполнить, кроме как по отношению ко мне. И действительно, он был ко мне чрезвычайно добр и оказал множество услуг.

Езда верхом чрезвычайно утомила меня, и мне посоветовали плыть до Иркутска вверх по Лене. Это было тем приятнее, что давало мне время прийти в себя, а по времени путь был бы дольше не более четырёх или пяти дней. Как только я решился на это, господин Биллингс помог мне раздобыть лодку, приказал сделать два паруса из моей палатки, дал мне одного из своих верных солдат в качестве лоцмана и вообще снабдил меня всем, что могло пригодиться в пути.

Пять дней, которые я провёл в Якутске, были потрачены на подготовку к отъезду. Однако у меня было достаточно времени, чтобы заметить, что это был самый приглядный и густонаселённый город, который я когда-либо видел на своём пути по этой стране.

Он расположен на западном берегу Лены; дома деревянные, но большие и удобные; дом коменданта обращён к порту. Большинство церквей каменные. Порт, обмеливающий при низкой воде, находится на протоке реки⁴. Суда, которые привозят сюда товары — это всего лишь баржи; большая их часть

¹ Я был первым путешественником, который прибыл в Якутск из Охотска в этом году. Расстояние между этими городами составляет около полутора тысяч вёрст.

² Биллингс прибыл в Якутск из Иркутска незадолго до этого, 9 июня. — *прим. перев.*

³ Г-н Маркловский должен был занимать этот пост до приезда господина Козлова. [Фактически Г.А.Козлов-Угренин прибыл в Якутск только в октябре 1789 года. До этого времени должность коменданта по 2.10.1789 г. исполнял В.И.Дразман. (см. сноску выше). — *прим. перев.*]

⁴ Лена пересекает Сибирь почти в самой широкой её части, с юго-запада на северо-восток, и впадает в Северный Ледовитый океан.

используется для перевозки казённой провизии, такой как соль и мука. Купцы нанимают или покупают эти суда для перевозки своих товаров в верховьях Лены, где они и строятся.

Город почти весь населён русскими, якуты приезжают сюда только когда им необходимо. В нравах и обычаях жителей заметно влияние цивилизации; тут правят общественный дух и хорошее настроение, необходимые, согласно интересам коммерции, для поддержания среди людей того активного общения, которое является источником благосостояния и удовольствия от жизни¹.

Запасшись провизией, я выехал из Якутска 5 июля в час ночи. В северных широтах, как известно, в течение более чем недели промежутки между днём и ночью едва заметны. Поэтому восход солнца был уже близок, и вплоть до нашей первой остановки мы могли отлично видеть песчаные отмели, тянущиеся вдоль реки. Не всегда имея возможности избегать их, мои проводники, или, вернее, люди, которые тянули нашу лодку, постоянно просили нас присоединиться к ним и помочь перетащить её через отмели. Часто также, несмотря на огромную ширину реки, мы решали пересечь её на вёслах в надежде найти более лёгкий путь, но при этом течение отбрасывало нас назад иной раз на полверсты. На берегу кое-где всё ещё были видны большие льдины, и так будет продолжаться, как мне сказали, всё лето.

Я не буду писать о каждом дне нашего плавания. Подробности его утомительно однообразны и малоинтересны для читателя.

Плавание проходит от станции до станции и часто составляют тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят, семьдесят и даже восемьдесят вёрст². Читатель может представить себе труд тех несчастных, которые обречены на эту службу, то есть на перетаскивание лодок от одной станции до другой. На протяжении тысячи двухсот вёрст этим занимаются ссыльные и осуждённые за преступления. Тянут в основном лошади, но когда лодка садится на мель, человек помогает животным, и это самое трудное, что ему приходится делать. Единственное пособие, предоставляемое этим преступникам правительством — это небольшое количество муки. Также якуты, живущие по берегам реки, обязаны оказывать им поддержку, а в случае необходимости помогать людьми и лошадьми.

Многие из этих несчастных женаты; они ютятся со своими семьями в полуразрушенных избах, разбросанных по правому берегу реки. Однажды мне пришлось искать убежища от дождя в одном из этих жилищ; я выбрал самое многообещающее, но, войдя туда, был поражён его зловонной атмосферой; нет слов, чтобы описать ужасную картину нищеты, представшую перед моими

¹ Я ничего не буду говорить о способах управления, так как они похожи на оные в Охотске.

² Плата за провоз от этого не зависит; за человека платят столько же, сколько за лошадь.

глазами. Найти убежище в этом доме мне не удалось: дождь так хлестал из каждого отверстия в крыше, что через четверть часа я промок до нитки и предпочёл терпеть его в своей лодке.

Часы досуга этих осуждённых заполняют охота и рыбалка; их порочные наклонности не меняются, они всё так же руководствуются мотивами только выгоды или страха. При приближении лодки они всегда пытаются уклониться от своей тягостной службы. Не раз они проделывали этот трюк и с нами. Когда мы прибывали на станцию, на которой постоянно должны были быть наготове пять-шесть человек, появлялся только один; остальные прятались в лесу, и наши предыдущие проводники были вынуждены везти нас до следующей станции¹. Я тем охотнее расплачивался с этими бедолагами, что, отпуская их, часто видел их ноги в крови.

Однажды они перехитрили нас весьма оригинальным образом. Как-то утром нам встретила почтовая лодка, идущая вниз по реке; на вахте как раз стоял Голиков. Коварные негодяи попросили у него разрешения поменаться с нашими людьми. Они хорошо знали, как убедить его — говорили, что это для нашей же выгоды и тому подобное, так что он согласился. Желая сообщить мне о нашей удаче, он разбудил меня, но только для того, чтобы я стал свидетелем того, с какой скоростью наши злодеи уплыли прочь вместе с теми другими, бросив свой чёлн, привязанный позади нас. Досаду Голикова при виде этого зрелища вполне можно себе представить; он не знал, как оправдаться, так как нам пришлось самим тащить лодку до следующей станции; к счастью, она была не так уж далеко. Там всё ещё были люди, которые привели почтовую лодку, и два моих солдата быстро привлекли их служить нам. По-моему, их готовность подчиниться была вызвана главным образом угрожающим тоном Голикова; наше приключение настолько вывело его из себя, что он уже не мог сдерживаться. «Вы не знаете, — сказал он мне, — как обращаться с этими негодяями. Если бы я действовал, как вы, то нас бы оскорбляли на каждой станции, или мы постоянно попадали бы в неприятности, подобные сегодняшней».

Тем временем 14 июля мы прибыли в Олёкминск, не встретив по пути особых препятствий. Этот город, первый, который я увидел после отъезда из Якутска, находится в семистах или восьмистах верстах от него, хотя в расходах на провоз он оценивается только в шестьсот. Он расположен в устье реки Олёкма. Маленький, неряшливо построенный, ничего достойного внимания в нём нет. Мы пробыли там всего два часа.

Через несколько вёрст к нам подошла небольшой чёлн с одним человеком. Он предложил нам немного бересты, которую ободрал в лесу неподалёку; мои солдаты охотно купили её, чтобы прикрыть нашу лодку. Торговец был

¹ Они всегда привязывали к моей лодке небольшой чёлн, в котором возвращались домой вниз по течению.

тунгусом, его семья жила на левом берегу¹. Решив не упускать такой хорошей возможности поближе познакомиться с этим народом, я приказал причалить к правому берегу и, сопровождаемый Голиковым, сел в челнок тунгуса, который так же, как и я, был доволен визитом, который я собирался нанести его родным.

Меня поразила форма и лёгкость их лодочек, днища которых были, однако, настолько круглыми, что касались воды лишь небольшой поверхностью и поэтому были очень неустойчивы. Корпус их выполнен из реек, перекрещенных в виде решётки и покрыт берестой, сшитой и просмоленной. Концы лодки узкие и заострённые, для гребли используется двухлопастное весло.

Тунгусы приняли меня с ликованием: окружённый вниманием, тепло приветствуемый и обласканный, я не знал, как ответить на их дружеские слова. Молодой олень был убит и положен к моим ногам; делая этот подарок, эти добрые люди сожалели, что их бедность лишила их возможности и удовольствия быть ещё более полезными для меня. Я сам не мог быть очень щедрым, и я только выразил свою благодарность, оставив им кое-что из моей одежды.

Они живут почти так же, как кочевые коряки. Только их юрты меньше и покрыты берестой; другой разницы нет. У каждой семьи есть своя собственная юрта; главным предметом внутреннего убранства является маленький деревянный идол в человеческом облике; с огромной головой, он одет в их одежду и украшен кольцами, колокольчиками и другими металлическими предметами. Они называют его Святой Николай, намекая на святого-покровителя России.

Я уже описывал одежду тунгусов, а потому мне остаётся только рассказать об их характере, нравах и способах передвижения.

Они не такие рослые, как якуты, имеют запавшие глаза, плоский нос и широкое лицо, как у камчадалов. Они всегда гостеприимны; в их характере откровенность и добродушие. В религии они так же наивно доверчивы, как коряки, верящие во все нелепости идолопоклонства. Шаманы, как и везде, пользуются у них почтением и доверием: эти самозванцы правят людьми и внушают страх повсюду.

Кроме рыбной ловли² и охоты, которые в это время года заставляют их быть немного оседлыми, их основной заботой остаются их олени. Эти животные составляют всё их богатство и с лихвой расплачиваются за заботу о них. Они не только дают людям пищу³ и одежду, но и послушны руке, которая ведёт их, они

¹ Он сообщил мне, что этот берег Лены заселён несколькими племенами его соотечественников. Я должен заметить, что тунгусов и ламутов можно считать одним народом. [Эвенки и эвены действительно очень близки. — прим. перев.]

² Рыба, которой эта река в основном изобилует — это осётр и стерлядь. Тунгусы, как и мы, употребляют икру этих рыб.

³ В отличие от коряков, тунгусы доят самок оленей. Я пробовал это молоко, оно очень густое.

позволяют своим хозяевам, мужчинам и женщинам, садиться себе на спину и возить их быстрым шагом, куда им заблагорассудится¹. Вместо того чтобы запрягать их в сани, как чукчи и коряки, они ездят на них верхом и управляют уздечкой, обвитой вокруг рогов. Седла украшены орнаментом, они такого же размера, как наши, но без стремян; и удерживается на спине оленя очень слабой подпругой, потому всаднику, чтобы не свалиться приходится действовать длинной палкой, которой он также погоняет своего «скакуна»; очевидно, это упражнение требует большого мастерства. Поклажу возят в небольших коробах из оленьей кожи, они прикрепляются к седлу и висят по бокам животного. На стоянках их расставляют вокруг юрт.

Наше плавание стало, наконец, более приятным, когда мы добрались до Пеледую, большой деревни, жители которой — русские, происходившими от первых земледельцев Сибири, называвшихся «старожилами». Здесь я, наконец, освободился от опасных ссыльных, и теперь моими проводниками стали честные крестьяне, усердные и покладистые. Их поселения встречались чаще, и в них можно было хоть что-то купить. В каждой из этих деревень есть шесть человек, назначенных для содержания почтовой станции: это их обязанность и ничто не освобождает их от этой службы. Как и все русские крестьяне, они прикреплены к земле², платят те же пошлины казне и поставляют рекрутов. Урожая со своих полей недостаточно для пропитания в течение всего года, и они вынуждены запасаться покупным зерном. Рожь нигде не стоит так дорого, как в этих местах; она продаётся здесь по семьдесят-восемьдесят копеек за пуд.

Следующей деревней был Витим. Так как он похож на все русские деревни, то нет особой нужды его описывать; церковей здесь меньше, чем кабаков и трактиров.

По берегам Лены очень много птиц, их привлекают сюда комары и мошки, которых тут великое множество. Чтобы избавиться от гнуса, мы запаслись сухим конским навозом, из него мы устроили постоянный дымокур в нашей лодке; но ещё одно неизбежное неудобство на этой реке — это паразиты, которых она порождает; чем больше мы купаемся, тем сильнее они размножаются.

В четырёхстах верстах от Пеледую мы проследовали мимо небольшого городка Киренска в устье правого притока Лены — реки Киренги. Среди домов, не представлявших ничего особенного, мы разглядели каменную церковь.

¹ Их путешествия простираются до границ Тартарии [то есть, по тогдашним понятиям — до Оби и Иртыша. — *прим. перев.*] и Китая.

² Автор не точен — на приленских крестьян, как и на всех переселенцев в Сибирь, не распространялось крепостное право, они были т.н. «государевы крестьяне». Возможно, это не было для них радикальным преимуществом, но, по крайней мере, ими не владели частные лица, их не могли продать, разделить семью и т.п. — *прим. перев.*

Берега стали шире и по большей мере песчаные, так что нас часто тянули лошади¹. Верёвки, которыми нас тянули, были довольно тонкими, но это не тревожило меня; удовольствие от плавания расслабило нас, за что мы вскоре поплатились. Ночью 29-го числа лодка налетел на подводный камень, который мы не заметили в темноте. Верёвка от сильного толчка оборвалась, а лодку через минуту затопило; мы успели только выскочить в воду и вытащить её на берег, что потребовало всех наших сил. Я немедленно вскочил со своей шкатулкой на одну из лошадей и помчался за помощью. Деревня, где мне удалось её найти, была всего в четырёх верстах. В течение следующего дня лодка была починена, и на следующее утро мы продолжили свой путь.

Немного ниже села Усть-Кут мне показали большую солеварню, а за ней три медеплавильных завода².

4 августа наша лодка была повреждена во второй раз и снова спешно починена в этот же день. Был оторван руль, который постоянно ударялся о дно, а также что-то вроде киля, прикрепленного под днищем. После этого я без колебаний передал управление лодкой моему верному Голикову.

Мы сменили лошадей в Тутуре, которая находится в трехстах семидесяти верстах от Иркутска, и, пройдя мимо большого села Верхоленское, в два часа пополудни 5 августа прибыли в Качуг, где принято высаживаться, так как путь вверх по реке поворачивает здесь на север, да и сама река скоро перестает быть судоходной. В этой деревне путешественники пересаживаются на кибитки — русские четырёхколёсные экипажи³, которыми управляют ссыльные, а иногда и буряты.

Между Качугом и Иркутском находится степь, населённая исключительно этими бурятами — племенем скотоводов, предположительно происходящих от татар, так сильно они напоминают этот народ. В их внешности есть что-то свирепое и дикое; они чрезвычайно склонны к воровству, и я видел, как одного из них арестовали за кражу скота. Их стада многочисленны и состоят из волов, коров, лошадей, но в основном из овец. Спешка и недостаток времени не позволил мне посетить их жилища и сделать более подробные наблюдения за их жизнью.

Мы ехали через горы, по ужасным дорогам, мой бедный Голиков то и дело вскрикивал от постоянной тряски нашей адской повозки, он вообще впервые в жизни пользовался таким способом передвижения. Наконец, оставив справа от нас Вознесенский монастырь, откуда уже виден Иркутск, мы подъехали к

¹ По мере приближения к Иркутску русло реки становится все более узким. Я заметил, что поля в этой местности возделаны лучше; особенно хороша пшеница.

² Непонятно, о каких медеплавильных заводах *выше* Усть-Кута говорит автор, т.к. единственное предприятие такого рода было расположено в 70-ти км *ниже* города у села Таюра — Ключи-Воскресенский медеплавильный завод, который просуществовал до конца XVIII века. — *прим. перев.*

³ Эти кибитки имеют форму большой люльки или корзины. Вы можете даже расположиться в ней лёжа, но поскольку у неё нет рессор, вы будете чувствовать каждую неровность дороги.

небольшой протоке, протекающей под стенами города и пересекли её, не выходя из кибитки. Там я был остановлен часовым, который вознамерился, согласно своим обязанностям, доложить обо мне губернатору; но удовлетворившись моим именем и должностью, которые я предоставил ему в письменном виде, он пропустил нас. Было около одиннадцати часов вечера 6 августа, когда я въехал в эту столицу Сибири, проделав от Якутска тысячу пятьсот девяносто четыре версты.

Глава XVIII

Прибытие в Иркутск – Торговля между Россией и Китаем – Барабинская степь – Приключение в степи – Прибытие в Томск – В Тобольске – В Екатеринбурге – Головные уборы черемисов – Город Казань – Несчастный случай – Нижний Новгород – Прибытие в Москву – В Петербурге – В Версале.

Я направился в полицейское управление, чтобы попросить ночлег. Квартирмейстер привёл меня в какой-то дом, хозяин которого, однако, не только не повиновался приказу, который был ему дан, чтобы принять меня, но даже не соизволил подняться со своего места, чтобы заявить о своем отказе. Я увидел, что офицер, раздраженный столь нецивилизованным поведением, был готов ответить за оскорбление власти. Но мне удалось его успокоить, и я попросил найти мне другое пристанище. Между тем о моем приезде и о том пустяковом унижении, которое я испытал, прослышал городничий, майор Долгополов¹. Он тотчас явился на квартиру, в которой я едва успел поселиться, принёс тысячу извинений за то, что со мной так неприлично обошлись и так дурно устроили, и, несмотря на всё, что я мог сказать в пользу моей новой квартиры, заставил меня покинуть её и поехать с ним. Я не проиграл от этой перемены: ничто не могло быть более опрятным и элегантным, чем апартаменты, в которые он меня проводил. Это была анфилада комнат, прекрасно обставленных и украшенных фресками; но больше всего меня порадовало оказанное мне искреннее внимание, предвосхищавшее все мои желания.

На другой день господин Долгополов представил меня губернатору, генерал-майору Арсеньеву², и я передал ему депеши от господина Козлова, так как генерал-губернатор господин Якоби³ был тогда в Петербурге. Я был очень

¹ Иван Лукьянович Долгополов – надворный советник, иркутский городничий. Известен своим покровительством в делах купца и исследователя Григория Ивановича Шелихова (1749–1795) и сотрудничеством с опальным Александром Николаевичем Радищевым (1749–1802). – прим. перев.

² Михаил Михайлович Арсеньев (1730–1791) — российский государственный деятель, морской офицер, правитель Иркутского наместничества с 1786 по 1791 год. – прим. перев.

³ Иван Варфоломеевич Якоби (1726–1803) — генерал от инфантерии, генерал-губернатор Иркутского наместничества с 1783 по 1789 год. – прим. перев.

польщен тем, как господин Арсеньев принял меня. Он был так любезен, что настоял на том, чтобы у меня не было другого стола, кроме его, и представил меня своей семье¹. Согласие, здравый смысл и жизнерадостность, царящие в этом доме, поистине восхитительны и являют окружающим подлинный пример семейных отношений.

Я воспользовался расположением и любезными предложениями губернатора, чтобы искренне рекомендовать ему моего солдата Голикова. Бесчисленные услуги, оказанные мне этим храбрым человеком, его верность, преданность и усердие, выдержавшие все испытания, больше говорили в его пользу, чем все мои рекомендации. Господин Арсеньев пожелал заполучить себе такого достойного подданного, но устремления бедного Голикова² не желали ничего другого, как служить в Якутском гарнизоне, чтобы быть поближе к отцу, жившему в этом городе, и привязанность к господину Козлову, под чьим началом он считал счастьем служить. Это ещё более усилило интерес, который вызвал мой рассказ о нём, и мой протеже немедленно получил ту награду, которую я просил для него.

После этого я нанёс визит господину Поскачину, близкому другу господина Козлова, чья рекомендация обеспечила мне самый изысканный приём. Я встретил в его доме католического священника, посланного в Сибирь для службы в Римской католической церкви. Его резиденция находится в Иркутске.

Этот город, столица Иркутского и Колыванского наместничеств, расположен на берегу Ангары и недалеко от устья Иркуты, от которого он и получил свое название. В нём много каменных и кирпичных зданий и церквей; деревянные дома велики и удобно расположены; население города многочисленно, а общество блестяще; множество офицеров и чиновников, живущих здесь, ввели петербургские порядки и обычаи. У каждого из них есть свой экипаж, количество лошадей которого определяются чином и должностью служащего.

Я уже отмечал, что все суды соседних провинций находятся под юрисдикцией судов этого города. Здесь же расположена кафедра архиепископа, который исполняет свою должность на всей территории этой части Российской империи.

Но именно коммерции эта столица обязана своим великолепием. По своему положению она является перевалочным пунктом между Россией и Китаем. Известно, что сношения двух стран поддерживаются по суше; иногда они активные, иногда вялые и часто прерываются; они претерпели столько

¹ Почти все его дети говорят по-французски; один из сыновей очень грамотно пишет и обладает, как и брат его, множеством приятных качеств. У них есть сестра, которая замужем за вице-губернатором.

² Во время моего пребывания в Охотске господин Кох по моей просьбе охотно присвоил ему чин десятника. Эта неожиданная награда произвела на него такое сильное впечатление, что когда он вернулся со смотра, на котором он получил повышение, я думал, он сойдёт с ума от радости и благодарности.

изменений, что, по-моему, необходимо вернуться к истокам этих связей, чтобы судить об их постоянстве и тех улучшениях, на которые они способны.

Первые сведения о них датируются серединой прошлого века, примерно временем нашествия маньчжуров, которые долгое время опустошали северные провинции Китайской империи, пока, наконец, полностью не подчинили её себе. Первая попытка торговли с южным соседом была предпринята доверенными лицами тобольского губернатора в Пекине. Отнюдь не обескураженные ничтожным успехом этих эмиссаров, российские и сибирские купцы объединились, чтобы извлечь выгоду, насколько это было возможно, из их открытий. В 1670 году они послали караван, который принёс новые сведения и недвусмысленные доказательства возможности успеха. С этого времени торговля множилась, поездки становились всё чаще, а конторы и агентства — все многочисленней.

Этот прогресс встревожил китайцев, и они решили положить ему конец. Были воздвигнуты форты для сдерживания соседа, который с каждым днём приближался всё ближе к берегам реки Амур, Восточного моря¹ и Селенги, незаметно подбираясь к границам Китая. Эти оборонительные меры явились источником весьма жарких споров между двумя империями по поводу их соответствующих границ; произошло несколько военных столкновений и, наконец, открытый конфликт. Много лет возводились, разрушались и снова возводились пограничные форты и крепости, пока в 1689 году оба двора при посредничестве отца Жербильона и отца Перейры, иезуитов, уполномоченных китайским императором, не подписали в Нерчинске мирный договор о вечном союзе², который должен был быть выгравирован на двух камнях или столбах, воздвигнутых на границах каждой империи.

Благодаря этому взаимному согласию была обеспечена свободная торговля для подданных обеих держав, которым их правительства выдавали проезжие грамоты. Между тем Китай позаботился о том, чтобы ему заплатили за его снисходительность уступками, которые она требовала от России, потерявшей не только значительную часть своих владений, но и судоходство по реке Амур до самого Восточного моря.

Чтобы возместить ущерб или извлечь из этой торговли бóльшую выгоду, царь Петр Великий поручил в 1692 году голландцу Избранту Идесу, находившемуся у него на службе, просить у пекинского двора ту же привилегию, которую договор предоставлял частным лицам, и для караванов. Результат переговоров удовлетворил желания петербургского двора,

¹ Так тогда называлось Японское море. — *прим. перев.*

² Этот договор, составленный на латыни иезуитами-переводчиками, был переведён на русский и маньчжурский языки и ратифицирован обоими государями. Это был первый случай со времени основания Китайской империи, когда этот народ заключил мирный договор, и иностранцам было разрешено посещать их столицу. В это время в Пекине жило уже много сибирских семей, дезертировавших или пленных, которым по милости императора Канси позволено было поселиться там и даже натурализоваться.

караваны были допущены, а так как правительство оставляло за собой исключительное право посылать их, то оно и получало всю прибыль¹. Эти путешествия длились по три года, для русских купцов были назначены караван-сарай для обмена товарами, а император Канси² оплачивал их расходы во время их пребывания в Пекине.

Это спокойствие между двумя державами продолжалось недолго. Дурное поведение и пьянство некоторых русских в китайской столице почти уничтожили их торговлю. Её спасло посольство Измайлова³. Благодаря искусству этого переговорщика, беспорядки были прекращены, жалобы удовлетворены, безопасность и доверие восстановлены. Для сохранения порядка в качестве агента русских караванов в Пекине остался Лоренц Ланг⁴.

После его отъезда торговые дела, как и поведение русских, постоянно ухудшались, что возбуждало естественную для китайцев горделивость и подозрительность. Отказ выдать несколько племён монголов, ставших данниками царя, довершил негодование императора; все русские были изгнаны из Китая, и между двумя народами больше не было связи⁵.

В 1727 году граф Рагузинский⁶, посол России к преемнику⁷ мстительного Канси, возобновил эти торговые связи новым договором, который безвозвратно устанавливал границы каждой империи и подчинял купцов строгим правилам, рассчитанным на то, чтобы навсегда устранить все источники раздоров.

Русскому двору разрешалось посылать караван в Пекин один раз в три года, а число купцов ограничивалось двумя сотнями. По прибытии на границу с Китаем они должны были сообщить императору, что китайский офицер может быть послан к ним для сопровождения их в столицу, где их расходы будут покрыты за всё время их движения. Было также решено, что товары, принадлежащие частным лицам, не должны пересекать границу и что они больше не должны пользоваться привилегией торговать на какой-либо китайской или монгольской территории. Вследствие этого им были назначены два места на границе с Китаем: одно называлось Кяхта, по имени речки, а

¹ Кое-кто из купцов вскоре обошёл царскую монополию, установив тайные сношения с Китаем через монгольских посредников, которые хорошо зарабатывали на этом.

² Канси (Айсиньгёро Сюанье, 1654–1722), маньчжурский император из династии Цин (1661–1722), правивший всем Китаем. Эпоха Канси (61 год) стала символом благополучия, «золотым веком» Китайской империи. — *прим. перев.*

³ Лев Васильевич Измайлов (1685–1738) — капитан Преображенского полка, дипломат, чрезвычайный посланник. Эта его поездка в Китай состоялась в 1719—1722 годах. — *прим. перев.*

⁴ Лоренц Ланг (тж. Ланге или Ланж, Lorenz Lange, 1690-е — 1752) — шведский инженер, статский советник. Служил в шведской армии, пленён под Полтавой, поступил на службу к Петру I. В составе посольства Л.В.Измайлова направлен в Пекин для надзора за российской караванной торговлей. Написал об этом книгу (в сокр. русском переводе: «В беглых путешествиях через Россию», СПб., 1776). С 1739 года - Иркутский вице-губернатор. — *прим. перев.*

⁵ Фактически, не отъезд Ланга вызвал беспорядки, а наоборот, миссия его была прервана решением китайцев отменить российские торговые льготы из-за несогласия русских отказаться от власти над монголами. — *прим. перев.*

⁶ Савва Лукич Рагузинский-Владиславич (1669–1738) — сербский негоциант, состоявший на русской дипломатической службе. Возглавлял русское посольство в Китай, основал город Троицкосавск, ныне Кяхта. — *прим. перев.*

⁷ Айсиньгёро Иньчжэнь (1678–1735) — 3-й Император Китая из династии Цин (1722-1735). — *прим. перев.*

другое — Цурухайтуй¹, на левом берегу Аргуни, и купцы обязаны были сдавать свои товары в склады этих двух поселений².

Несмотря на торжественную ратификацию всех пунктов этого договора, его исполнение наталкивалось на различные препятствия, росло недовольство и множилась нечестность. Как бы то ни было, за двадцать семь лет из России вышло всего шесть караванов, и затем торговля пришла в упадок из-за потери доверия³.

Я умалчиваю о подробностях тех претензий, которые китайцы высказывают русским. Многие известные историки рассказывали о жалобах, которые вызвали переселения калмыков и множества тунгусов, они все доходили до царского двора; все видели его тонкую политику, то умеренную, то жёсткую, но всегда уклоняющуюся от удовлетворения желаний Китая.

Эти споры продолжались вплоть до восшествия на престол царствующей императрицы. Как только Екатерина II пришла к власти, она отказалась от монополии на меха и исключительного права посылать караваны в Пекин в пользу своих подданных. Но этот акт справедливости и благодеяния, достойный ума и добросердечности императрицы, был ещё недостаточен для того, чтобы придать этой торговле её былую силу. Вражда между двумя нациями ещё более усилилась из-за непостоянства тех недовольных тунгусов, которые внезапно бежали из-под власти России и вернулись под покровительство Китая.

С тех пор было замечено, что оба народа, отбросив всякую вражду, вступили в искреннюю связь и что общение между купцами становилось всё более активным и прибыльным. Кяхта расширялась и укреплялась, росло её население. По мере того, как в ней множились русские торговые конторы, китайцы открывали свои в Маймачене⁴, агенты с обеих сторон совершали сделки, переводчики составляли договора на монгольском языке.

У русских нет преимущества в этой торговле. Китайцы, торгующие сообща, гораздо внимательнее следят за своим интересом и осмотрительнее относятся к сделкам; они умеют определить действительную стоимость русских товаров, и у них есть умение продавать свои собственные по той цене, которую они устанавливают с самого начала и от которой никогда не отступают. Чай, например, приносит им огромную прибыль⁵; они продают его так дорого, что

¹ Современное название — Староцурухайтуй, Читинской области. — *прим. перев.*

² Процесс торговли в Кяхте хорошо описан у Д.И.Стахеева в «От Китая до Москвы. История ящика чая». — *прим. перев.*

³ Не совсем точно: с 1702 по 1758 год только казённых караванов было отправлено 12, затем была разрешена частная торговля с этой страной. Но перерывы в русско-китайской торговле на протяжении XVIII в. случались неоднократно, в основном из-за мелких пограничных инцидентов или нарушения правил торговли. Последний значительный перерыв произошёл в 1785–1792 гг, т.е. как раз во время описываемых событий. — *прим. перев.*

⁴ Маймачен (китайск. «торговое поселение») — приграничный торгово-складской город на китайской стороне напротив Кяхты. Ныне город Алтанбулаг, Монголия. — *прим. перев.*

⁵ Когда я был в Охотске, чай стоил шестнадцать рублей за фунт, и его трудно было найти. Мне сказали, что его привозят из Петербурга и что Россия в настоящее время закупает его в Англии или в Голландии.

покупатели впоследствии вынуждены избавляться от него с убытком. Чтобы возместить потери, русские стараются поднять цену на свои меха, которые китайцы чрезвычайно любят; но они опытни и знают об этих уловках.

Было бы слишком утомительно перечислять в этом месте все товары, которые участвуют в этих обменах. Я отсылаю любопытного читателя к У.Коксу или Палласу¹, которые оба весьма осведомлены в этом вопросе. По подсчётам, сделанным ими в Кяхте в 1777 году, объем этой торговли оценивался в четыре миллиона рублей; но с тех пор различные источники, заслуживающие доверия, утверждают, что он значительно уменьшился и в настоящее время, можно сказать, сведён к нулю².

Для подготовки к отъезду мне нужно было только купить кибитку³. Я также не беспокоился о провизии, так как был уверен, что найду, чем себя прокормить на каждой станции. Губернатор дал мне подорожную до самого Петербурга. Было также решено, что меня будет сопровождать солдат из гарнизона, чья храбрость и верность были вне сомнения, и что один из курьеров генерал-губернатора, особенно им рекомендованный, будет сопровождать меня в качестве помощника и советчика.

Я простился с господином Арсеньевым; его сын и господин Долгополов настояли на том, чтобы проводить меня до первой станции, несмотря на все мои возражения. Мы уже сидели в кибитке, когда приехал мой верный Голиков и со слезами на глазах стал умолять меня позволить ему сопровождать меня вместе с господами; это была, по его словам, самая сладкая награда, какую я только мог дать ему. Это последнее проявление привязанности так

¹ Пётр Симон Паллас (1741–1811) — немецкий учёный-энциклопедист, естество-испытатель и путешественник на русской службе (1767–1810). Прославился научными экспедициями по Сибири и Южной России. — *прим. перев.*

² По прибытии в Сибирь мне в разное время сообщали, что русские купцы признаются, что были неправы в своих расчётах, и в доказательство того показывают склады, набитые мехами, говоря, что они с нетерпением ждут времени, когда новый договор даст им возможность избавиться от этих товаров.

Если мне будет позволено высказать свое мнение, то я осмелюсь утверждать, что деловые круги, как России, так и Китая заинтересованы в скорейшем заключении этого нового договора; но чтобы он был закреплён более прочным и выгодным для двусторонней торговли наций способом; возможно, прежде всего необходимо, чтобы страны совместно облегчили бремя налогов и сняли все ограничения, которые отпугивают и настораживают купцов. Возможно также, что России было бы целесообразно, пользуясь естественными преимуществами своего положения, снаряжать корабли из Охотска, Камчатки или какого-нибудь другого порта, которые могли бы идти прямо в Макао или Кантон и вести торговлю с гораздо меньшими затратами, чем по суше. Сообщение между Охотском и Сибирью не очень затруднительно, и провинция эта станет, несомненно, процветать, когда этот маршрут будет использоваться чаще. Эти размышления привели меня к тому, что я уже сказал ранее о проекте английского купца из Макао. Почему бы и русским не предпринять такую попытку? Разве у них нет больших возможностей, чем у англичан, монополизировать пушную торговлю с Китаем? Когда путь уже открыт, легче продолжить его до новых мест. Я уж не говорю о том неограниченном преимуществе, которое Россия извлекла бы из этого торгового мореплавания в обучении новых моряков и постройке новых кораблей.

³ Желая поскорее закончить свое путешествие, я оставил большую часть своих вещей у купца господина Медведева, который охотно взялся отослать их в Петербург. Чтобы уладить это дело, он пригласил меня поужинать с ним. Когда мы сидели за столом, в городе произошло землетрясение, которое было довольно сильным и продолжалось две минуты. Мы поняли это по тому, как задрожали наши стаканы, стол и стулья; зазвенели все колокола в городе, и упали некоторые лёгкие постройки. После первого испуга стали возникать различные догадки относительно источника этого сотрясения; так как волнообразное движение было с юга на север, то предполагалось, что оно произошло в озере Байкал. Я оставляю этот вопрос на усмотрение натуралистов.

подействовало на меня, что я почувствовал, что, исполняя его просьбу, получаю не меньше удовольствия, чем он.

Переправившись на пароме через реку Ангару¹, мы вскоре прибыли к месту нашего расставания. Пока я повторял слова благодарности и прощался с моими друзьями, Голиков, спрятавшись за кибиткой, старался скрыть свои слезы и напутствовал солдата, который его сменил. Его отчаяние вырвалось наружу, когда мы были готовы ехать; он обнял мои колени и воскликнул, что никогда не оставит меня. Напрасно я повторял ему, что я не имею права брать его с собой, и он хорошо это знает, но ни мои уговоры, ни мои утешения — ничто не могло заставить его разнять свои объятия; мне пришлось силой оттащить его от моих ног, а потом от кареты, за которую он ухватился, когда его оторвали от меня. Никогда, я думаю, моя душа не испытывала более сильного потрясения; я уехал с разбитым сердцем. Меня всё ещё мучает сожаление, что я не могу следовать велениям моих чувств², я могу только надеяться, что когда-нибудь он узнает об этом, но сам я не могу льстить себе надеждой, что когда-нибудь вновь увижу его.

С сего момента я вынужден прекратить свою практику ежедневных записей. Моё путешествие в Петербург было так быстро, то есть с 10 августа по 22 сентября, что невозможно было соблюсти их точность; по этой же причине пусть читатель простит мне краткость моих наблюдений. Страна, через которую я проезжал, была описана таким количеством точных и умных перьев, и путешественники эти придавали так много привлекательности и интереса своим рассказам, что меня можно было бы обвинить только в самонадеянности или плагиате, если бы я попытался углубиться в предмет, который они изучали глубоко и дотошно, в то время как у меня едва хватало времени, чтобы быстро пролистать его. Многие из этих произведений³ написаны недавно, и

¹ Эта река берет своё начало под названием Тунгуска в Енисее (близ города Енисейска) и на некотором расстоянии от Иркутска впадает в обширное озеро, которое русские называют морем Байкал. Говорят, что это озеро окружено высокими горами, вода в нем пресная, но плавание по нему небезопасно из-за частых штормов. Я очень сожалею, что не смог посетить его. [Автор всё перепутал: Ангара, как известно, наоборот, вытекает из Байкала и впадает в Енисей (действительно, недалеко от Енисейска), а Верхняя Тунгуска — её прежнее название в нижнем течении. — *прим. перев.*]

² Сила моих выражений в описании моих чувств к этому солдату, по-моему, не требует никаких объяснений. Мне нечего будет сказать тому, кто осудит меня, когда узнает о тех услугах, которые он мне оказал.

³ Среди этих авторов я упомяну Гмелина, Лепёхина, Рычкова, Фалька и Георга, аббата Чаппе и Палласа. Последний, в частности, имеет в своих описаниях особую точность, энергичность и полноту сведений.

[Иоганн Георг Гмелин старший (1709–1755) — немецкий естествоиспытатель на русской службе, врач, ботаник, этнограф, путешественник, исследователь Сибири и Урала; Иван Иванович Лепёхин (1740–1802) — русский учёный-энциклопедист, путешественник, естествоиспытатель, лексикограф, академик; Пётр Иванович Рычкóв (1712– 1777) — русский чиновник, географ, историк и краевед или его сын Николай Петрович Рычков (1746–1798) — русский путешественник и географ; Иоганн Петер Фальк (1732–1774) — шведский путешественник и ботаник, исследователь природы России; Иоганн Готлиб (Иван Иванович) Георги (1729–1802) — немецкий медик, химик, натуралист, этнограф, путешественник, академик; Аббат Жан Шапп д’Отрош (1722–1769) — французский астроном и путешественник. В 1768 году издал книгу «Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 г...», неоднозначно принятую в России из-за её антирусской направленности, и в ответ на которую Екатерина II издала свой «Антидот», в котором опровергает утверждения аббата. — *прим. перев.*]

любопытство читателя может быть вполне удовлетворено ими. Я буду говорить только о том, что касается меня самого.

В начале пути я проехал через небольшой район, населённый «братскими татарами»¹. Разве это не тот же самый народ, описанный некоторыми французскими авторами под именем бурятов? За Нижнеудинском последовал Красноярск, где мы остановились на сутки, чтобы починить оси своего экипажа. Этот город получил свое название от крутого красного берега Енисея, протекающего под его стенами.

Затем мы ехали по равнине, называемой Барабинская степь. Почтовая служба осуществляется здесь ссыльными всех мастей, чьи поселения находятся на расстоянии от двадцати пяти до пятидесяти вёрст друг от друга. Эти несчастные живут точно так же, как те, что везли меня из Якутска в Пеледуй; они не более услужливы и не менее свирепы, а их леность ещё ужасней.

Привыкший к плодородной и богатой местности возле Иркутска, возделываемой трудолюбивыми старожилками, глаз не может без боли обозреть эту бесплодную пустошь. Мы склонны приписывать этот меланхолический контраст лени её развращённых жителей, хотя и признаем, что почва здесь неплодородна. Можно сказать, что в соответствии с мстительной рукой, которая преследует их, природа действует по отношению к ним как мачеха; земля, на которую их изгнало правосудие, кажется, не желает их выносить; её увядшее лоно отказывает их образу жизни во всяком успехе.

Мой проводник, имевший звание сержанта, общался с этими несчастными лишь настолько, насколько это было необходимо. Чтобы добиться повиновения, он часто пользовался своей палкой, и мои увещевания не могли удержать его от этих выходок, которые он в шутку называл «господствующим над ним грехом»². Однажды он чуть было не поплатился за свою жестокость. В тот раз мы прибыли на станцию и не нашли там лошадей; человек, который должен был этим заниматься, позволил себе «дерзкое преступление» — он отлучился за сеном. Мы прождали два часа, но он всё не появлялся; наконец проводник решил сам, вместе с солдатом, отправиться и забрать первых попавшихся лошадей. Примерно через полчаса они вернулись в очень сердитом настроении с единственной лошастью, за которую им пришлось побороться. Пока они рассказывали об этом, человек, который, как они уверяли, сам напал на них, прибежал ко мне жаловаться, что ему оторвали половину бороды. Вскоре меня окружили человек пятьдесят, собравшихся неизвестно откуда, ибо, приехав в деревню, мы не видели никого, кроме старосты. Все они наперебой ругались на проводника; я долго пытался

¹ Так в XVIII веке в России называли бурят. Отсюда название города Братска. — прим. перев.

² См. «Послание к римлянам 6:12-14». — прим. перев.

вставить хоть слово, но меня никто не слушал. Проводник, вместо того чтобы помочь мне успокоить их, увидев, что станционный смотритель вернулся с поля, набросился на него с побоями за задержку, которую он нам причинил. Человек, у которого была вырвана борода, вознамерился защитить своего товарища, но солдат по приказу проводника помешал ему, и я теперь был вынужден освобождать бородача из его рук. Криками и уговорами я наконец умерил ярость сражающихся. У меня были все основания похвалить себе за выдержку; зрители пришли в такую ярость от того, как обошлись с их односельчанином; что они наверняка убили бы нас, если бы я немедленно не приказал двум моим неосторожным слугам вернуться в кибитку, а смотрителю поспешить запрячь лошадей. Толпа жаждала погнаться за ними, но в конце концов мне удалось её успокоить, и они удовлетворились руганью. Я поспешно уселся в кибитке и вздохнул свободно только когда мы оказались вне пределов их досягаемости.

Я боялся, что и дальше нас будут ожидать подобные инциденты; но до самого нашего прибытия в Томск, города на краю этой равнины, мы не встретили никаких мятежных проявлений. Мои люди горели желанием донести свои жалобы до исправника и, к моему великому огорчению, призвали меня в свидетели. Этот офицер объяснил мне, какое опасное влияние этот случай может оказать на порядок и послушание, если эти барабинские ссыльные не будут сурово наказаны; поэтому он приготовился отправиться туда, чтобы наказать их в назидание другим.

Вскоре возможность забыть об этом неприятном происшествии дал мне визит к томскому коменданту. Я узнал в нем француза по фамилии де Вильнёв¹; он был в чине полковника и принял меня как соотечественника. Не выразить словами нашу взаимную радость от встречи. Я думал, что уже нахожусь во Франции!

Город Томск довольно чист; он стоит частично на возвышенности, где и находится дом губернатора, другая его часть спускается к реке Томь. Мы остановились в нём только на время, необходимое для ремонта колёс.

По пути мы встречал много отрядов ссыльных и каторжников², и мне советовали быть с ними настороже. Поскольку побег среди них часты, крестьяне вынуждены преследовать их как из чувства долга, так и ради собственной безопасности. В действительности для этих преступников нет ничего легче, чем сбежать по дороге; их, правда, хорошо охраняют, но они не закованы в кандалы. На лесной дороге я видел однажды такой отряд человек в восемьдесят, они шли группами от четырёх до шести мужчин и женщин, на

¹ Томас Томасович де Вильнёв (1715–1794) – француз на русской службе, комендант Томска с 1774 по 1794 год. В его доме в Томске останавливался по пути в ссылку в Илимский острог А.Н.Радищев. – *прим. перев.*

² Среди них было несколько выдающихся личностей.

расстоянии до двух-трёх вёрст друг за другом. Потом их распределяют по разным рудникам Сибири: эти направлялись в Нерчинск.

Мы пересекли главные реки этой провинции, такие как Ока¹, Енисей, Томь, Обь. На последней мы чуть не утонули на маленьком пароме, который был в таком плачевном состоянии, что на середине реки наполнился водой. Нам было бы не спастись, если бы не лодка, которую я предусмотрительно привязал к парому, и другие, на которых к нам быстро приплыли на помощь местные жители.

Прежде чем прибыть в Тобольск, мы дважды переправились через Иртыш, последний раз около устья Тобола. Этот большой город, расположенный на слиянии этих рек, был одним из самых красивых городов Сибири, но недавно стал жертвой пожара, который уничтожил бо́льшую его часть². До этого он состоял из двух частей: верхнего и нижнего города; одна из них, построенная на вершине горы, представляла собой множество прекрасных каменных зданий; другая состояла из деревянных домов, которые первыми были поглощены пламенем. Мало-помалу огонь добрался до верхней части города и каменных домов, где от них не осталось ничего, кроме стен. Я не задерживался на этой печальной сцене; впечатление, которое она произвела, было столь глубоким и сильным, что я никогда не забуду того ужаса в глазах жителей города, которые от мала до велика трудились неумоимо, но в скорбном молчании, чтобы возместить свои потери. Следы пожара уже начинают исчезать, и фундаменты некоторых домов и лавок, заново отстроенные из камня, возвышаются над землёй: вероятно, и остальная часть города будет восстановлена столь же основательно.

Выехав из Тобольска, мы в третий раз переправились через Иртыш и добрались до Екатеринбурга, где пробыли двадцать четыре часа, чтобы снова починить нашу кибитку. Я потратил это время на посещение золотого прииска и места, где чеканят медные деньги.

Я отсылаю читателя к уже цитированным мною авторам для описания поселений черемисов, чувашей, вотяков³ и татар. Об этих последних я скажу только, что чистота внутри их домов меня поразила, несомненно, ещё и потому, что я слишком привык к противоположному среди камчадалов, коряков и других. Татары эти ведут оседлый образ жизни; они земледельцы, хлеба и скота у них довольно; религия, которую они исповедуют — магометанская.

¹ Имеется в виду Ока Саянская — левый приток Ангары. Непонятно, почему автор причислил её к главным рекам — по меркам Сибири она крошечная — всего 630 км длиной. — *прим. перев.*

² Это был пожар 10 мая 1788 года, самый сильный в истории города — за два дня сгорело около 80% города — свыше 1800 домов. — *прим. перев.*

³ Черемисы — прежнее название марийцев; вотяки — прежнее название удмуртов. — *прим. перев.*

Головные уборы черемисских женщин поразили меня своей необычностью: это полая деревянная шапка длиной в восемь-десять дюймов и шириной в четыре-пять, расположенная у корня волос на лбу, а верхняя часть её наклонена вперёд. Её покрывают сверху белым платком, вышитым или кружевным, предпочтение отдаётся самым ярким цветам и самым богатым узорам. Платок, очень велик и свободно свисает сзади, он окантован длинной бахромой или кружевом из золотой или серебряной нити, соответственно достатку его обладательницы. Остальная часть их одежды больше всего напоминает халат или шлафор.

Нам встретился караван цыган, которые просили у меня денег и сообщили, что они собираются заселить и возделывать участок земли на берегу Волги, недалеко от Саратова.

В Казани необходимость завизировать мою подорожную у коменданта, а также трудности со сменой лошадей, так как мы приехали поздно, задержали нас в этом городе до рассвета. Волга, протекающая у его стен, в этом месте очень красива; дома в городе по большей части деревянные, а церкви — каменные. Мне сказали, что здесь находится кафедра архиепископа.

За Волгой¹, рекой, славящейся своим судоходством и впадающей в Каспийское море, мы проехали через города Козьмодемьянск и Макарьев. Последний, известный своими льняными мануфактурами, является, собственно говоря, всего лишь селом. Недалеко от Макарьева мы проехали по такому плохому мосту, что он весь дрожал и шатался под нашей кибиткой, и тут моё нетерпение едва не стоило мне жизни. Наш ямщик, беспрестанно мною подгоняемый, гнал что есть силы², и вдруг я услышал, как что-то сильно ударило по кибитке. Я высунул голову и в то же мгновение получил такой удар по голове, что тут же свалился обратно в экипаж. Проводник, который ехал со мной, закричал, что я ранен. Кибитка остановилась, я вышел... по лбу моему текла струйка крови... оказалось, что одно колесо развалилось, и кусок его на полной скорости прилетел мне в голову. Я ощупал рану, она показалась мне такой большой и глубокой, что я был уверен, что череп пробит насквозь, и решил, что я умер...

Здесь я должен признаться, что у меня нет слов, чтобы описать всю глубину охватившего меня в тот момент отчаяния! После преодоления стольких препятствий и опасностей, у самых ворот Петербурга, где я страстно желал обнять лучшего из отцов³, которого не видел уже четыре года; перед возвращением в родную страну и завершением моей миссии, перед вручением

¹ Говорят, что её берега кишат разбойниками, но это, как мне кажется, просто обыкновенные лодочники. Я встречался со многими из них, и никогда у меня не было никаких недоразумений.

² Это похвала ямщикам России; нигде в мире не ездят так быстро, а причина в том, что они почти всегда пьяны. В деревнях, после сбора урожая, их приходится силой вытаскивать из кабаков.

³ Отец автора, Мартэн Лессепс (1730-1807), служил в С.-Петербурге генеральным консулом Франции. — *прим. перев.*

бесценных депеш моему королю, и быть сражённым куском деревянного колеса?! Подавленный этой мыслью, я почувствовал, как у меня задрожали колени и закружилась голова; но помощь моих товарищей, к счастью, вернула меня к жизни: я собрался с силами, туго повязал голову бинтом, колесо, насколько это было возможно, тоже было исправлено, и вскоре мы добрались до следующей станции, последней перед Нижним Новгородом.

Я оставил свою кибитку на этой станции на попечение моего солдата с приказом починить её и немедленно следовать за мной в город. Пока мне запрягали почтовую карету и укладывали в неё мою шкатулку, я сходил в трактир, где мне промыли рану очень крепкой водкой и наложили на неё хороший компресс, что позволило мне проехать до Нижнего Новгорода, до которого было двадцати пять – тридцать вёрст.

Полкового хирурга, к которому я приехал, не было дома, и, чтобы дожидаться его, меня отвезли в какое-то ужасное жилище. Желание остаться неизвестным и неуверенность в опасности моей раны побудили меня не объявлять о себе губернатору. Во второй половине дня я снова приехал к хирургу, но опять безрезультатно. Измучившись от боли и не зная, насколько серьёзно моё ранение, я спросил, нет ли здесь ещё кого-нибудь, кто мог бы мне помочь, и они вспомнили об одном подлекаре, то есть помощнике хирурга, который после продолжительных пререканий всё же пришёл ко мне. Его появление не произвело на меня благоприятного впечатления относительно его способностей и трезвости; неуверенные движения и нетвёрдая походка выдавала в нём пьяного человека. Тем не менее необходимость обследовать рану преодолела во мне отвращение доверить себя в такие руки; и тут выяснилось, что негодяй забыл дома свои инструменты. Кто бы мог подумать, что обыкновенная булавка станет тем самым зондом, которым он воспользуется? Исследовав им рану, он сообщил мне, пошатываясь, что она глубокая, до кости, но череп вовсе не сломан, и что с применением водки и воды я могу продолжить путешествие; затем он посоветовал мне кровопускание. Но даже одна мысль о том, чтобы доверить свою руку такому пьянице, заставила меня содрогнуться. Поблагодарив, расплатившись и отпустив его, я сел в экипаж, радуясь, что избавился и от хирургии, и от хирурга.

Нижний Новгород расположен, как известно, на Волге. Он немногим отличается от других русских городов. В то время в нём была популярна труппа отечественных комедиантов.

Посетив Владимир, мы приехали в Москву. Господин де Бофф¹, французский вице-консул, настоял, чтобы мою рану осмотрели самые лучшие хирурги. Их заключение придало мне уверенности, хотя головная боль оставалась довольно сильной. В то же время я узнал одно обстоятельство, меня расстроившее. Господин де Бофф рассказал, что моего отца нет в Петербурге: так что если бы я был смертельно ранен и этот город был бы концом моего пути, я был бы лишён утешения окончить свою жизнь в объятиях того, кому я был ему обязан.

Моя кибитка была в плачевном состоянии, поэтому я оставил её в Москве и сел в один из обычных почтовых экипажей; но они так малы и неудобны, что даже не могли укрыть меня от дождя. Я проехал Тверь, Вышний Волочёк, Новгород и Софию² близ Царского Села³ и прибыл в Петербург в ночь на 22 сентября, проехав от Иркутска шесть тысяч вёрст за сорок дней, восемь из которых были потеряны в непредвиденных задержках.

Согласно указанию графа де Лаперуза, я передал свои пакеты в руки графа де Сегюра, полномочного представителя французского двора при императрице. Я имел удовольствие встречаться с ним, когда он приезжал в Россию и считаю одним из счастливых событий своей жизни то, что я нашёл его теперь в Петербурге, он утешил меня в отсутствие моего отца. Граф не только принял меня самым милостивым образом, но и проявил всяческое внимание к моему здоровью. Он предложил, чтобы один из его курьеров сопровождал меня до конца моего путешествия. К тому времени я, благодаря мастерству его врача, полностью вылечился, поэтому я поблагодарил графа за его любезное предложение, но не хотел лишать его человека, который мог бы ему понадобиться.

Забрав его депеши, я выехал из Петербурга 26-го числа, между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи. В Риге пришлось задержаться на два дня, чтобы сделать ремонт экипажа. В Мемеле, в отвратительную погоду, мне пришлось потратить восемь часов на то, чтобы нанять лодочников перевезти меня через Куршский залив. Я заночевал в Берлине, и граф Д'Эстерно, полномочный представитель короля при этом дворе, также пожелал послать через меня депеши; я был хорошо вознаграждён за эту пустяковую задержку услугами, которые оказал мне господин посол.

Наконец я увидел свою родную страну и 17 октября в три часа пополудни прибыл в Версаль. Я остановился в доме графа де ла Люцерна, министра и государственного секретаря морского департамента. Я не имел счастья быть

¹ Жан Де Боффа (Jean de Boffe, 1734–1797?) – колонист из Франции, топограф по профессии, прибыл в Россию в 1764 году, однако в колонию на Волге (Россоши, Саратовской губ.) не уехал, а остался в Москве. Позднее стал вице-консулом Франции в Москве. – *прим. перев.*

² София — в то время уездный город, основанный в 1780 году Екатериной II (чьё имя при рождении была София). Ныне исторический район в южной части Пушкина (бывш. Царское Село). – *прим. перев.*

³ Эти города хорошо известны: я проезжал их с такой скоростью, что почти ничего не видел.

знакомым с ним, но тот очень добрый приём, который он мне оказал, мгновенно наполнил моё сердце благодарностью, которой я так многим ему обязан. Его милости я обязан тем, что в тот же день был представлен Его Величеству, который снизошёл до того, чтобы расспросить меня о различных обстоятельствах моей экспедиции, выразил желание узнать подробности и на следующий день вознаградил меня назначением консулом в Кронштадт; эта награда была тем более дорога, что напомнила мне о тех словах одобрения, которые были сказаны об усердии всех членов моей семьи на вверенных им гражданских и политических должностях.

КОНЕЦ

Перевод©Андрей Дуглас, 2020

ПРИЛОЖЕНИЯ

*Копия свидетельства господина Козлова-Угренина,
полковника, коменданта Охотска и Камчатки.*

Удостоверяю, что г-н де Лессепс, вице-консул Франции в Кронштадте, был вынужден задерживаться в разных местах по следующим причинам:

1. По приезду в Большерецк 7/18¹ октября 1787 года, задержка произошла из-за невозможности совершить путешествие от Камчатки до Охотска по суше. Передвижение на санях, как и замерзание рек, началось в конце ноября.

2. Он мог бы ехать, но постоянные и сильные штормы, которые преобладали в Большерецке с начала ноября до конца декабря, не позволили этого сделать. Редко случались даже два дня, чтобы видимость была больше, чем на шесть-восемь шагов. Даже камчадалы не могут путешествовать в такую погоду, и вынуждены иногда останавливаться на открытой местности.

Я счёл своим долгом предупредить г-на де Лессепса, о риске, которому он будет подвергаться до конца этой продолжительной плохой погоды, если предпримет это опасное путешествие, а также о вреде его здоровью и о возможности потерять пакеты, которые были ему поручены для французского двора; я заверил его, кроме того, что мне самому надо вернуться в Охотск как можно скорее, и я позабочусь о нём, и что мы будем делать только самые необходимые остановки.

3. В течение этого времени г-н де Лессепс подвергся приступу очень жестокой дизентерии; болезнь продолжалась девять недель и сильно истощила его.

4. Голод среди собак по всему западному побережью Камчатки вынудил нас следовать в обход и долго двигаться по восточному побережью.

5. Мы были вынуждены надолго остановиться в Пусторецком остроге, в шестистах верстах от города Гижига. Мы прибыли туда 26 февраля. Я использовал все возможные средства, чтобы поскорее ехать дальше, но нам не хватало собак и провизии, поэтому я решил отпустить г-на де Лессепса 7/18 марта на малых санях с небольшим экипажем. Кит, которого выбросило на берег моря и которого мы разрезали на куски, дал нам возможность накормить его собак. Чтобы защитить его в Каменном остроге, где живут коряки, на которых мы не можем слишком полагаться, я просил господина капитана Шмалева сопровождать его туда. Я сообщил о нём во все места, через которые он должен был пройти, и дал ему всё, что было в моих силах, чтобы путешествовать быстро и безопасно; но в то же время я предупредить его, что

¹ Даты здесь и далее даны через дробь по Юлианскому (принятому в России) и Григорианскому (принятому в Европе) календарям. В XVIII веке разница между ними составляла 11 дней. – прим. перев.

он должен ожидать много препятствий и трудностей, пока он не прибудет в Охотск. Я ещё раз заверил его, что ему придётся подождать до конца этого сезона, пока мы сможем отправиться в путь из Охотска в Якутск, поскольку дороги между этими двумя городами абсолютно непроходимы или, по крайней мере, чрезмерно опасны в зимнее время из-за очень глубокого снега.

Заверяю то, что я написал настоящее, запечатанное казённой печатью моего департамента, и заверенное господином Шмалевым, капитаном-инспектором Камчатки.

Совершено в Пусторецком остроге 12/23 марта тысяча семьсот восемьдесят восьмого года.

Продиктовано, переведено и утверждено выше подписавшимся г-ном Шмалевым.

Подпись. Григорий Козлов-Угренин, полковник, комендант Охотска и Камчатки.

Подпись по-русски: Василий Шмалев, капитан исправник.

Ещё одно свидетельство, от Охотского коменданта.

Г-н де Лессепс прибыл в Охотск 25 апреля/5 мая 1788 года, не совсем здоровый и сильно уставший от дороги. Однако его намерение состояло в том, чтобы продолжить путь, воспользовавшись оставшейся санной дорогой, чтобы добраться до Юдомского креста, откуда по вскрытии реки Юдома он мог бы спуститься по воде. Я приложил все усилия, чтобы обеспечить его всем необходимым; собаки и всё, что нужно для дороги, были готовы, но плохая погода задержала нас: наступила сильная продолжительная оттепель, которая за несколько дней сделала дороги непроходимыми. Несмотря на это, я надеялся, что морозы всё ещё дадут себя знать в течение нескольких ночей, что очень обычное явление в это время года, и что он может продолжить путешествие. Их не было, и г-н де Лессепс не мог уехать. Он даже попытался уехать, но, как я и ожидал, был вынужден вернуться назад, найдя лёд на реках и все дороги затопленные водой. Мы стали собирать другую экспедицию, но пришлось подождать, пока не растаял лёд на реках, и снег не сошёл с полей, чтобы дать лошадям хоть немного корма. Самое раннее, когда он может отправиться, подвергая себя потере части лошадей — это 25 июня.. Он ни под каким предлогом не согласился остаться на столько времени, и я решил послать выбрать лучших лошадей, или, лучше сказать, наименее плохих, и отпустить его в ближайший благоприятный момент, когда пройдёт первый паводок. Я был удивлён тем, как быстро он дошёл из Пусторецкого острога, где он оставил господина Козлова, который до сих пор не прибыл — то ли в пути,

то ли погода не благоприятствует, то ли у него не хватает средств. Решение оставить его, которое принял г-н де Лессепс, было самым верным. Он бы успел проехать ещё больше, если бы непогода не задержала его в пути на десять дней.

Я подписал и выдал, по требованию г-на де Лессепса, настоящее свидетельство, чтобы служить доказательством необходимости его пребывания в этом городе, и невозможности путешествовать быстрее в этой местности, особенно в это время.

Совершено в Охотске двадцать шестого мая (5 июня) тысяча семьсот восемьдесят восьмого года. *Подписано за коменданта: ассессор Йохан Кох.*

От переводчика:

Описание Борщевика сибирского и способ приготовления из него самогона¹.

из «Путешествия капитана Кука по Тихому Океану»².

(рецепт этот, однако, полностью списан с работы исследователя Камчатки С.П.Крашенинникова «О заготовлении сладкой травы и о сидении из нея вина», которую можно найти в Интернете)

... растение, о котором идёт речь, называется «сладкая трава»; латинское название: *Heracleum Sibiricum*. Я обратил на него особое внимание в мае, когда оно было около полутора футов высотой, имело вид осоки и было покрыто белым пухом или пылью, которая очень походила на иней и могла быть стёрта пальцем; на вкус оно было сладкое, как сахар, но жгучее и острое. Стебель полый и состоит из трёх или четырёх сочленений; из каждого из них вырастают большие листья, и когда они достигают своего полного роста, то имеют до шести футов в высоту.

Это растение раньше было главным ингредиентом в большинстве блюд камчадалов; но с тех пор, как пришли русские, оно почти полностью используется для получения алкоголя методом дистилляции. Способ его сбора, приготовления и последующей дистилляции заключается в следующем; срезав такие стебли, на которых растут свежие листья (главный стебель, к тому времени, как растение достигло своего полного роста, становится слишком сухим), и соскоблив с их поверхности пушистый слой, укладывают их небольшими кучками. Через некоторое время стебли начнут выделять влагу и пахнуть. Подождав, когда они снова подсохнут, их кладут в мешки из рогожи, где, пробыв несколько дней, они постепенно покрываются внутри стебля

¹ Данное описание и рецепт взяты из указанного источника «как есть». Точность и безопасность рецепта лежит на совести автора источника. Переводчик никакой ответственности за качество и/или последствий от употребления приготовленного по данному рецепту алкоголя не несёт. – *прим. перев.*

² Voyages of Captain James Cook Round the World, London, 1809, Vol. VII, Book V, Chap. VI, p. 303-304.

сладким сахароподобным порошком. Из пуда растений в таком состоянии можно получить не более четверти фунта порошка. Женщины, в чьи обязанности входит сбор и приготовление стеблей, вынуждены защищать свои руки перчатками; кожа, которую они снимают, такая едкая, что кожа может покрыться волдырями.

Алкоголь извлекается из растения в этом состоянии следующим образом. Замачивают стебли в горячей воде в небольшом сосуде. Для усиления брожения добавляют ягоды голубой [съедобной - *прим. перев.*] жимолости или голубики. Хорошо закрывают горлышко сосуда и держат в тёплом месте на время брожения, которое обычно бывает сильным и вызывает сильное бурление. Затем содержимое выливают в медный сосуд, а выгоняют спирт обычным способом. После дистилляции первого ликёра наливают ещё горячей воды и делают второй таким же образом. Получаемый ликёр имеет крепость коньяка и называется туземцами «рака». Два пуда (≈ 32 кг) этого растения дают обычно одно ведро (≈ 15 литров) раки.

Стеллер¹ утверждает, что спирт, дистиллированный из этого растения без соскабливания с него верхнего пушистого слоя, чрезвычайно вреден для здоровья и производит самые неожиданные и ужасные нервные эффекты.

Перевод©Андрей Дуглас, 2020

¹ Георг Вильгельм Стёллер (1709– 1746) — немецкий врач и естествоиспытатель, работавший в России. Известен своим участием во Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга (1737—1742). – *прим. перев.*

